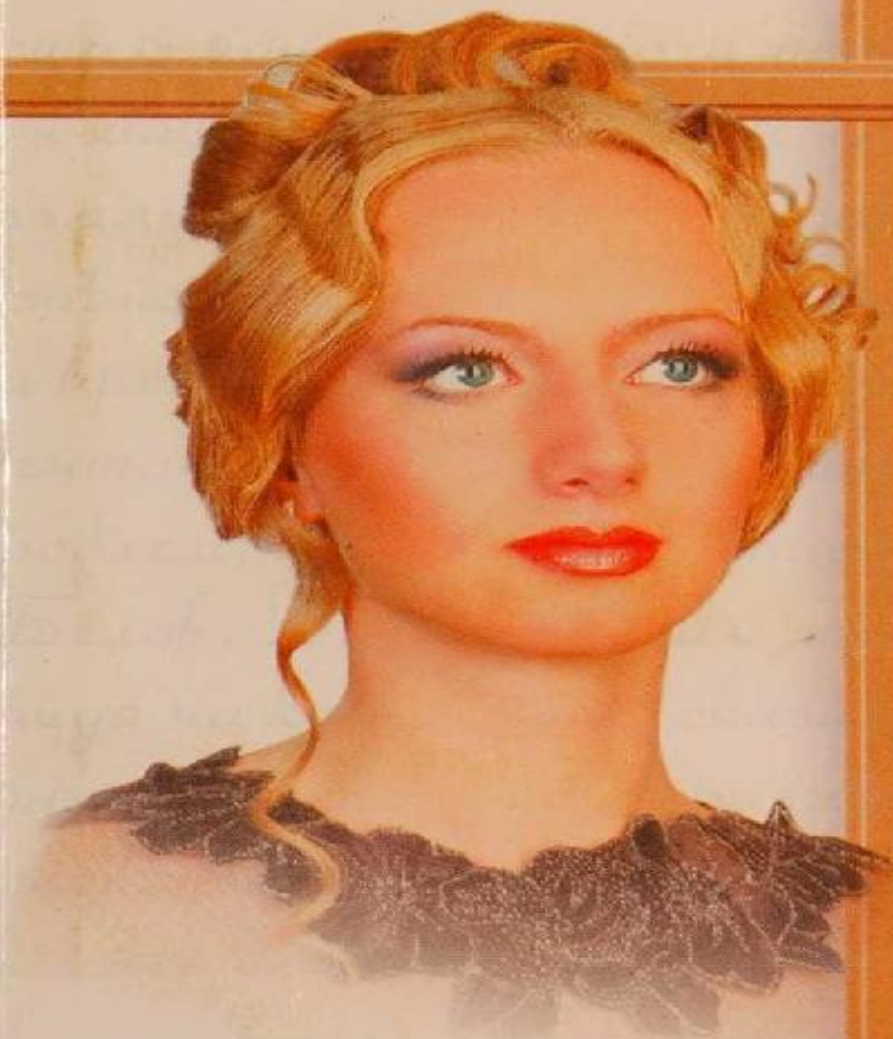

Наталья
Рощина

Обмануть
себя

«Она не могла не доверять ему,
она слишком любила...»

Роман юной красавицы и преуспевающего, умного, мужественного «хозяина жизни»...

Сюжет для мелодрамы?

Увы, в жизни все МНОГО СЛОЖНЕЕ, чем в кино!

Избранник девушки ЖЕНАТ и, что хуже всего, не намерен расставаться ни с женой, с которой ему привычно и удобно, ни с возлюбленной, которая дарит ему минуты ПОДЛИННОГО СЧАСТЬЯ...

Книга издавалась под названием «Спасение во лжи».

- [Наталья Рощина](#)

- -
 -
-
-

Наталия Рощина

Обмануть себя

Вадим проснулся и слишком быстро для человека, который только что путешествовал в стране сновидений, сел на кровати. Провел рукой по лицу, словно смахивая тяжелое впечатление от увиденного. Спать больше не хотелось. Было темно, но зимой это еще не говорит о том, что за окном глубокая ночь. Спящая рядом Валя медленно повернулась на другой бок. Осторожно, чтобы не разбудить жену, Вадим встал, нащупал на полу тапочки и вышел из спальни. Он машинально заглянул в комнату сына — Димка безмятежно спал, разбросав ручки в стороны. Вадим с завистью смотрел на малыша. Вот бы и ему хоть на время вернуть чувство покоя, защищенности, мечтательности, освободить голову от взрослых проблем, о которых не знает ни один ребенок.

— Белов, Белов, ты сам загоняешь себя в тупик, — зайдя на кухню, тихо сказал Вадим. Ему не показалось странным то, что он разговаривает сам с собой. С некоторых пор это стало привычным явлением. Так было легче — не приходилось спорить, ведь со всем произносимым наедине с самим собой Вадим всегда был согласен. Он перестал контролировать себя и часто позволял мыслям материализоваться в неспешно произносимые слова. Когда его одергивали удивленные близкие, случайно оказавшиеся рядом, улыбался, совершенно сбивая их с толку.

Лунный свет лился из окна, делая привычные очертания мебели размытыми, лишенными реальности. Кажется, включи свет — и уйдет какая-то необъяснимая загадочность раннего февральского утра. Вадим присмотрелся к настенным часам — половина шестого. На душе было беспокойно от внезапного пробуждения. Он не мог вспомнить суть самого сна, и это злило его. Последнее время он слишком много уделял этому внимания. Белов подумал, что это состояние частенько посещало его во время ожидания появления Димки. Тогда он даже поделился с Валею тем, что его мучит. Она удивленно слушала рассказ о его страхах, вдруг поняв, что ее светлое чувство ожидания появления их первенца отличается от тревог будущего отца, как будто лишенных намека на радость. Растерянность, паника, которым поддался Вадим, не была подсознательным желанием привлечь к себе внимание. Неосознанно боясь предстоящих перемен, Вадим потерял покой, плохо спал, прислушиваясь по ночам к ровному дыханию Вали. Он вспомнил, как смотрел на ее поднимающийся и опускающийся живот, не представляя, как сложатся его отношения с этим человечком. Он не был готов к роли отца. Появление ребенка, по мнению Вадима, могло разрушить только-только зарождавшиеся отношения с женой, его третьей женой. Ему хотелось подольше купаться в таких новых, греющих душу буднях, которые Валя умела превращать в светлые, лишенные серости и предопределенности дни. Ему было уютно и тепло дома, где он — всегда самый желанный — ни гость, ни хозяин — баловень, окруженный вниманием и заботой. Вадим боялся потерять все это.

Теперь ему было стыдно за свою слабость, ведь появление Димки действительно все изменило, но совершенно в иную сторону. Вадиму открылась еще одна, ранее не известная Валина особенность: уставшая, но счастливая, она успевала одарить своим теплом теперь уже двух любимых мужчин. Свет, исходивший от нее, притягивал магнитом, когда вечером, держа на руках Димку, она встречала мужа после работы. Ей хотелось купаться в его согревающих лучах, отвечать тем же. Началась новая полоса в жизни Вадима, в которой он

ощутил чувство ответственности и бесконечной нежности к близким и дорогим существам. Он не сопротивлялся рождению этого ощущения и полностью погрузился в него. Ему показалось, что он, наконец, нашел себя в этом размеренном ритме и радовался, что судьба подарила ему встречу с удивительной женщиной, сумевшей вселить в него чувство удовлетворения и покоя. Прошло не так много времени, прежде чем неумная, страстная натура начала протестовать против спокойного течения жизни. Противоречивость характера молодого красивого мужчины снова неожиданно проявилась. Внезапно случилось то, что поставило под угрозу все: отношения с Валец, родителями, сыном, равновесие внутреннего мира. Но думать Вадим уже не мог, он был способен только нестись в сумасшедшем, сметающем все преграды потоке чувств.

Белов не заметил, как полностью погрузился в воспоминания. Он уже не стоял у окна — он словно держал в руках книгу, главы которой описывали его самого и жизнь тех, кто был с ним рядом. Ему было интересно перелистывать страницу за страницей. Их было не так много, но некоторые из них казались совсем истрепанными, готовыми рассыпаться в руках от самого легкого прикосновения — они были опалены страстью.

Вадим родился в очень дружной семье, где царила атмосфера взаимопонимания и любви. Он не мог припомнить ни одного случая, когда в доме кто-то говорил на повышенных тонах. Это было не свойственно ни маме — Галине Матвеевне, ни отцу — Петру Петровичу. Они были настолько близки друг другу, что даже в критических ситуациях, без которых невозможен самый идеальный брак, никогда не опускались до банальных скандалов. Их отношения были полны нескрываемой нежности, заботы, стремления не причинять любимому человеку боли. В этом не было ничего показного, наигранного — просто встретились и полюбили друг друга два человека, которые понимают и чувствуют один другого и хотят всегда быть вместе.

Серьезное отношение к семье и ее устоям, похоже, совершенно не передалось их сыну. Он женился безоглядно, следуя порывам страсти, потом не заботился о том, чтобы сохранить союз. Два очень коротких брака — на первом курсе института с Региной, на четвертом — с Марьям — не оставили в душе Белова глубокого следа, однако на какой-то период охладили его пыл к женитьбе. После этих двух попыток он поразмыслил и решил, что для того, чтобы любимая женщина была рядом, совсем не обязательно идти с нею под венец. Родители, настороженно наблюдавшие за поведением своего сына, не могли понять: откуда у него такое легковесное отношение к браку? И Петр Петрович, и Галина Матвеевна отличались постоянством чувств. Они соединили свои судьбы еще в студенческие времена, во время учебы в медицинском институте, и с тех пор делили пополам жизненные радости и трудности, растили сына. Глядя на то, как их повзрослевшее чадо бросается с головой в бурлящий поток очередного романа, они каждый раз внутренне готовились к тому, что скоро последует сообщение о предстоящей свадьбе. Две избранницы Вадима не пришлись по душе ни Галине Матвеевне, ни ее мужу. И дело было не в том, что свекровь не видела достойной подруги для своего любимого Вадюши. Наблюдая за экстравагантными, длинноногими брюнетками, получавшими их фамилию, она смиренно принимала выбор сына, ожидая, что рано или поздно рядом с ним окажется достойная женщина.

Вадим разочаровывался в своих спутницах именно тогда, когда родители всеми силами старались найти положительный момент в браке сына. Ни Регина, ни Марьям не смогли удержать страстного, отдающего всего себя и требующего такого же отношения к себе мужа.

Он не позволял командовать собой, не прощал ничего поверхностного, наигранного. Бесспорная красота его избранниц становилась обыденным и приторным дополнением к их душевной пустоте, ограниченности. Вадим достаточно легко расторгал обязательства и забывал о существовании экс-мадам Беловых. Будучи снова холостым, он давал себе обещание не поддаваться мгновенным импульсам желания. В конце концов, он доказывал своему неугомонному мужскому началу, что не должен разменивать свою жизнь на бесконечные штампы в паспорте. У него были большие планы относительно собственной карьеры, и пришло время уделить именно этому наибольшее внимание. Прежде всего он должен добиться чего-то в жизни, а душевный разлад только задерживает его продвижение вперед.

Вопреки желанию родителей он не стал врачом, категорически настояв на перспективной, интересной для него работе программиста. Со временем у Беловых-старших не осталось сомнений в том, что их сын выбрал верный путь. Но в самом начале они не были довольны его категоричным выбором. Получив диплом, Вадим остался на кафедре в качестве аспиранта. Он не горел желанием защищать кандидатскую диссертацию, потому что к моменту окончания института его голова была больше занята проблемами создаваемой им и его одноклассником Костей Проскуриным фирмы по производству компьютеров. Два амбициозных молодых человека, удачно дополняя друг друга, направили все силы на развитие нового бизнеса, ожидая в недалеком будущем его бурного развития и успеха. Однако, видя, как важно для отца и матери продолжение его учебы, Вадим решил, что сможет сочетать работу в фирме и аспирантуру. Он делал ставку на свой молодой, полный энергии и оптимизма организм, на максимализм юности, когда, кажется, все по плечу. К тому же именно тем жарким летом, после получения диплома, в его жизни появилась Валюша Смирнова. Он не придавал серьезного значения знакомству с этой, так непохожей на героинь его романов, девушкой. Приехавшая из провинции, не испорченная, тонкая, ранимая натура, она привлекла его внимание именно своей чистотой и обаянием, открытостью. Белов присматривался к ней, стараясь заметить наигранность, нарочитую простоту пытался представить коварным ходом. Но ничего такого ему никак не удавалось увидеть. Если бы он только знал, чего стоило девушке вообще произносить не лишённые смысла слова, ведь Валя полюбила этого красивого голубоглазого брюнета с первого взгляда. Ее мысли путались в голове, а глаза постоянно утопали в небесной синеве взгляда Вадима. Она старалась ничем не выдавать волнения от тембра его голоса, заставлявшего быстро стучать ее сердце. Она просто не верила, что такой красивый, веселый, уверенный в себе молодой человек может обратить внимание на нее, невысокую толстушку с русой косой. Увидев в Вадиме того принца, о котором мечтает каждая девушка, она гнала от себя любые мысли о продолжении отношений. Ее мама часто говорила, что нужно быть очень осмотрительной и не такой доверчивой, но разве доводы рассудка способны заглушить пение сердца?

Их случайное знакомство не закончилось тем жарким летним вечером. Юноша не упускал ее из виду. Он звонил на квартиру хозяйки, у которой в то время Валя снимала комнату, и каждый раз, предвкушая разговор, девушка на мгновение прижимала телефонную трубку к груди. Она чувствовала, что счастье просто слышать его голос делает ее красивее, умнее, смелее. Она улыбалась своему отражению в зеркале, видя, как светятся ее серо-зеленые глаза. Она верила, что нашла свою судьбу. А во время встреч они говорили о жизни, высоких материях, планах на будущее, постепенно узнавая друг друга. Белов не скрыл, что дважды был женат, чем на какое-то время привел Валю в замешательство. Она нашла в себе

силы быть достаточно деликатной, чтобы не увязнуть в бесконечных вопросах о его прошлом, и Вадим оценил это. Он с наигранным безразличием назвал два неудавшихся брака опытом горячей юности, вскользь заметив, что так и не ощутил, что такое настоящий семейный очаг. Валя видела, что он с гораздо большим удовольствием говорил о недалеком будущем. С его лица сходила напряженность, и даже тембр голоса менялся. Белов рассказал, что учится в аспирантуре, хотя не планирует связывать с наукой свою жизнь. С удовольствием поделился планами открытия компьютерной фирмы, горячо убеждая Валю, что только за этим будущее. Она слушала его, не понимая, как в одном человеке соединяется столько противоречий. Он словно был соткан из них, и это должно было бы настораживать, но красота и обаяние Вадима делали свое дело. Валя отгоняла от себя любые мысли, призывавшие быть осторожной и не доверять человеку, так свободно говорившему о двух скоропалительно распавшихся браках, о свободе выбора жизненного пути, выбора, который он делал, исходя исключительно из собственного мироощущения. Он с любовью говорил о своих родителях, в то же самое время отмечая, что никогда не сможет простить им давления на него, навязывания воли всезнающих, опытных людей. Создавалось впечатление, что юноша вообще не имеет обыкновения прислушиваться к чьему-либо мнению. Он уверенно смотрел в будущее, и это сбивало Валю с толку: может быть, так и нужно, чтобы добиться чего-то? Она не была столь решительной, никогда не была, и всегда прислушивалась к советам матери. Она не представляла, что можно ей перечить, да и не было такого случая, чтобы хотелось отчаянно настаивать на своем.

Валя тоже рассказывала Вадиму о своей маме — Степаниде. О том, что именно ее поддержка и понимание стали решающими в выборе дальнейшего пути. Они всегда были вместе, даже находясь на расстоянии. Растившая дочку без отца, Степанида, конечно, страдала от одиночества. Но материнское сердце согревала мысль, что дочка добьется в жизни того, о чем мечтает, и не повторит судьбы своей матери: тяжелый труд на ферме, работа, бесконечная работа по хозяйству... Нет, Степанида решила, что Валино желание стать врачом — прекрасное будущее. Главное, не обжечься вначале, не почувствовать себя лишней в городском ритме, но и оставаться самой собой. Именно на этом она настаивала, расставаясь с Валею. Благо, все сложилось даже лучше, чем обе предполагали.

Самой изматывающей была для девушки борьба с тоской в первое время. Голова отказывалась думать о чем-то, кроме предстоящей встречи с мамой. Ее присутствия девушке физически не хватало. Прошло немало времени, прежде чем Валюша привыкла к Горинску, к новым знакомым и уже не так болезненно скучала по матери и дому. Разлука уже не лишала сна, и позади остались времена, когда единственным желанием было поскорее дожидаться выходных, чтобы приехать в родную Смирновку, увидеться с мамой, почувствовать прикосновение ласковых рук, услышать родной голос.

Три года учебы пролетели со сказочной быстротой. Диплом медсестры был получен, и теперь Валюша собиралась работать в больнице, мечтая в скором времени все-таки поступить в институт. Она призналась Вадиму, что побоялась сделать это сразу после школы, а теперь словно и не жалела об этом, но думала, что зря струсила. Нужно быть более уверенной в собственных силах. Однако теперь она благодарила судьбу за то, что все сложилось именно так. Иначе она бы не встретила Вадима. Она боялась даже думать об этом! Неужели она могла столько лет жить без его голубых глаз, без его иронии и постоянных проверок? Чего ей стоило выглядеть непринужденно и никогда не показывать, с каким нетерпением ожидает очередной встречи, знала только она. Валюша весело отвечала

на все подковырки и «проверочные тесты» Вадима, не замечая, что заинтересовывает своего нового знакомого все больше и больше. Он оставлял свои впечатления при себе, каждый раз доказывая, что это просто дружба.

Прошло немало времени, прежде чем Вадим стал по-другому смотреть на нее, замечать, что его отношение к неожиданно возникшей в его жизни девушке перерастает в нечто большее. Он удивлялся тому, как ей удалось настолько заинтересовать его. Их отношения складывались по необычному для Вадима сценарию. Во-первых, он не бросался, закрыв глаза и отключив рассудок, в огненную пучину нового чувства. Он смаковал его, с каждым днем погружаясь в неизвестное состояние, дающее такие приятные ощущения. Во-вторых, он решил непременно познакомить Валю со своими родителями. Он был уверен, что она понравится им с первого взгляда, и не ошибся. Вадим ощутил особый кайф, когда Галина Матвеевна вздохнула с облегчением — наконец-то сын образумился и остановил свой выбор на достойной девушке. В-третьих, он ввел Валю в круг своих знакомых, где тоже получил однозначную положительную оценку своей спутницы. Предложение стать его женой прозвучало через полгода после первой встречи. Для Вадима это был трезво обдуманый шаг, а для Вали — продолжение романтических настроений и естественное желание всегда быть рядом с любимым.

Встреча с Валиной мамой — Степанидой Михайловной — произвела на Вадима гораздо большее впечатление, чем он ожидал. Ему очень понравилась эта красивая, рассудительная, хлебосольная женщина. Пожалуй, и его отношение к Вале с того момента приобрело совсем иную окраску. Белов сказал себе, что обязательно сделает все, чтобы эта девушка почувствовала себя счастливой. Он захотел, чтобы Степанида Михайловна не пожалела о выборе своей дочери. Вадим был благодарен хозяйке гостеприимного дома за то, что она не засыпала его многочисленными вопросами, мягко обошла тему его прошлых браков. Она просто улыбалась и присматривалась к новому члену семьи — с первых минут она поняла, что с легкостью даст материнское благословение, и радовалась, глядя на светящуюся от счастья дочь. Вадим оказался на пороге неизбежных перемен. Он не собирался упускать шанс. Пропуская через себя волну ответственности перед будущим, уверенности в том, что поиск идеала наконец завершен, Вадим испытывал удовлетворение. Это ощущение подарило ему необычайный душевный подъем.

Белов понял, что готов создать новую семью. Однокомнатная квартира, доставшаяся ему несколько лет назад после смерти деда, вскоре стала настоящим уютным гнездышком, где Валя так успешно справлялась с ролью хозяйки. Она без устали благоустраивала небольшое пространство, которое казалось ей раем на земле. Она просыпалась каждое утро с улыбкой на лице — и сны, и явь были так похожи на сказку, в которой ей отведена роль принцессы. К тому же вскоре молодая женщина поняла, что ждет ребенка, и это окрылило ее. Она мечтала поскорее увидеть маленькое чудо, желая окружить его такой любовью, на которую только была способна.

Появлению малыша предшествовала невосполнимая потеря: умерла Валина мама. Она болела давно и серьезно, однако тщательно скрывала это от окружающих и близких. Ей так и не довелось увидеть своего внука, а Валя долгое время носила в сердце глубокое ощущение вины, что не прочувствовала самого родного человека до конца, что не была с мамой рядом в последние минуты. Пожалуй, рождение Димки помогло ей выйти из этого состояния. Валя погрузилась в заботы о крошечном, беспомощном существе, пытаясь уйти от всего, что могло помешать зарождению совершенно иных, ранее не изведанных отношений. Теперь она

чувствовала ответственность и гордость, глядя, как спокойно спит в кроватке запеленатый комочек. Она вошла в новый жизненный ритм, практически в одиночку справляясь с многочисленными трудностями. Вадим учился в аспирантуре и работал в созданной к тому времени фирме «Байт», поэтому уходил рано, приходил поздно. Он старался хоть как-то помочь жене, которая не жаловалась на хроническую усталость и продолжала встречать его по вечерам с улыбкой, с удовольствием делал покупки, гордо гулял с коляской в выходные, понимая, что этого мало, но в то время он был не способен на что-то большее. Его родители тоже освобождались от работы только на субботу-воскресенье. В эти дни они спешили с самого раннего утра оказаться в доме сына и старались принести максимальную пользу. Валина бабушка, Вероника Сергеевна Маковецкая, невероятно счастливая тем, что у нее появился правнук, слишком плохо чувствовала себя, чтобы Валя рассчитывала на помощь с ее стороны. Годы брали свое, и порой Вероника Сергеевна понимала, что мысленно готова на все, чтобы быть полезной, однако реально это оставалось невыполнимым.

Три года пролетели быстрее, чем можно было себе представить. Вадим окончил аспирантуру, защитил диссертацию и теперь преподавал на кафедре и с большим энтузиазмом продолжал с партнером Костей развивать свое главное детище — компьютерную фирму. Однокомнатное гнездышко не так давно сменила просторная трехкомнатная квартира, появилась возможность благоустроить быт, обзаводиться вещами, о которых раньше можно было только мечтать.

Валя вышла из декретного отпуска на работу, отдав малыша в сад. Теперь в привычном кабинете врача невропатолога, где Валя была медсестрой, место Вероники Сергеевны заняла недавно окончившая институт Алиса Захаровна Зингер. Отношения между ними не были полны легкости, откровения и понимания, к чему хорошо успела привыкнуть Валя до декрета. Маковецкая — это была особенная атмосфера, совершенно иной стиль работы и общения. Но выбирать не приходилось — Валя всматривалась в лицо красивой молодой рыжеволосой женщины в белом халате, которая изо всех сил старалась наладить с нею доверительные отношения. Они были одногодками, и темы их разговоров изредка вскользь касались душевных переживаний, которые не удавалось скрыть. Не было советов, обсуждений, просто констатация фактов. И конечно же ни одна, ни другая не представляли, что все их женские проблемы, слезы и радость относятся к одному мужчине...

В начале очередного периода неудовлетворенности Белов мечтал о том, чтобы жизнь его наполнилась новыми красками. Он уже перестал радоваться семейному покою и уюту, размеренность стала раздражать его. Он почувствовал себя старым, усталым, ничему не радующимся брюзгой, а это состояние доводило его до бешенства, к тому же все эти эмоции и душевные переживания приходилось скрывать от окружающих. Родители, друзья, Валя — они вряд ли поняли бы его состояние. Страстной натуре Белова были нужны встряски, эмоциональные подъемы. Стабильность так и не стала его спутницей надолго. В ответ на его мысли судьба подарила ему встречу с красивой рыжеволосой женщиной, с которой Вадим столкнулся в больничном дворе. Незнакомка спеша буквально упала в его объятия, она не заметила его, он — ее. Вот так стремительно мчались они в совершенно разные стороны, а оказалось — навстречу друг другу. Между ними промелькнуло то, что называют роковой страстью. Они и не предполагали, к чему приведет эта случайная встреча, разделившая жизнь обоих на «до» и «после» нее. С того ноябрьского вечера началась двойная жизнь Белова и переполненная любовью и ожиданием перемен — Алисы Зингер.

Они встречались три месяца с небольшим. Валя сразу почувствовала, что с Вадимом что-то происходит, а уже через некоторое время была твердо уверена, что в его жизни появилась другая женщина. В их новой, ставшей такой пустой и чужой, квартире она чувствовала себя одинокой и находила утешение в подрастающем сыне. Голубые глаза Димки смотрели открыто, доверчиво, с любовью, и Вале казалось, что это Вадим продолжает любить ее. Становилось легче, но самообман не мог длиться долго. Она видела, что, приходя домой, муж лишь физически присутствует за столом, у телевизора, односложно отвечает на ее вопросы о работе, прошедшем дне, играет с сыном. Прекратились их долгие посиделки после ужина, при свете бра за чашкой ароматного кофе, когда красноречие Вадима завораживало, и так хотелось слушать еще, еще. Он лишь однажды позволил себе прийти домой слишком поздно, оправдывался загруженностью на работе, но Валя до сих пор помнила, как тихо и холодно было на кухне, где она сидела, уставившись на телефон. Когда Вадим вернулся, она не опустила до расспросов о том, где он был и почему у него такой виноватый вид. Просто нашла в себе силы казаться спокойной, предложила поужинать и пошла в спальню. Белов тогда вздохнул с облегчением — никакого скандала, никаких сцен. Чувство вины сменило чувство эйфории от свидания и стало нестерпимо обидно оттого, что не пришлось оправдываться. Поведение Вали внушало ему восхищение, но временами оно видоизменялось в едва скрываемое раздражение.

Валя всегда говорила себе, что ради сохранения семьи, ради того, чтобы быть рядом с Вадимом, она простит ему все. Но сказать оказалось гораздо легче, чем пережить все реально. Любимый отгораживался извечной иронией и пустыми фразами. Димка стал для него предлогом, чтобы улизнуть из дома: на прогулку, за конфетами, за подарками. Начались тяжелые для Вали дни, рассказать о которых она смогла только Веронике Сергеевне. Ее советы помогли молодой женщине обрести равновесие, набраться терпения и ждать, не обостряя ситуации. Ведь и теперь ее самым большим желанием было — не потерять Вадима.

...А он полностью ушел в свои новые переживания и впечатления. Он был уверен, что ведет себя благоразумно, и эта темная страничка его жизни известна только ему. Валя ни о чем не спрашивает, лишь изредка говорит о том, что не хочет быть ему в тягость. Кажется, ей трудно приспособиться к тому, что у них начался новый этап, связанный с его профессиональным ростом. Она думает, что в этой благополучной, наполненной реальными возможностями жизни ему нужна рядом другая женщина. Нет, Вадим совсем не собирался отказываться от своей семьи, просто решил добавить немного разнообразия и забытых ощущений, когда сердце замирает и дыхание сбивается от одной мысли о предстоящем свидании. Это было нужно ему, как воздух. Дома, на работе он старался быть прежним, а потом в нем просыпался другой мужчина. У него не было семьи, сына, обязательств, только желание и предвкушение удовольствий.

Встречи с Алисой иногда казались ему сном, так неистово и жадно занимались они любовью, так мучительно было ожидание следующей встречи. С ее стороны это была горячая, безрассудная любовь с первого взгляда, а он... Он не строил никаких планов. Он удовлетворял свою страсть, не задаваясь вопросами о будущем, не рассказывая о прошлом и скрывая настоящее. Он не признался в том, что женат, она скрыла, что работает в больнице невропатологом. Белов хотел сначала привязать, подчинить эту молодую эффектную женщину, которая завершала весь необходимый ему список жизненных удовольствий, а она просто побоялась признаться в столь неромантической профессии, думая, что это повлияет

на свободу и откровенность в их отношениях. Маленькая и большая ложь сосуществовали в безумной страсти, без вопросов, обязательств, признаний.

Поначалу их любовным гнездышком стала квартира лучшей подруги Алисы Марины Светиной. Вадим чувствовал себя неудобно: на этой же лестничной площадке жила и Алиса с родителями. Он не хотел однажды столкнуться с ними лицом к лицу. Он знал, что рано или поздно получит приглашение познакомиться, но решил, что этот момент пока следует отложить. Голова Белова кипела от накапливающейся цепочки обманов, от увеличивающегося объема информации, часть которой предназначалась только для Вали, другая — только для Алисы, третья — для родителей и друзей. Он постоянно находился в напряжении, впрочем, вскоре привыкнув к этому состоянию. Он перестал переживать и думать о том, что предаст любовь жены, недооценивает чувства Алисы.

Чтобы избежать ненужных сложностей, он поспешил объявить о своих непростых отношениях со своими предками — так на время он решил проблему первой встречи Алисы с будущей свекровью. Вадим был уверен, что с некоторых пор молодой женщине плохо удавалось скрывать свое нарастающее желание стать его женой, в этом было что-то будничное, лишённое романтики и ощущения полета. В его же планы не входило разрушать то, что создавалось не один год. Он своеобразно разделил свою жизнь на две части: в одной были Валя и сын, а в другой — Алиса. Обе женщины хотели полного обладания этим красивым, уверенным в себе мужчиной. Ему же поначалу было трудно разрываться между ними. У него не было опыта подобных отношений. Два его первых брака распались скорее, чем Вадим почувствовал необходимость в новых ощущениях. Теперь приходилось изворачиваться, получать от жизни лучшее, внося в нее разнообразие, огонь и вкус интриги. Белов оказался в своей стихии. В какой-то степени он достиг некоего предела в своих желаниях. Хотя он был достаточно умен для того, чтобы понимать — это не будет тянуться долго.

Алиса изо всех сил старалась выглядеть независимой, нелюбопытной, веселой, но порой в случайно оброненных ею фразах отчетливо проявлялся лейтмотив — как каждая нормальная женщина она хотела замуж, хотела рожать детей от любимого мужчины и заботиться о нем и их доме. Три месяца встреч показали ей, что они не стали близки так, как ей того хотелось. Они встречались, словно по расписанию, не ходили ни к кому в гости, ни с кем не общались, а лишь, как изголодавшиеся животные, предавались плотским утехам, расставаясь, чувствуя полное опустошение. Алиса не могла даже представить, что она — лишь красивое дополнение к полноценной, сложившейся жизни обожаемого ею Белова. Она знала о нем совсем немного: образован, с необычным, тонким чувством юмора, красивый и страстный. Мог стать врачом, как его родители, но выбрал свой путь — программиста, работает в компьютерной фирме, не лишен амбиций, уверенно говорит о стойком материальном благополучии в ближайшие годы. Немногочисленных друзей держит на расстоянии, не подпуская никого к себе близко. Алиса осмелилась думать, что она — вообще единственное разумное существо, с которым он изредка позволяет себе быть откровенным. Она тешила себя надеждой, что он слишком серьезно относится к происходящему между ними, и потому не торопит события, присматриваясь, оценивая, что за женщина оказалась с ним рядом. Она была готова ждать. Только все равно — так хотелось слышать признания в любви, купаться в розовых облаках фантазий о будущем, но Вадим был чересчур сдержан в словах. Это вызывало сомнения в его откровенности, но сомнения эти влюбленная женщина старалась гнать прочь. Она не могла не доверять ему, она слишком

любила...

Мама Алисы Софья Львовна поняла, что в сердце дочери появилось настоящее чувство. Об этом говорили ее карие глаза, улыбки, неконтролируемые жесты и постоянная восторженность. Софья Львовна радовалась, не задавая лишних вопросов. Она знала, что придет время, и ее Лялька поделится всем, что накопело. Конечно, подруге детства Марине достается больше откровенных признаний, но ревновать к ней было глупо. Девочки росли вместе и ставшая Алисе почти сестрой Маринка несомненно была первой претенденткой на откровения подруги. «Пусть секретничают, — думала Софья Львовна. — Рано или поздно предмет страсти Лялочки предстанет передо мною. Надеюсь, он заслуживает такой любви, которой она одаривает его».

В отличие от Софьи Львовны, отношение Марины к развивающемуся роману было более чем скептическим. Алиса старалась не обращать на это внимания, расценивая поведение подруги как ревность. Марина всегда болезненно воспринимала все ее увлечения: и недолгое замужество, и романчики с сокурсниками. Будучи к ней очень привязанной, Марина действительно тяжело переживала самую кратковременную разлуку с подругой. Уезжала Алиса или предавалась очередной любовной интрижке, Марина старалась приблизиться к ней, и хотя бы в долгих откровенных разговорах по вечерам снова чувствовала близость. Ей было жизненно необходимо видеть, слышать подругу. Она сама понимала, насколько привязана к Алисе, что так нельзя, но ничего поделать не могла. Ведь семья Зингеров практически заменила ей родных, а Лялька была ей словно сестра. Вот почему, узнав в Вадиме мужа Валентины Сергеевны Беловой, Марина оказалась в очень щекотливом положении. Может быть, она все слишком усложнила, и следовало сразу рассказать Алисе о своем открытии, но обстоятельства сложились так, что пришлось смолчать.

Начать с того, что и Марина, и Валя, и Алиса работали в одной больнице. Это было невероятное стечение обстоятельств, которого никто не мог предположить. Марина была счастлива тем, что могла общаться со своей любимой Лялькой не только в домашней обстановке. Конечно, Валентине она первое время завидовала. Еще бы — та имела возможность проводить с Алисой весь рабочий день бок о бок. Это казалось Марине несправедливым. Но вскоре она смогла избавиться от неприятного чувства, явно написанного на ее лице. Марина каждый раз с улыбкой здоровалась или прощалась с Валентиной, продолжая обращаться к ней на «вы» во время коротких, ни к чему не обязывающих разговоров. Поначалу взгляды, которые она бросала вслед удаляющейся медсестре, были полны откровенной зависти. Но, поразмыслив, Марина решила, что неправа, для нее — подарок судьбы то, что Алиса после окончания института заняла место Маковецкой, именно в этой больнице, где сама Марина оказалась совершенно случайно — ей просто нужно было где-то работать после медучилища. Зарплата санитарки позволяла хоть как-то сводить концы с концами. К тому же она имела возможность продолжать работать уборщицей в школе, где подрабатывала еще во времена учебы в училище. Софья Львовна несколько раз пыталась уговорить ее сменить работу, предлагала места, в которых полученные знания могли использоваться в полной мере. Марина категорически отказывалась. Разве могла она добровольно уйти из больницы, где работала ее Лялька? После того, как свою личную жизнь она посчитала полностью и бесповоротно неудавшейся, Марина решила неустанно участвовать в любовных приключениях подруги. Ей было достаточно взволнованных рассказов Алисы об очередном увлечении, а о том, чтобы быть

причастной к ее тайным свиданиям с любимым, она даже не мечтала. Но именно с такой просьбой обратилась к ней однажды Алиса — ей нужна была квартира. Марина поняла, что на этот раз подруга испытывает настоящее чувство. Ревность и страх потерять близкие, доверительные отношения с нею все же уступили место доводам рассудка. После первого же свидания Алисы и Вадима Марина, случайно столкнувшись с ним в подъезде, поняла, что ее подруга встречается с женатым мужчиной. Собственно говоря, в этом не было ничего особенного, учитывая легкость современных нравов. Но Марина понимала, что Алиса остается в полном неведении о том, что, во-первых, работает с женой своего любимого бок о бок, во-вторых, развитие отношений говорило о том, что Белов не собирается ничего менять. Он выдумал несуществующий конфликт с родителями, он отмахнулся от друзей, не желая вводить Алису в свой круг. Будь у него другие, более серьезные планы на ее счет, он обязательно поступил бы иначе. Марина слушала рассказы подруги о том, какой необыкновенный, умный, красивый, настойчивый мужчина оказался с нею рядом, и кусала губы. Она не могла решиться раскрыть Алисе глаза на правду. Марина понимала, что Вадим купается в Лялькиной любви, словно дегустируя сладкий, дорогой десерт, не отказываясь при этом от основного, привычного блюда.

Когда Марина все-таки рассказала Алисе, что того мужчины, которого она себе придумала, реально не существует, ей не стало легче. Она увидела, какую боль причинила подруге, и пожалела о содеянном. Но слово — не воробей. Алиса была потрясена тем, что оказалась просто красивым дополнением к благополучной жизни молодого бизнесмена. Заявление Марины совпало с необъяснимой на первый взгляд ссорой, первой ссорой между Вадимом и Алисой.

Оба события произошли в один день. Алиса еще не отошла от того, как он разговаривал с нею — словно с девкой по вызову, настаивая на свидании, крича в трубку. Он никогда раньше не позволял себе так разговаривать. Алиса тогда возмутилась и положила трубку. После нескольких минут короткого телефонного разговора она чувствовала себя так, словно целый день занималась тяжелым физическим трудом. Она сидела в прихожей, не в силах подняться и пойти в свою комнату. Софья Львовна попыталась успокоить дочь, удивившись, что та настолько близко к сердцу приняла пустяковую на первый взгляд ссору. Но Алиса поняла, что произошло непоправимое. В этот момент она решила поговорить с Мариной. Теперь предвзятое отношение подруги к Вадиму требовало конкретного объяснения. Алиса решительно поднялась и направилась к Марине. Благо, для того, чтобы встретиться с подругой, не нужно было никуда ехать.

Увидев возбужденную Ляльку с горящими глазами и беспокойными руками, которые ей словно мешали, Марина все поняла. Она не стала искать слов и ходить вокруг да около. Ее сообщение повергло Алису в шок, но это было единственным выходом. Очередная ложь могла привести к непоправимым последствиям. Марина боялась теперь только одного — что, вернувшись к себе домой, подруга захочет распрощаться с этой не дающей ей шансов на настоящее счастье жизнью. Алиса поклялась, что не собирается совершать очередную ошибку. Она была подавлена, но, улыбаясь кончиками губ, старалась показать, что сможет выстоять.

Она любила искренно, с некоторых пор мечтая, чтобы Вадим стал отцом ее детей. Алиса не задавала ему вопросов, думая, что только ненавязчиво она полностью подчинит его, сделает так, что он не сможет представить рядом с собой другую женщину. Она отдавалась ему со страстью, которой сама от себя не ожидала, отбросив стыд, мораль,

доводы рассудка. Она наконец почувствовала себя счастливой, а когда ловила на себе и Вадиме восторженные взгляды, молодая женщина светилась от сознания того, что они вместе. Она была готова стать с ним одним целым. Ей казалось, что до Вадима в ее жизни не было ничего настоящего. В этом мужчине соединились все требования Алисы к своему избраннику: он был красив, умен, весел, находчив, уверен в себе и в будущем наверняка мог бы обеспечить ее безбедное существование, что для нее было немаловажным. Когда-то Марина сказала, что нельзя мечтать об идеале. Именно так она рассматривала длинный список достоинств, которые должны были характеризовать любимого ее подруги.

То, о чем рассказала Марина в тот вечер после телефонного разговора с Вадимом, перечеркивало все хорошее, чего ждала Алиса от этого романа. Получалось, что ее просто использовали. Алиса не могла описать своего состояния, неужели она смогла это пережить? Жизнь продолжается, только любовь умерла. Погасли согревающие душу огоньки надежды и наполнили сердце едким, непроглядным дымом отчаяния и разочарования. Ничего особенного не произошло — еще одна мертвая любовь, похороненные мечты. Земля не разверзлась под ногами, а на небе все так же светят звезды. Какое дело вечности до того, что происходит с какой-то молодой обманутой женщиной? Ложь стала очевидной и с этим нужно как-то жить, нет, выжить... По сути, не скажи Марина всей правды в тот вечер, в один прекрасный момент она все равно стала бы известна. Значит, с его стороны все было игрой, и теперь Алиса знала наверняка, что даже за маленькую ложь всегда последует наказание. Она получила то, чего заслуживала. Не скрой она того, что работает в этой больнице, во дворе которой они первый раз встретились, может быть, события сложились бы по-другому или никак. Теперь Алиса сожалела, что столько раз закрывала глаза на тревожившие ее признаки. Она не хотела думать ни о чем, кроме своей всепоглощающей любви, и ожидала такого же чувства в ответ. Она отмахивалась от предупреждающих намеков Марины, рассматривая их, как навязчивые идеи ревнивой подруги. Однажды они даже поссорились на этой почве, и несколько дней Алиса проходила мимо Марины молча, с гордо поднятой головой. Как же ей теперь было стыдно перед подругой! Любовь совсем ослепила ее, лишила способности трезво мыслить. Ей казалось невероятным получить прощение, но Марина была великодушна. Она не могла оттолкнуть Ляльку, когда та так нуждалась в ней. Они снова стали близки, очередное разочарование в мужчинах обычно сплачивает женщин.

Алиса долго не могла привыкнуть к тому, что играла банальную роль любовницы. Это было не для нее. Ей нужно было или все, или ничего. Проанализировав поведение Вадима, она поняла, что продолжение романа с ее стороны исключено, даже если он будет искать примирения. Нет, она должна найти другой выход из положения. Ни один мужчина не станет больше манипулировать ею! Она все берет в свои руки. Алиса сказала себе, что сыта романтикой по горло, и в этот момент поняла, что делать. Теперь звонок школьного друга Гарика Молчанова, который она проигнорировала пару месяцев назад, ослепленная любовью к Вадиму, показался ей выходом, прекрасным, триумфальным выходом!

Алиса действовала быстро, под осуждающими взглядами и комментариями Софьи Львовны набирала номер своего давнего друга, давно и безуспешно старавшегося обратить на себя ее внимание. Пришло его время. Он очень высоко поднялся, сделал стремительную, головокружительную карьеру, а это сейчас в глазах Алисы было его главным козырем. Взаимные чувства ей были не нужны. Ее сердце молчит, пусть отдохнет. Гарик — интересный и явно неглупый мужчина, обладающий массой достоинств. Они перетянут чашу

весов, на которые поставлены любовь и расчет. Белову с ним не тягаться: что его фирма и недавно открывшийся магазин в сравнении с безграничными возможностями Молчанова! Алиса была спокойна и рассудительна. Просьбы мамы не поступать сгоряча казались ей детским лепетом. Она смотрела в тревожные глаза Софьи Львовны, не понимая, о чем та говорит. Неужели не видно, что в ее поступке нет ни тени агонии, затравленности зверя перед последним прыжком? Она наконец совершает то, что нужно ей, именно ей.

Алиса не ожидала от себя такой уравновешенности. Она должна вырваться из этого мира, показать всем и Ему, какая сказочная жизнь ожидает ее. Оставалось удостовериться, что Эдуард Михайлович все еще холост. Фортуна была на стороне Алисы — Гарик не стал ждать, он показал, как завоевывают неприступное сердце. Все пронеслось быстрее, чем Алиса могла предположить.

Их бракосочетание произошло десятого апреля. Чуть больше месяца прошло после ссоры Алисы с Вадимом. Он действительно звонил, надеясь на примирение, но всякий раз разговаривал с Софьей Львовной. Алисы постоянно не было дома, а Белов, перезванивая, все еще продолжал лгать о том, что у него нет телефона. Он тешил себя надеждой, что Алиса решила подольше помучить его, держа на расстоянии, не общаясь с ним и минуты. Белов успокоился, решив, что он сделал шаг к примирению и теперь очередь за обиженной любовницей. Он ждал терпеливо, не задаваясь вопросами: «Где она? С кем? Когда задетое самолюбие позволит ей подойти к телефону?»

Они встретились в последний раз, когда Белов, наслаждаясь недавно купленной машиной, остановился на пешеходном переходе. Он сразу выделил из толпы ее высокую, стройную фигуру и развевающиеся на ветру рыжие волосы. Она даже приняла его приглашение и села в машину. Оба не ожидали встретиться так, но неловкое молчание вскоре сменили привычные шутки Вадима. Несколько вопросов — и Алиса поняла, что он не изменился и ничего не хочет менять в своей жизни. Тогда-то она и сказала, что знает о том, что он несвободен. О своих планах она решила промолчать. Она посчитала, что не станет говорить о них в такую минуту, чтобы он не подумал, что она поступает сгоряча, из обыкновенного желания досадить ему. Алиса старалась держаться спокойно и ничем не выказывать своего душевного состояния. Она ругала себя за то, что в первые мгновения встречи почувствовала, что не забыла эти голубые глаза и улыбку, что едва справляется с дрожью, слыша его голос. Промелькнула шальная мысль, что вот-вот он скажет, что свободен, начнет говорить, как невыносимо тяжело жил это время без нее... Но ничего подобного не произошло. Белов просто хотел продолжать развлекаться, снова лгал — терпеть это было не в ее силах.

Она позволила себе разрыдаться, когда прощалась с ним. Ей было безразлично, что на них смотрят, что безупречный макияж размазывается по щекам, что ее ждет Гарик и очень удивится, увидев свою невесту в таком состоянии. Она не могла ни о чем думать, потому что внутри испытывала такую боль, пережить которую могло помочь только чудо. Она оказалась очень выносливой — все-таки человеческий организм таит в себе невероятные возможности. Молодая женщина приложила все силы к тому, чтобы устоять, удержаться, захотеть смотреть вперед. Алиса верила, что получит сполна свою долю счастья, покоя и удовлетворенности. Ради этого она стала госпожой Молчановой.

Вадим почувствовал дискомфорт и резко оглянулся: в дверном проеме стояла Валя. Она сонно потирала глаза и, привычным жестом откинув за спину косу, тихо спросила:

— Ты что здесь делаешь в такую рань?

— Стою смотрю в окно.

— Шесть утра! — по мере того, как Валя просыпалась, удивление ее возрастало. Она знала, как любит Вадим понежиться в постели.

— Неужели всего шесть? — Белов усмехнулся: хорошо жизнеописание, получаса хватило, чтобы получить полное представление о Вадиме Петровиче любимом.

— Ты как-то странно говоришь, — Валя подошла, прижалась к мужу. Вздрогнула, когда его холодные ладони коснулись плеча, спины. — Да ты замерз совсем. Хватит играть в романтику. Пойдем еще поспим. Димка вот-вот проснется, тогда ты начнешь тянуть на голову одеяло и мямлить о нескольких минутах покоя.

«Это она хорошо сказала насчет романтики», — подумал Вадим, снова лежа в кровати. Спать совсем не хотелось, а Валя уже равномерно посапывала рядом, прижавшись щекой к его плечу. Теперь Белов с завистью подумал о ее умении вот так быстро отключаться. Вадим недовольно завозился в кровати, расправляя одеяло. Он закрыл глаза и начал считать — медленно, представляя каждое число. Потом переключился на ступеньки. Он то бежал по ним вверх, стараясь соблюдать определенный ритм, то словно садился на перила и мчался вниз, едва поспевая пересчитать мелькающие серые выступы. Вдруг он ощутил, что не может удержать равновесия и вот-вот свалится со скользких перил, на радость пожилой парочке, наблюдающей за ним на одной из лестничных площадок. Белов не успел крикнуть им что-то неучтливое, вертевшееся у него на языке, как почувствовал легкое прикосновение к щеке. От неожиданности Вадим покачнулся и все-таки упал... Открыв глаза, он увидел рядом со своим лицом улыбающуюся мордашку Димки. Это он несколько раз провел маленьким пальчиком по щеке. «Значит, я все-таки уснул? Который час?» — подумал Вадим и посмотрел на настенные часы напротив — половина восьмого.

— А по тебе, малыш, можно часы сверять, — улыбнувшись, сказал Вадим, обнимая сына. — Доброе утро.

— Доброе утро, пап, — голубые глаза мальчика светились от радости. — Ты ведь не забыл, что сегодня у тебя начался отпуск?

— Теперь точно вспомнил.

— Значит, мы после завтрака едем кататься на санках с горки, как ты обещал? — делая ударение на второй части фразы, спросил Димка.

— Обязательно. Давай пойдем почистим зубы, а потом обговорим детали.

Вадим всматривался в свое отражение в зеркале, пока тщательно сбривал упорно появляющуюся каждое утро щетину. Рядом о чем-то весело рассуждал Димка, но Белов только делал вид, что слушает его. Он умудрялся время от времени поддакивать и делать внимательные глаза. Когда в ванную комнату заглянула Валя, Вадим постарался придать своему лицу беззаботное выражение.

— Доброе утро, — она пристально посмотрела на него, но Белов выдержал ее взгляд, аккуратно запахнул халат и застыл в ожидании. — Завтрак готов, дорогие мои, прошу к столу.

Димка забежал на кухню первым. Он сразу потянул носом приятный аромат свежеприготовленных оладий, а в маленькой баночке стоял его любимый клубничный джем. Потирая руки, малыш занял свое место. Завтрак проходил в молчании. Валя едва притронулась к еде, отпивая из чашки горячий зеленый чай с лимоном — начался очередной этап борьбы с лишними килограммами. Вадим из уважения к хозяйке съел один оладушек и,

откинувшись на спинку стула, наблюдал, как Димка с аппетитом ест.

— Я готов, пап! — улыбнулся малыш.

— Интересно, к чему? — спросила Валя, переводя взгляд с мужа на сына.

— Первый день десятидневного отпуска я пообещал Димке провести исключительно с пользой для здоровья. Мы хотим покататься на санках с горок в пригороде. Ты не против?

— Нет, отпускаю вас спокойно в надежде, что из вас двоих все-таки один — взрослый мужчина.

— Поехали с нами, мама, — попросил Димка, но Валя отрицательно покачала головой.

— Я уберу и порисую в тишине — это мечта каждого дня.

— Вот и хорошо. Только не оставь нас без обеда, — улыбнулся Вадим, поблагодарил за завтрак и поднялся из-за стола.

— Петрович!

— Что, Сергеевна?

— У тебя все в порядке? — Валя почувствовала, как возникло неприятное ощущение, что она разговаривает сама с собой. Голубые глаза Вадима были пустыми, отрешенными. Улыбались только его губы.

— Лучше не бывает. Я в заслуженном отпуске и полностью принадлежу вам, родные.

Валя проводила его взглядом, пока силуэт мужа не скрылся из виду. Димка побежал за ним. Вскоре из гостиной раздавался его задорный, заразительный смех вперемежку с громкими возгласами отца. Принявшись за посуду, Валя не могла отделаться от мысли, что с Вадимом снова что-то не так. Он отгораживается своими извечными шутками, но старается быть внимательным и к ней, и к Димке. Задерживается на работе, возвращается подавленный, вымученный, немногословный и не может зачастую сбросить с себя груз прожитого дня. Раньше они любили посидеть на кухне, обсуждая все, что происходило с ними, а теперь любые разговоры, кроме обсуждения блюд на обед или ужин, заходят в тупик.

После того как весной прошлого года Валя оставила работу и стала называться модным словом «домохозяйка», ее жизнь изменилась. К одним переменам женщина была готова, другие ее не вдохновляли. Она не ожидала, что распрощается с больницей настолько легко. Куда-то ушла мечта продолжить учебу, она даже не напоминала о себе, оставшись словно в другом измерении. На первый план вышло желание уделять внимание сыну и мужу, а потом — своему увлечению, которое становилось все более значимым. Валя решила, что у нее теперь будет больше времени для рисования. Она представляла себе, что не нужно бежать по утрам в садик, потом на работу, а вечером в обратном порядке, плюс почти каждодневный поход в магазин и финишная черта у кухонной плиты. Это не тяготило ее, но с некоторых пор Валя поняла, что такой ритм не дает ей возможности уделять внимание себе. Особенно после того, как она почувствовала до сих пор не дававший о себе знать интерес к фотографии и живописи. Наверное, наставления Вероники Сергеевны все-таки возымели свое действие. Бабушка по-родственному наставляла ее на путь истинный, часто говорила, что Валя растворилась в семейных хлопотах, а это не ведет ни к чему хорошему для такой молодой, талантливой женщины. Маковецкая предостерегала внучку от самопожертвования, которое рано или поздно станет противно ей самой и перерастет в обычную депрессию.

От этих далеко нерадостных перспектив Валю спас переезд на новую квартиру. Очевидное охлаждение между нею и Вадимом на время отодвинулось и ушло на второй план. Теперь Валя делала покупки, погружившись в приятную суету. Она снова ощутила

чувство праздника, когда открываешь глаза в просторной, чистой, обставленной по твоему вкусу спальне, а в соседней комнате спит Димка и в его детской все устроено именно так, как хотелось им, взрослым, но, кажется, пришлось по душе и малышу. Теперь у них была светлая, позволяющая спокойно, никому не мешая смотреть телевизор и видео, гостиная. Вспоминая свою скромную жизнь в Смирновке, Валя не могла поверить, что теперь она — хозяйка этого великолепия и, кажется, это только начало.

Валя полностью взяла на себя организацию ремонта и покупку мебели. Она подбирала обои, шторы, гардины, всякие мелочи, которые придают уют обстановке. Вадим внес свой вклад по-мужски, купив музыкальный центр, новый телевизор и снабдив новую кухню разными приспособлениями и техникой, о которой Валя и мечтать не могла. Началась совсем другая, красивая, словно театральная жизнь. Хозяйкой молодая женщина почувствовала себя с первых дней переезда, а Вадим с трудом вписывался в приобретенные декорации. Так он иногда говорил о квартире, прохаживаясь по вечерам из комнаты в комнату, пытаясь почувствовать себя владельцем этого великолепия. Казалось, он скучал по одинарке, доставшейся ему от деда. Его согревали воспоминания о первом появлении в ней Вали, потом Димки. Вторую свою жену, Марьям, на время ставшую там хозяйкой, он безоглядно вычеркнул из своей памяти. Оказывается, иногда он умел это неплохо делать.

С каждым днем Валя убеждалась в том, что, по сути, хозяйничает в новой квартире одна. Сюда переехали она и Димка, а Вадим присутствует только физически: он замкнут, приходит поздно, ведет себя так, словно нашкодил и не находит в себе сил сознаться в содеянном. Он засиживался до глубокой ночи за компьютером или листал бесконечные деловые бумаги, которые имел обыкновение приносить домой. Часто Валя замечала, что он слишком долго останавливается на одной и той же странице: ему было не до отчетов и проектов. Его мысли витали где-то вдали от всего, что не касалось его бурной личной жизни. Белову казалось, что он ведет себя как обычно, но Валя была напряжена. Женская интуиция подсказывала ей, что у мужа появилась другая женщина. Это так не вязалось с тем образом, который крепко-накрепко Валентина связала с Вадимом. У нее не было доказательства своим догадкам, но сердце тревожно сжималось, когда в очередной раз на столе оставался холодный нетронутый ужин — тот, для кого он предназначался, снова задерживался.

То, что о ее красивом муже мечтала не она одна, Валя смогла убедиться почти сразу после свадьбы. Она ловила на себе свирепые или недоуменные женские взгляды, одни откровенно уничтожали, другие — посмеивались. Однако поведение Вадима не настораживало ее, напротив, он мало говорил о любви, но всеми своими поступками давал понять, что в его жизни она — единственная женщина. Даже два предыдущих брака Белов преподносил, как необходимый опыт, плату за обладание такой совершенной, идеальной женщиной, как она. Он говорил, что получил все, о чем может мечтать нормальный мужчина. Особенно он распрямил плечи, когда родился Димка. Тогда мысли обоих родителей были обращены только к этому крошечному, беззащитному существу, с каждым днем все больше походившему на своего отца. Тонкие рыжие волосики сменили темно-русые, а потом черные, прозрачные голубые глаза стали васильково-синими, как у Вадима. Со временем Димка перенял его походку, обожал садиться за компьютер в гостиной и нажимать на клавиши. Наверняка он был очень горд, что делает все, как папа. Они подолгу рассматривали журналы о новинках техники, обсуждая что-то. Говорил, конечно, Вадим, а Димка внимательно рассматривал фотографии новых автомобилей, самолетов и старательно

запоминал названия, термины. Вадим считал, что малыш очень рано проявил интерес к этому, и с удовольствием поощрял такое чисто мужское пристрастие к технике. Ему нравилось похвастать перед друзьями и родителями, что в возрасте полутора лет Димка на своем ломаном языке с горящими глазами рассказывает о машинах. Едва научившись составлять короткие фразы, малыш сразу же принялся рассуждать о цвете, форме, модели автомобилей, увиденных то ли на прогулке, то ли в очередном журнале. На эту тему он мог общаться столь долго, сколь позволяло желание взрослых его слушать и время.

Наступил момент, когда Вале стало казаться, что в глазах мужа уже нет тех задорных огоньков и благодарной радости, когда они с Димкой встречали его после работы. Он уже не воспринимал восторженно попытки сына показать свои новые познания. Общение с коллегой Костей Проскуриным вызывало у Вадима гораздо больше положительных эмоций, чем общение с ней и малышом. Валя наблюдала за этим без упреков, но часто тайком плакала, уложив Димку спать, и допоздна сидела одна на кухне, уставившись на телефон. Она не опускалась до того, чтобы звонить, искать, расспрашивать, хотя терзалась от предположений, где может быть Вадим. Самым гнетущим было то, что именно себя она винила в происходящем. Вадиму с ней плохо, он не находит себя, страдает, вынужден лгать — значит, она что-то делала не так.

Неожиданно ситуация изменилась — Вадим снова вернулся к обычному ритму, в котором постепенно снова появились долгие вечера за разговорами на кухне после работы. Жизнь в доме стала более живой, Вале перестало казаться, что муж чувствует себя квартирантом в собственной квартире. Это совпало с уходом Вали из больницы и очередными успехами Вадима в бизнесе. Все изменилось и, кажется, вошло в свое русло. Тайком от мужа Валя несколько раз заходила в церковь: она помнила слова матери о том, что за все радости нужно благодарить Всевышнего. Свечи, которые она ставила у икон Николая Чудотворца, Богородицы и Спасителя, своим огоньком отогревали уставшую душу женщины. Она стояла, глядя на колеблющиеся язычки пламени, вдыхала неповторимый аромат церкви, чувствуя, что сделала благое дело. Она получила награду за терпение — они снова вместе, хотелось надеяться, что навсегда.

Однако сегодня она опять заметила отрешенный взгляд Вадима, который испугал ее, заставил сердце стучать быстро-быстро, сбивая ритм дыхания. Она до сих пор не могла избавиться от холодной пустоты и обвинения, сквозившего в глазах мужа, когда рано утром он обернулся, вздрогнув: она не дала ему побыть наедине с собой. Наверняка он нуждался в этом, если в столь ранний час одиноко стоял в неярком лунном свете. Он не захотел потом прижаться к ней, вдыхая запах ее волос, и найти покой в этом. Ему словно было неудобно, неуютно на кровати и он явно едва справлялся с нараставшим раздражением. Она сама положила голову ему на плечо и замерла, подбирая слова для того, чтобы узнать, что его беспокоит. Но неожиданно она снова уснула, оставив без комментария то, что встревожило ее. Утром она осторожно встала с постели и собралась готовить завтрак — Вадим крепко спал. Валя снова струсила: она сказала себе, что не станет ни о чем расспрашивать. Время само все покажет...

Валя давно вымыла посуду, но не шла в гостиную, где все еще резвились два ее любимца. Наконец она заглянула к ним и улыбнулась, увидев раскрасневшиеся щеки обоих.

— Ты сможешь нам собраться? — спросил Вадим и, получив утвердительный кивок, обратился к Димке. — Мама тебя оденет, а я выйду немного раньше, прогрею двигатель и посигналю.

— Только ты не задерживайся, — жалобно протянул мальчик, пытаясь поймать взгляд отца. — Я очень скоро буду готов.

— Я тоже.

Через несколько минут за Вадимом закрылась входная дверь. Валя достала из шкафа в прихожей вещи Димки и помогла ему их надеть. Он беспрерывно говорил о том, что они здорово проведут с папой время, а завтра обязательно еще что-нибудь придумают.

— Мам, только ты тоже должна быть с нами. Мы ведь одна семья. Я правильно говорю? — Димка все еще не выговаривал «р», но серьезность произнесенной фразы заставила Валю не улыбнуться.

— Ты абсолютно прав. Сегодня я немного поработаю, а в завтрашнем мероприятии я обязуюсь принять участие. Идет?

— Хорошо, договорились. — Димке осталось надеть пуховик и сапоги. Он подошел к окну и, встав на носочки, посмотрел вниз. С высоты четвертого этажа прохожие, машины не казались игрушечными, лишенными привычных очертаний, не то что у дяди Игоря и тети Наташи Вороновых, у которых Димка с мамой недавно был в гостях. Двенадцатый этаж показался ему нереально высоким. Казалось, что дом качается, особенно, когда к нему подплывали облака. Димка несколько раз с опаской выглядывал в окно, наблюдая сказочную картину, которая пугала и завораживала одновременно — белые, нереально близкие облака сменялись другими, но дом все-таки стоял на месте. Вид из окна собственной квартиры нравился Димке гораздо больше: макушки деревьев, люди, не напоминающие муравьев. Здесь он чувствовал себя в безопасности. Димка всматривался вдаль, пытаясь не пропустить момент, когда покажется папин «Форд». — А папа все же задерживается. Наверное, опять что-то с двигателем или аккумулятором.

Валя улыбнулась — для своего возраста Димка знал о машинах много и не упускал возможности блеснуть знаниями. Она сама благодаря его страсти к самолетам, машинкам часто открывала журналы, пестревшие цветными фотографиями новых авто, и теперь могла отличить «Опель» от «Аудио», чего раньше за собой не замечала.

— Потерпи, милый, папа вот-вот подъедет. Да, и пообещай мне слушаться его.

— Конечно, конечно. Ну, где же папа?

Вадим давно завел машину и теперь занимался тем, что очищал ее от снега. Он делал это не торопясь, хотя знал, что Димка считает минуты. На стоянке осталось мало машин: большинство водителей наверняка уехали на работу. В ряду, где стоял его «Форд», было еще три иномарки. Скоро люди перестанут провожать взглядами непривычные глазу машины. С каждым годом их становится все больше. Вадим радовался тому, что их жизнь становится более разнообразной. Настали времена, когда каждый мало-мальски сообразительный, неленивый и предприимчивый человек может круто изменить свою жизнь. Главное, не упустить шанс, не надеяться на «авось». Немного везения, немного здорового авантюризма и уверенности в себе — путь открыт. Вадим считал, что они с Костей вовремя занялись фирмой и открыли магазин. Дела шли вверх, возникали новые задачи, разрешимые и приносящие новые прибыли. К своему бизнесу у Белова претензий не было. Ему нравилось после работы на кафедре, с которой он не расставался исключительно ради спокойствия родителей, приезжать в офис фирмы «Байт» и погружаться в ее заботы. Он даже привык к тому, что все их с Костей начинания не встречают никаких особенных проблем и перерастают в мощные далеко идущие проекты.

Вадим невесело усмехнулся, убирая последний слой мягкого снега с лобового стекла. В

этот момент он подумал, что чем лучше шли его дела в бизнесе, тем большее беспокойство вызывала у него личная жизнь. Чуть больше двух лет понадобилось Белову, чтобы окончательно убедиться в том, что и этот, третий по счету, брак не принес желаемого удовлетворения. Он спрашивал себя: «Чего тебе не хватает?» — и получал в ответ гадливую, бесовскую усмешку своего второго «я». Внешне все выглядело идеально: любимая работа, преданная жена, забавный сынишка и минимум проблем. Но именно это больше всего теперь не устраивало Вадима. Он не собирался ни от чего отказываться, но нуждался в дополнении к идиллии. В чем-то таком, что будет вносить в его размеренную жизнь приятное, взрывающее все внутри разнообразие. За ним постоянно наблюдали настороженные глаза Вали, но ее пристальное внимание, любовь и молчаливая покорность обстоятельствам вносили еще большую смуту в его душу.

Белов завидовал умению Вали довольствоваться тем, что имеешь. Она никогда не выглядела ущемленной, обделенной, умела в обычной мелочи видеть особенное, заслуживающее внимания. Она словно жила в другом измерении, где не принято ходить в плохом настроении и впадать в меланхолические размышления о смысле жизни. Вадим часто ловил себя на мысли, что Валя настолько идеальна, что рядом с ней трудно оставаться праведником. Так и тянет совершить что-нибудь этакое, дерзкое, непозволительное с точки зрения пресловутой морали. Размышляя таким образом, Вадим просто искал лазейки, чтобы снять с себя ответственность за то, что он поставил под угрозу существование семьи и спокойно играл чувствами любивших его женщин. Он позволил себе забыть о том, что женат, о том, что у него есть обязательства перед близкими и самим собой. Он с радостью разрешил себе быть свободным от условностей и не задумываться о будущем. Он не мог поступить иначе: с того с самого момента, когда впервые увидел Алису, жизнь разделилась на две части. В обеих он намеревался поддерживать нормальное, естественное существование, но просчитался. Он не желал терять жену и сына и одновременно пытался полностью подчинить строптивую любовницу. Это положение продлилось недолго: Алиса ждала три месяца, потом в ней что-то надломилось. Валя молчаливо и без упрека принимала его таким, каким он был в то время, лишь один раз обмолвившись о своем намерении что-то предпринять. Что? Это осталось для него загадкой. Больше эта тема не возникала, потому что с разрывом отношений с Алисой все будто вернулось на свои места.

Ее замужество стало настолько неожиданным, что в первое мгновение Белов не поверил в это. Однако после новостей местного телевизионного канала и созерцания ослепительно улыбающихся молодоженов эстафету приняли газеты. Оправившись после перенесенного шока, Вадим осознал, что госпожой Молчановой теперь называют ту, которую он недавно держал в своих объятиях, которая смотрела на него, как на божество, не подозревая, какое невероятное количество лжи окружает ее любовь. Во лжи было спасение Вадима, но она же постепенно убивала тех, кем он бездумно пользовался, самоутверждаясь. Даже теперь, когда прошло столько времени после неожиданной развязки, Вадим не знал, как бы поступил в том случае, если бы судьба дала ему еще один шанс снова завладеть сердцем и мыслями Алисы. Он страдал без нее, но не меньше мучался оттого, что не смог бы дать ей желаемого, а значит — снова разочарование, бег по краю пропасти. Каждая женщина хочет абсолютной власти над мужчиной, полного обладания. Пусть хитростью, скрывая истинные намерения, прикрываясь разговорами об эмансипации и равноправии, любое существо в юбке преследует одну цель — заполучить в свои нежные ручки любимого навсегда, сковать его обязательствами, детьми, привычкой.

Раньше Вадим легко рассуждал о браках. Наверное, это свойство молодости — не драматизировать обстоятельства, стараясь найти даже в потерях что-то рациональное. Он не чувствовал груза потерь и разочарований, расставшись с Региной и Марьям. Он легко предлагал им перейти на официальный характер отношений и даже настаивал на этом, считая, что любимая женщина обязательно должна стать женой. Это было в его глазах высшим доказательством искренности его чувств и серьезности намерений. С Валею было по-другому. Он переживал совершенно иные эмоции, но на определенном этапе почувствовал, что готов к новому браку. Почему же ничего подобного не произошло с Алисой? Он не хотел дать ей до конца раскрыться. Она была нужна ему только, как страстная, обожающая его любовница, готовая по первому зову мчаться на свидания и бросающаяся в его объятия, забывая обо всем на свете. Но ведь и с Валею ему было хорошо. Хорошо, но слишком обыденно, каждый шаг можно было просчитать. Нет, это не для него. Возвращаться в тихую гавань — приятное дело, особенно, когда переживешь необыкновенно сильный шторм. Единственным «но» в такой жизни было вынужденное вранье, но Белов скоро так преуспел в этом, что одна ложь свободно накладывалась на другую и не вызывала никаких проблем с находящейся в глубокой спячке совестью.

Прошел почти год, как Вадим снова превратился в примерного отца семейства. Хотя иногда он спрашивал себя, что считается тяжким грехом — сама измена или желание ее? Он отгонял от себя любые мысли о новых романах. Неожданная развязка отношений с Алисой что-то надломил в нем. Он смотрел на пытающихся флиртовать с ним женщин с удивлением — неужели они не понимают, что ему не до них? Неужели на его лице откровенно написано: «искатель приключений»? Раньше повышенное внимание слабого пола его забавляло, теперь — раздражало. Даже Костя Проскурин заметил, что его друг стал слишком резко реагировать на самые невинные знаки внимания. Разве мог он знать, что единственная женщина, на которую Вадим отреагировал бы незамедлительно, припеваючи живет в Москве и не скучает по родному Горинску? Ничто и никто ее здесь не интересуется. Алиса Молчанова взлетела так высоко, что наверняка свой страстный роман с ним вспоминает с усмешкой — маленькое испытание, сексуальная разрядка, просто оказался рядом красивый мужчина.

Белов с силой сжал челюсти, до боли в зубах: воспоминания об Алисе обжигают его душу. Недавно он отпраздновал пятилетие своего брака, отметив, что только первые два года был целиком и полностью предан семье. Рядом с ним была женщина, которой он, в сущности, не был достоин. Он не имел права приближаться к ней близко. Она — чистая, искрящаяся под солнечными лучами вода, а он — пропитанное гнилыми запахами болото. Он тщательно маскируется, но природа берет свое. Таким уж он уродился непутевым. Недаром его институтский товарищ Виталик Найденов говорил, что в его роду явно были отчаянные ловеласы. Наверняка были и ловеласы, и стервы.

Вадим любил себя и прощал любые шалости, касавшиеся возникающих сердечных осложнений. Хотя знал, что со своей стороны, узнав о существовании привязанности у жены, никогда не смог бы простить ей этого. Правда, и представить, что Валя способна завести любовную интрижку, Вадиму было крайне затруднительно. Он замечал, как смотрят на нее мужчины во время бесконечных презентаций, на праздничных фуршетах. Красивое, чистое, задумчивое лицо, огромные серо-зеленые глаза и невероятной красоты волосы выделяли ее среди окружавших жеманных кукол с осиными талиями. Белов испытывал сладкое чувство удовлетворения оттого, что эта эффектная женщина не замечает никого вокруг, постоянно

ища глазами его. Ей всегда не хватало только его, его улыбки, ободряющего взгляда, слов любви. Она не нуждается больше ни в ком и всю свою любовь выливает на него и Димку. Вадим знал, что и сегодня, как пять лет назад, он держит в руках ее сердце, он слышит его ровный стук. Она не изменилась, может быть, даже стала лучше, а вот он... Вадиму стало не по себе.

Он сел в машину и наконец завел двигатель. Послушный командам хозяина, автомобиль медленно выехал со стоянки. Через пару минут «Форд» стоял у подъезда. Вадим открыл окно и выглянул: Валя знаками показала, что Димка уже спускается. Двери подъезда с шумом открылись, и на крыльцо выбежал заждавшийся мальчик. Он на ходу застегнул молнию на куртке и, помахав маме, сел на заднее сидение автомобиля.

— Ты долго, пап, — с досадой сказал Димка, снимая шапку.

— Извини, пришлось счищать снег. Нападало его за ночь. Потом прогрел двигатель, сам понимаешь — зима, — Вадиму стало стыдно, что прошлое неотступное преследует его, заставляя даже в таких мелочах лгать собственному сыну. — Не расстраивайся, у нас будет достаточно времени, чтобы порезвиться вволю. Готов?

— Готов!

— Поехали!

Валя проводила взглядом машину, поджав губы. Она тоже хотела бы провести это утро в лесу, катаясь на санках с горки, играя в снежки с Димкой. Но она должна была заняться своими рисунками — Вадим договорился о том, что в галерее «Маэстро» в апреле будут выставлены ее работы, а время летит так быстро. Директор галереи, Андрей Закревский, оказался хорошим знакомым Белова — они много лет жили в одном доме, а после переезда Вадима в квартиру, оставшуюся ему после деда, их общение просто стало менее частым. Потом Белов бурно устраивал свою личную жизнь. Он был погружен в собственные проблемы настолько, что не находил времени интересоваться чужими. Друзья изредка перезванивались, сетуя на то, что взрослая жизнь зачастую лишает нас привычного в детстве и отрочестве общения. О том, что после окончания художественно-промышленного института Андрей работал оформителем в городском оперном театре, Вадим знал от матери. А от него самого из очередного телефонного разговора — о новой, очень любимой и долгожданной работе директора галереи.

При новом руководителе в «Маэстро» все изменилось: не считая ремонта, придавшего помещению современный, более привлекательный и солидный вид, изменилась сама атмосфера. Сюда словно магнитом стали притягиваться творческие личности и те, кто хотел бы прикоснуться к их внутреннему миру через произведения живописи, графики, керамики. Репортажи о вновь и вновь открываемых выставках то и дело мелькали в выпусках новостей, пресса несколько раз пыталась выдать что-то сенсационное из жизни талантливого и энергичного директора галереи. Несколько статей об Андрее попались на глаза Вадиму. Каждый раз он хотел позвонить, возобновить общение. Почему-то получилось так, что именно после женитьбы на Регине отношения Вадима и Андрея свелись к передаче приветов и добрых пожеланий через родителей Белова.

Обращаться к Закревскому с просьбой после такого долгого перерыва в отношениях с Вадиму было неудобно. Однако поразмыслив, он решил, что сделает два добрых дела одновременно: пообщается наконец с Андреем и представит ему нового, талантливого, очень своеобразного художника. Вадим был уверен, что работы Вали не могут не

заинтересовать Закревского. К тому же прошло почти два года, как он пообещал жене, что ее талант должны оценить не только близкие и родственники. Потом, во время сердечных передраг, в которые добровольно и осознанно ввергнул себя, он совершенно забыл о своем обещании, но теперь решил, что настало самое время.

Валя очень бережно и осторожно относилась к каждой своей работе. Конечно, она не могла отказаться от возможности показать их тысячам людей. Рисуя, она никогда не думала о том, что скажут о ее рисунках, но иногда ей хотелось услышать мнение не только Вадима и Галины Матвеевны, не только восторженные возгласы Наташи Вороновой или Вики Проскуриной, но и настоящего профессионала.

Когда у Вали набралось достаточное количество работ, Вадим решил, что время пришло. Он взял несколько рисунков, отобранных ею, и в одну из суббот приехал в «Маэстро», когда там было особенно многолюдно. В просторном, светлом помещении галереи было тепло и уютно. Бросались в глаза красивые, сочные цветы, придававшие интерьеру домашнюю атмосферу. После пронизывающего февральского холода Белов получил удовольствие уже оттого, что попал в этот оазис, словно находящийся в другом времени года. Приглушенный шепот обменивающихся впечатлениями посетителей сливался в негромкий гул. На их лицах было явно выраженное удовольствие от увиденного: два дня назад открылась экспозиция одного очень талантливого, неординарно воспринимающего этот мир молодого российского художника. После успеха выставки в столице Закревский решил сделать подарок своим землякам, представив им работы, вызвавшие интерес у самой требовательной столичной публики.

Вадим скользнул взглядом по экспозиции. Он не смог глубоко вникнуть в увиденное, потому что постоянно искал глазами Андрея. Почему-то он решил, что обязательно заметит его в неспешно передвигающихся потоках посетителей. Однако найти его Белов смог, только пройдя по длинному, ярко освещенному коридору. Впереди была дверь, в которую Вадим собирался постучать: на ней красовалась изящная табличка «Директор». Но едва он поднял руку, она открылась — на пороге стоял Закревский. Белов сразу узнал его, отметив, что друг детства сильно изменился: высокий лоб плавно переходил в хорошо заметную лысину. Он постарел, пополнил и выглядел лет на десять старше своего возраста. Пожалуй, только голубые глаза Закревского все так же озорно улыбались, как раньше. Вадим не смог сразу справиться со своим лицом, чтобы скрыть удивление.

— Да, да, дружище, это я! — Закревский от души крепко обнял Белова, а потом широким жестом пригласил его войти. — Как же давно мы не виделись!

— Здравствуй, Андрюша, — Белов чувствовал неловкость оттого, что в голову приходили дежурные фразы. Он мысленно ругал себя, продолжая держать на лице улыбку.

— Не говори ничего, я и сам знаю, что выгляжу не ахти как, — словно прочитав его мысли, сказал Закревский и махнул рукой. — Это плата за душевное спокойствие и обретенное благополучие. Я так решил себя успокоить. Раздевайся, присаживайся. Кофе, чай?

— Кофе, — ответил Вадим, снял куртку и повесил ее рядом с коричневой дубленкой. Он взял папку с Валиными рисунками и подсел поближе к столу, где Андрей колдовал над чашками с кофе, делая это без суеты, красиво, словно подчиняясь только ему слышной мелодии. Так часто бывает: напеваешь что-то себе под нос и все делаешь в этом ритме. — Ты здорово здесь все устроил. Совсем другая атмосфера, — похвалил искренне Вадим.

— Правда? Тебе понравилось? — лицо Андрея светилось от счастья. Он был рад

услышанному. — Ты не представляешь, насколько все это важно для меня. Это не передашь словами.

— Верю и поздравляю. Ты нашел свое место, значит, каждый день не задаешься извечными вопросами о смысле жизни.

— Твой кофе, — внимательно взглянув на Вадима, сказал Андрей и пододвинул к нему горячий ароматный напиток.

— Спасибо.

— А ты такой же красавчик, каким я тебя помнил все это время, — заметил Закревский, хитро прищурившись. — Нет, я не прав. Ты стал еще красивее.

— Ладно тебе, — отмахнулся Белов, хотя комплимент прозвучал приятно и придал ему уверенности. Он вспомнил, как мама всегда говорила, что красивому человеку очень трудно отказывать в просьбе. — Мы так давно не виделись, что я затрудняюсь — с какого вопроса начать?

— Я тебе помогу и дам краткую биографическую справку. Очень краткую, даже стыдно. Еще немного и нам стукнет тридцатник — раньше мужчины в этом возрасте казались мне чрезвычайно взрослыми, даже старыми. А теперь понимаю, что и в сорок можно оставаться большим ребенком.

— Ты о себе?

— Может быть. Знаешь, я не стремлюсь создавать семью, не спешу обзаводиться детьми. С меня довольно переживаний далекой юности. Пинок под зад, который я получил тогда, до сих пор заставляет меня съезживаться. С тех пор я сказал себе, что я — не герой их романа. Зачем обманывать себя? Так, романчики, ни к чему не обязывающие, кратковременные отношения. Женщины для меня остаются загадкой, которую я не стремлюсь отгадывать. Вообще-то я им не верю — вот и весь секрет. Они используют меня, я — их, но без трагических историй. Я настолько погрузился в свой мир, витаю где-то там... — Андрей взмахнул рукой, запрокинув голову. Это выглядело театрально, наигранно, но Вадим понимал, что сейчас здесь не место фальши. Андрей не играл. Он только хотел показать, что ему легко и хорошо живется. — Я живу с родителями, хотя давно могу иметь собственную квартиру. Зачем только? Старики жалуются, что я часто не бываю дома: поездки, творческие встречи, подготовка выставок — я иногда забываю о времени суток. Родители сначала радовались моей увлеченности, а теперь говорят, что единственное, о чем они мечтают, — о внуках. Заждались.

— Это обязательно случится, только не все зависит от нас, — отпивая маленькими глотками кофе, заметил Вадим.

— Совершенно с тобой согласен. Только иногда мне кажется, что они подозревают, что со мной что-то не в порядке в плане сексуальной ориентации.

— Этим скоро тоже никого не удивишь.

— Да, но консерватизм поколения наших родителей не приемлет таких метаморфоз, согласишься.

— Может быть, я как-то не задумывался над этим.

— Вот и славно. Как видишь, я постарел, в чем-то поскущел, а вообще — коренных изменений ноль. Работа для меня означает все. Наверное, так нельзя, но пока меня это абсолютно устраивает, — закуривая сигарету, завершил Андрей и пододвинул к Белову пепельницу. Увидев, как друг отрицательно покачал головой, удивленно поднял брови. — Не куришь?

— Недавно решил бросить. В Новый год вошел без старых привычек. К тому же сигареты, которые я курил, стали такой отравой, а ведь я в некоторых вопросах — консерватор еще больший, чем наши предки. Сбылась мечта моей жены — она не выносит запаха табака. Надеюсь, что меня хватит надолго.

— Теперь твой черед, Петрович. Расскажи, как живешь, чем дышишь.

Вадим охотно начал с того, что тоже доволен своей работой. Желая добиться большего понимания, он тоже делал ударение на то, что, по его мнению, было интересно слушать Закревскому. Вадим обрисовал настоящее и радужные перспективы своего бизнеса. Конечно, не вспомнить в разговоре о Косте Проскурине он не мог: зачем приписывать себе чужие награды. Отдавая должное своим заслугам и талантам, Вадим понимал, что участие в их проектах Кости — далеко не самое последнее звено в цепи удач и скорого осуществления планов.

— Вот так мы с ним и расширяем сферу нашего бизнеса. В этом году, наверное, откроем еще один магазин в Горинске, но Костя на этом не остановится. В нем есть здоровая доля авантюризма, которая не дает нам сидеть на месте. Правда, иногда приходится возвращать его на грешную землю, но для этого мы и вместе — чтобы не давать друг другу совершать ошибки.

— Мужская дружба — большое дело, — согласился Андрей. — А как твоя личная жизнь? Мама говорила, что ты женат?

— Да, наверное, у меня получилось, как в поговорке: Бог троицу любит. Я стараюсь даже не вспоминать о том, что Валя — моя третья жена. Только с нею все по-настоящему. До этого — игра, фантазии, неконтролируемый всплеск гормонов, — Белов сознательно идеализировал свои семейные отношения. В свете предстоящего разговора он хотел казаться заботливым, внимательным, удовлетворенным, приветствующим творческое начало.

— Значит, ее зовут Валя, — констатировал Андрей.

— А его — Димка, — улыбнулся Вадим и поспешил добавить: — моего сына.

— О, так твоя жизненная программа практически выполнена.

— Я бы не был так уверен.

— Жаль, что ты не захватил с собой их фотографий, — задумчиво сказал Андрей, поправляя высокий ворот черного свитера.

— Зато я захватил кое-что другое, — загадочно произнес Белов и, открыв папку с рисунками, достал их и протянул Закревскому. — Посмотри, что ты об этом думаешь?

На лице Андрея не проявилось никаких эмоций по поводу увиденного. Он курил, глубоко затягиваясь и выпуская в сторону широкую серую струю дыма. На каждый рисунок у него уходило две-три затяжки. Это наблюдение почему-то разозлило Вадима. Он все смотрел на лицо старого друга, чувствуя, что если не заметит на нем хоть тени не восторга, но одобрения, то выхватит Валины рисунки и выбежит из кабинета. Белову показалось, что время остановилось: тишину слегка разряжали приглушенные шаги в коридоре, кто-то дернул за ручку двери и, вероятно, передумав, отошел. А Закревский продолжал рассматривать раскинувшиеся перед ним небеса. Они спустились со своих недостижимых высот и мирно, как-то буднично устроились на его широком рабочем столе.

Наконец Андрей поднял глаза и как-то странно посмотрел на Вадима. В его взгляде было удивление, смешанное с недоверием, восторгом и нетерпением.

— Это бомба, — тихо сказал Закревский, снова закуривая сигарету.

— Ты можешь выразиться проще? — Вадим едва подавлял в себе раздражение. Ему уже

не нравились медленные, словно запрограммированные движения товарища и его манера изъясняться.

— Автор не ты, — словно не слыша просьбы, продолжал Андрей.

— Да, это все она, — Вадим почему-то не нашел нужным назвать ее по имени. Все было и так ясно и понятно.

— Я уже жалею, что до сих пор не познакомился с такой женщиной. Был ты, Белов, везунчиком, везунчиком и остался. Если ты скажешь, что при этом ваш холодильник полон еды, квартира блестит от чистоты, а ребенок весел и здоров — я скажу, что тебе несказанно повезло! У тебя идеальная жена!

— Ты попал в десятку. Она — чудо, — поспешил согласиться Белов.

— Я должен с нею познакомиться, — Закревский аккуратно сложил все работы в папку и, держа ее в руках, спросил: — Надеюсь, наши планы совпадают, и вы хотите показать это миру?

— Да, скорее этого хочу я, а она просто творит и находит в этом удовольствие. Я принес лишь часть, Валя отобрала самое любимое.

— У нее необыкновенное чувство цвета, пространства. Думаю, что мы просто обязаны устроить ей персональную выставку.

— Что требуется от меня? — спросил Белов, но наткнулся на сурово сведенные к переносице брови Андрея. — Ты не пойми меня превратно, но мы живем в реальном мире.

— Мы живем в мире, в котором еще не забыты понятия дружбы, Петрович. Так что не задавай мне больше глупых вопросов, — Андрей отдал папку Вадиму и открыл свой блокнот. Полистав его, он беззвучно зашевелил губами, отведя взгляд в сторону, будто что-то подсчитывая. — К апрелю она должна быть готова, числу к десятому.

Вадим кивнул, подумав, что слишком много событий в его жизни приходится именно на этот день: Валин день рождения, свадьба Алисы, теперь еще выставка. Закревский заметил, как по лицу товарища пробежала тень сомнения.

— Ты в чем-то сомневаешься?

— Нет, Андрюша. Просто я наконец расслабился. Знаешь, так переживал: пока шел к тебе, обдумывал разговор, пока ты смотрел работы, а получилось все так прекрасно. Валя будет счастлива. Я рад, что ты берешься за дело. Таланту нужны поклонники. Как бы она не уверяла, что ей достаточно оценки моей, родителей, друзей, наверняка она мечтает о широкой публике.

— Она ее получит. Поверь мне, это скоро приедается. Похвалы, рецензии, интервью, — Закревский закурил очередную сигарету. — Только когда получаешь лавры, понимаешь, что не в них дело, совсем не в них.

Он так грустно посмотрел куда-то поверх головы Вадима, что тому стало неловко. Ему показалось, что все сказанное товарищем о себе — бравада, желание казаться более удачливым, счастливым, состоявшимся, а на самом деле — пусто внутри и холодно. Молчание затянулось, Белов пошевелился, и этот звук вывел Андрея из задумчивости.

— Значит, делаем так. Вот тебе моя визитка, — произнес он. — Созвонимся, встретимся, все обсудим.

— Договорились. — Вадим поднялся, протянул руку. — Спасибо тебе.

— Пока не за что, — отвечая рукопожатием, сказал Андрей.

— Скоро позвоню, так что готовься в гости.

— Хорошо. Повспоминаем наше беззаботное детство и бурную юность.

— Естественно, — улыбнулся Белов. — Не буду отнимать у тебя больше времени. До встречи.

— Я провожу тебя.

Закревский еще раз пожал на прощание руку товарищу, и тот легкой, пружинистой походкой направился к выходу, вскоре его силуэт растворился в темноте улицы. Андрей одернул свитер, повернулся и пошел в кабинет. На ходу он вспомнил, что хотел посмотреть еще раз несколько экспонатов, но передумал возвращаться. Он вдруг почувствовал себя разбитым, особенно, когда зашел в кабинет и посмотрел на себя в большое овальное зеркало на стене. Он поворачивал голову то в одну сторону, то в другую. Потом приподнялся на цыпочки и, глядя на явно выступающий животик, провел по нему ладонями. Поджав губы, Закревский недовольно нахмурился и сел за стол. Он редко впадал в размышления по поводу собственной внешности, но сегодня, невольно сравнивая себя с красавчиком Беловым, он в который раз испытал разочарование. Отмахиваясь от пробирающихся в сознание мыслей об этом, Андрей открыл записную книжку, пытаясь настроиться на рабочий лад. Но сконцентрироваться не удавалось. Закревский ловил себя на мыслях о том, что хочет поскорее увидеть жену Вадима: «Интересно, как выглядит женщина, рядом с которой это везунчик обрел покой? Наверное, она действительно — само совершенство».

Валя проснулась с чувством тревоги. Она не сразу поняла его причину, а потом сообразила, что именно сегодня к ним придет в гости Андрей Закревский. Гости и паника — для нее были несовместимыми вещами, но Вадим выказывал явные признаки беспокойства, и это передалось ей. Походил к концу его краткий отпуск, поэтому Вадим решил, что пора назначать встречу, и не где-нибудь, а в домашней обстановке. Это был повод не только обсудить возможность предполагаемого сотрудничества, но и в очередной раз показать свой дом, тот уют, который им с Валею удалось создать. Никакое кафе не сможет раскрепостить их, внести нужную долю откровенности в предстоящий разговор. К тому же у Вали появился шанс блеснуть своими кулинарными способностями — она это любила.

Больше всех радовался Димка. Он всегда приходил в восторг оттого, что вечером намечались гости. В этот раз он решил принять активное участие в составлении меню, заказав маме приготовить картофель фри и омлет. Это были его любимые блюда, поэтому малыш считал, что взрослые тоже разделят его пристрастия. Валя уверила, что не забудет о его пожеланиях, но ограничиться омлетом в такой момент не могла. Вот почему, когда Вадим с Димкой поехали на каток осваивать коньки, она отправилась на рынок.

Она решила пройти пешком пару троллейбусных остановок — это входило в ее программу борьбы с лишним весом. Недавнее празднование международного женского праздника, конечно, не обошлось без аппетитных блюд, сладостей. Валя не могла отказаться от всего этого, а теперь ругала себя за слабость. Вот Вика Проскурина — кремень, она легко отказывалась от различных вкусных вещей для сохранения тонкой талии и стройных ножек. Она родила маленькую Ксению в сентябре прошлого года, но уже пришла в норму и, кажется, собиралась выходить на работу. Даже то, что она полгода кормила малышку, не повлияло на ее формы. Восьмого марта она, разрешив себе порцию мороженого и бокал шампанского, с присущим ей артистизмом и грацией танцевала с Вадимом танго в кафе, где собрались три семьи. Вороновы, Проскурины, Беловы — неразлучная троица, как называла их с некоторых пор Галина Матвеевна. Валя в свое время вошла в эту компанию легко, выдержав некоторое подобие «проверки на вшивость» от Наташи Вороновой, но, кажется, об

этом уже никто не вспоминал.

Теперь предстояла еще одна важная встреча, которая, как утверждал Вадим, могла изменить многое. «Весна — время перемен», — любил говорить он. Валя медленно шла по не думающему таять утоптанному снегу, поправляя капюшон дубленки и размышляя, какие такие изменения имел в виду муж? Рисовать она в любом случае не бросит. Это стало ее второй натурой, способом уходить в иной мир, расслабляться, сбрасывая с себя груз каждодневных забот. Ее увлечение никак не отражалось на интересах и нуждах семьи — Валя позволяла себе заниматься любимым делом лишь тогда, когда все свои домашние хлопоты она считала выполненными, а Димка получил достаточную долю ее внимания. С фотографиями было еще проще — она повсюду брала фотоаппарат с собой и снимала все, что казалось ей интересным. И сегодня он был с нею, только глаза не выделяли ничего, что стоило бы ее внимания.

Валя подошла к проезжей части, остановившись вместе со всеми в ожидании зеленого сигнала для пешеходов. Стоящий неподалеку блюститель порядка действовал отрезвляюще на любителей пробежать в полуметре от движущегося автомобиля. Наконец светофор переключился. Широкий автомобильный поток замер. Валя перешла дорогу, заметив возле входа в метро невысокую, плохо одетую молодую женщину. Она присела, опираясь коленом на снег, и лихорадочно вытряхивала содержимое своей сумочки. Потом, опустившись на оба колена, она стала быстро-быстро перебирать то, что в беспорядке лежало практически под ногами у прохожих. Они почти не обращали на нее внимания, лишь некоторые недовольно что-то бурчали, оглядываясь. Женщине было не до грубостей случайных людей. Было видно, что она едва владела собой. Старенький пуховый платок ее сбился на затылок, открыв ярко-рыжие волосы, собранные при помощи обыкновенной черной резинки.

Валя почувствовала, что должна остановиться. Она чуть было не достала фотоаппарат, чтобы снять эту сцену, в которой не нужны слова, но в последний момент передумала. Безотчетный порыв заставил ее подойти к женщине и присесть рядом.

— Могу ли я чем-то вам помочь? — негромко спросила Белова.

— Нет, — не поднимая глаз, ответила та, перестав панически перебирать лежащие на снегу предметы. — У меня украли кошелек. Там были все мои деньги. Чем вы можете помочь?

Она устало вздохнула, провела ладонью по лицу, оставляя на щеках следы от сразу же тающего грязного снега. В этом жесте была такая обреченность, что Валя закусил губу. Она ощутила, как в груди разлился жар, насквозь прожигаящий все ее естество. И вдруг она узнала эту женщину, стоило той на мгновение поднять на нее большие зеленые глаза. Сомнений не было.

— Здравствуйте, Марина, Вы не узнаете меня? — Валя начала подавать ей содержимое сумочки, стряхивая налипший мокрый снег. — Это я, Валентина Сергеевна Белова.

Женщина кивнула, продолжая укладывать свои вещи. Потом она поднялась с колен и, окончательно сняв с головы платок, вздохнула. Поправляя длинные рыжие волосы, она шмыгнула носом и снова посмотрела на Валу. Ее лицо не выражало никаких эмоций. Собственно, их ничто не связывало: просто работали в одной больнице, обменивались вежливыми приветствиями, общими фразами. Валя всматривалась в похудевшее лицо Марины, не понимая, что в ней так сильно изменилось. Она была словно не похожа на себя. Те же обостренные черты лица, ярко-красная помада, брови, подведенные темно-коричневым карандашом. Стоп... — Валя поняла, что было неестественным в ее внешности

— рыжие волосы и темные брови. Как неудачно подобранный парик и неумелый макияж.

— Здравствуйте, Валентина Сергеевна, — бесцветным голосом произнесла та. — Давно мы не виделись. Надо же было встретиться при таких обстоятельствах. Один из самых хреновых дней в моей жизни.

Марина покачала головой, достала из сумочки пачку сигарет и зажигалку. Валя заметила, как у нее дрожали руки, когда она несколько раз попыталась заставить зажигалку одарить ее своим огоньком.

— Опять сломалась, дешевка, — Марина с негодованием смотрела на бесполезную вещицу. — Сегодня все, все действует мне на нервы. У вас спичек нет?

— Нет, я не курю.

— А я курю.

— Давайте отойдем в сторону, — предложила Белова, потому что понимала, что они затеяли разговор не в самом подходящем для этого месте. В нескольких шагах от входа в метро они остановились, укрывшись от поднявшегося ветра под высокой аркой старого дома. Марина успела попросить закурить и теперь нервно, глубоко затягивалась, резко выпуская дым. — Я не сразу узнала вас. Кажется, раньше у вас были светлые волосы.

— Точно, раньше вы говорили мне «ты» и у меня были соломенные перышки. Я решила кардинально сменить имидж. Правда, цвет глаз поменять не удалось, но — рыжая, бесстыжая! — Марина вдруг громко засмеялась, запрокидывая голову назад. Она стала совсем другой. Нет прежней робости и неуверенности в себе. Сегодняшнее происшествие скорее разозлило ее, но не выбило из колеи. Валя поняла, что это не самое худшее, что происходило с молодой женщиной в жизни.

— Как вы живете, где работаете?

— Работаю в той же больнице, подрабатываю в школе. В этом плане у меня стабильность. Живу одна, совсем одна. Единственное развлечение, которое хотела себе позволить, — покупку видеокассеты. Подруга уехала, оставив в моем распоряжении магнитофон. Значит, не судьба — лишилась всего заработка, наверное, кому-то он нужнее, чем мне, — грустно заметила Марина, перестав даже улыбаться. Ее лицо стало непроницаемым, отчужденным. Она удивленно посмотрела на Валу. — Обо мне — это неинтересно. А вы-то как?

— Спасибо, у меня все хорошо.

— Вообще-то это заметно.

— Послушайте, — после возникшей паузы, начала Валя, — я попрошу вас принять небольшую сумму. Вы не должны мне ее возвращать. Не обижайтесь, это элементарная человечность. Я не могу просто так уйти. Возьмите.

Валя не заметила, как достала из кошелька деньги и протянула их Марине. Она почувствовала себя неловко, словно предлагала взятку. К тому же Марина подняла брови и, усмехнувшись, покачала головой.

— Спасибо, конечно, но спрячьте. Мне это не нужно.

— А что же нужно? — Валя покраснела, опустив глаза. — Не обижайтесь, я не могу просто так уйти.

— Как-нибудь справлюсь. Это мои проблемы. Я не привыкла решать их за чужой счет. — Марина щелчком отправила окурок в сторону урны. — Знаете, Валентина Сергеевна, деньги — это такая мелочь. Нет сейчас — будут потом. Деньги... Самое страшное, когда остаешься вечером одна, наедине со своими мыслями. Ни друзей, ни подруг — одни несбывшиеся мечты.

У Вали снова сжалось сердце. Она поняла, насколько несчастна эта молодая женщина, старавшаяся держаться перед нею. Ей нужно выговориться. Боль так и кипит за внешним спокойствием, граничащим с полным безразличием. Прошло чуть больше года со времени их последней встречи, сейчас Марина казалась ей совершенно другой. Глаза затравленного зверька откровенно излучают злость и разочарование. Что-то надломилось в ней, безвозвратно ушло. Валя лихорадочно подбирала слова для продолжения разговора. Она не могла отпустить ее просто так.

— Вот что, Мариночка, пойдете со мной. Я шла на рынок — у нас вечером намечается ужин с гостем. Может быть, выберем вместе что-нибудь, я приглашаю вас к нам. Согласны?

— Нет, — отрезала Марина, отступив на пару шагов назад. — Вы мне не подруга, а подачки мне ни к чему. У меня вообще нет друзей, подруг, потому что лучше их вообще не иметь. Рано или поздно они тебя предадут.

— Почему вы так говорите?

— Опыт, дорогая Валентина Сергеевна. Любимый изменил мне с подругой. Это было очень давно, но никак не могу забыть, простить, понять. Моя лучшая подруга, за которую я была готова жизнь отдать, уехала, оставив меня одну. Она променяла меня на очередного мужчину. Сколько раз обжигалась, а все туда же. Да, подарила магнитофон — благое дело, способствует культурному просвещению, — тон Марины перестал быть мягким, из нее так и выплескивалась давно накопившаяся обида.

— Мне кажется, вы слишком драматизируете ситуацию, — заметила Валя, понимая, что сказала не то, что хочется слышать ее собеседнице. — Не нужно замыкаться и не доверять всем без исключения. Пока человек не сделал вам ничего плохого, нужно думать о нем хорошо.

— Вы не знаете, о чем говорите. Что за наивность? Не обманывали вас, что ли? — Марина резко повернулась и пошла в сторону, противоположную рынку. Пройдя несколько шагов, она оглянулась и, помахав рукой, крикнула: — Только не надо меня жалеть. Неизвестно, кому из нас в этой жизни повезло больше! Спасибо за внимание!

Валя вышла из-под укрывающей ее от ветра арки, провожая глазами хрупкую фигуру, зябко кутающуюся в легкое для этого времени года пальто. Настроение было испорчено. Белова не могла точно сформулировать, что именно выбило ее из колеи. Однако той

восторженности и легкости, которую она испытывала несколько минут назад, не было. Ее унесла эта крашенная, рыжеволосая женщина, в сумочке которой не было ни копейки. Валя положила свои деньги в кошелек и медленно направилась в сторону рынка. Чем ближе она подходила, тем более оживленно становилось вокруг. Люди беспорядочно передвигались в разных направлениях. Одни еще не сделали покупок и шли с пустыми кульками, сумками, осматриваясь по сторонам. Другие сгибались под тяжестью груза, то и дело перекладывая сумку из одной руки в другую.

Эта суета немного оживила Валу и заставила забыть о неприятном осадке от встречи с Мариной. Она вдруг вспомнила, как сама едва переставляла ноги, когда возвращалась из Смирновки тем жарким летом пять лет назад. Мама тогда постаралась нагрузить ее по полной программе. И кто знает, если бы не эта тяжелая сумка, может быть, и не обратил бы Вадим на нее внимания. Валя поняла, что ее губы беззвучно шевелятся, и со стороны это странно выглядит. Она улыбнулась, прогоняя страх, возникший сразу от предположения, что в ее жизни могло не быть Белова, Димки. «Не могло не быть!» — сказала она себе и зашагала бодрее. Ей нужно было прийти в нормальное расположение духа и, не тратя больше времени, купить все, что планировала. Крепко сжимая в руке кошелек, Валя стала пробираться в рядах, где аппетитно пахло солеными огурцами, квашеной капустой и маринованными грибочками. Пока она здесь не останавливалась — это она сделает на обратном пути.

Андрей возвращался домой, все еще находясь под впечатлением от проведенного вечера у Беловых. Он ехал в троллейбусе, глядя в окно, но ничего не видел: высокие, грязные снежные бордюры вдоль дорог сливались в линию, прерывающуюся на пешеходных переходах. Где-то высоко светили уличные фонари, яркие неоновые вывески новых магазинов причудливо чередовались, создавая впечатление чего-то сказочного, и только свет фар автомобилей делал картину приземленной, реальной.

Для Закревского наступило какое-то безвременье. Он растворился в собственных мыслях, возвращаясь туда, где осталась женщина, перевернувшая в его душе все. Он — одинокий волк, который давно смотрел на слабый пол с легкой иронией, отдавая всего себя только любимой работе, — сегодня попался. Он совершенно не ожидал от себя ничего подобного. Воображение снова и снова рисовало ему прекрасное, улыбающееся лицо Вали и, не обращая внимания на удивленные взгляды окружающих, Андрей не мог сдержать ответной улыбки. Закревский будто попал под магию ее серо-зеленых глаз и приятного, запоминающегося голоса. Он давал голову на отсечение, что таких глаз, такого обаяния он не встречал ни в одной женщине. Скептически хмыкнув, он окончательно добил себя утверждением, что в его жизни вообще ничего еще не было. Ему двадцать восемь лет, а сердце с давних пор закрыто от вторжения, напоминая противно заедающую при попытке открыть ее «молнию». Как в старых джинсах: заедает, портит настроение, но вещь нужная и никуда не денешься. Так и со своей душой — что будешь делать, когда она вдруг решила сыграть с тобой не самую удачную шутку. Он не понимал, что с ним происходило весь вечер: он едва заставлял себя поддерживать разговор. Прекрасно приготовленные блюда, которые заботливо подкладывала в его тарелку хозяйка, остались практически нетронутыми. Андрей оживился только в той части вечера, когда разговор плавно перешел на главное — обсуждение организации выставки Валиных работ. Андрей говорил об этом, как о решенном вопросе. Валя слушала его, затаив дыхание, боясь поверить в то, что это происходит на

самом деле. Она так и не смогла сдержать эмоций и запрыгала, как ребенок, когда Андрей произнес, что будет счастлив стать ее трамплином. Он уверял, что Горинск — это только начало, и главное, чтобы не прошел творческий порыв, не иссяк источник вдохновения.

Закревский не отказывался ни от одного произнесенного в этот вечер слова. Он видел, сколько радости в глазах Вадима и Вали, как они переглядываются и готовы слушать еще, еще. Сегодня он чувствовал себя волшебником, не совершая волшебства, просто сказав правду. Кто из них был более благодарным: Белов Закревскому или наоборот, определить было трудно. Андрею показалось, что он не виделся так долго со своим товарищем именно для того, чтобы в этот вечер ощутить такое необыкновенное состояние. Значит, так было нужно: не встречаться пять лет и войти в эту семью так неожиданно, внося элемент ожидания праздника и невероятных перемен. Это предполагало определенную ответственность, но Андрей мог подписаться под каждым своим словом.

Он разочарованно вздохнул, потому что водитель объявил конечную остановку и этот звук мгновенно вывел Закревского из приятного состояния воспоминаний. Андрей удивился, что только теперь отреагировал на хриплый голос водителя — подсознание включилось. Подняв воротник дубленки, он вышел из салона последним. Медленно направился в сторону дома, на ходу выделив два светящихся окна: в гостиной и спальне родителей. «Наверняка папа давно спит, а мама все еще ожидает моего прихода», — подумал Андрей, ускоряя шаг.

Когда он осторожно открыл дверь своим ключом, мама стояла в прихожей, накинув на плечи поверх домашнего халата белый пуховый платок. Ее голубые глаза улыбались и ласкали взглядом горячо любимого сына. Но сегодня в его глазах не сверкнули ответные задорные искры. Андрей чмокнул Людмилу Алексеевну в щеку, снял верхнюю одежду, аккуратно поставил в сторонку ботинки и устало опустился на невысокий стул у входной двери. Второй раз в жизни он хотел произнести эту фразу:

— Мама, я безнадежно влюблен...

Первый раз он сказал это, будучи студентом первого курса. Объект его внимания — невысокая, всегда веселая и приветливая девушка — чем-то напоминала ему маму в молодости, к тому же была ее тезкой. Андрей в то время пристрастился рассматривать семейный альбом, каждый раз находя все больше доказательств их необыкновенного сходства. Белые вьющиеся локоны, именно белые, как сметана, шелковистые, придававшие их хозяйке сказочный вид, мгновенно притягивавшие внимание противоположного пола. В довершение — огромные зеленые глаза и обаятельная улыбка с ямочками на щеках. Такой смотрела на него Людмила Алексеевна со старых фотографий и такой была девушка его мечты, не желающая обращать внимания на невысокого, полноватого однокурсника, который к тому же краснел, как красна девица, стоило им встретиться взглядами.

Андрей долго думал, чем бы он смог привлечь внимание Милы, и решил активно участвовать во всех факультетских событиях. Он стал членом редколлегии, участвовал в КВНе, выступал на соревнованиях по настольному теннису, которым занимался с детства... Однажды он даже попал в институтский финал, где встречался с красавцем-пятикурсником, орудующим ракеткой так, словно она была продолжением его кисти. Спортзал был полон, напряжение, которое испытывал Андрей, усиливалось тем, что в первом ряду, среди зрителей он увидел Милу. Она о чем-то весело переговаривалась со своей соседкой, наблюдая за происходящим. В коротких перерывах Андрею казалось, что она все время смотрит на его соперника, и он проникся к нему такой неприязнью, что поклялся себе выиграть. Он старался не думать о том, что Мила находится так близко, сосредотачиваясь на

игре, он выкладывался полностью, но все-таки проиграл... Потом пожал руку улыбающемуся Аполлону, покровительственно хлопавшему его по плечу, и устало двинулся с корта.

Пот струился по его вискам, спине, и ощущать эту мокрую, прилипающую к телу одежду было невыносимо. Андрей стащил с себя футболку, перекинул ее через плечо и направился в раздевалку, оставляя позади шум восторженных болельщиков. Эти возгласы предназначались не для него, и сознание этого делало его ниже ростом, прибавляло килограммы, делало неуклюжим, сторбленным. Он представлял, как Мила хлопает в ладоши и, поддавшись всеобщему ликованию, скандирует имя победителя. А он по-прежнему вне ее внимания.

Зайдя в раздевалку, Андрей уткнулся лицом в мокрую футболку и заплакал. Никого рядом не было. Плечи юноши вздрагивали, нос неприятно заложило, не хотелось открывать глаза и видеть свое отражение в небольшом зеркале, висевшем напротив. Андрей почувствовал себя маленьким мальчиком, которого незаслуженно наказали. Когда горечь сменилась вялостью, Андрей принял душ и переоделся. Он знал, что сейчас у него горят щеки, предательски блестят глаза, но все-таки вышел из раздевалки и направился через служебный выход в вестибюль. Ему хотелось поскорее оказаться за пределами института, не встретив никого из однокурсников. Но задержаться пришлось, потому что гардеробщика не оказалось на месте. Наконец Андрей получил свою одежду. Он даже не стал по обыкновению оглядывать себя со всех сторон в огромном зеркале у гардероба, где всегда теснились девчонки. Закревский крепко сжал в руках сумку со спортивной формой и чуть не бежал к выходу из здания. Вдруг он остановился, будто кто-то нажал кнопку в его организме, дав команду «стоп». Закревский резко оглянулся и увидел в двух шагах от себя Милу с подружкой. Они шли под руку, что-то оживленно обсуждая. Конечно же они находились под впечатлением от финала. Девчонки смеялись, перебивая друг друга, что-то тараторили. Они не заметили Андрея, зато он, когда они поравнялись, отчетливо услышал слова Милы: «Неудавшийся чемпион с жуткими прыщами на спине! Как тебе?»... Закревского бросило в жар. Он повернулся и, снимая с себя на ходу одежду, вбежал в опустевшую раздевалку. Лихорадочно стягивая с себя водолазку, футболку, сбрасывая вещи прямо на пол, он стал спиной к зеркалу и медленно обернулся: плечи его действительно были покрыты мелкими красными бугорками, неприятно выделявшимися на фоне белоснежного тела. Он не раз наблюдал эту картину дома, стоя в ванной, но тогда это его не настолько впечатлило. Он совершенно забыл об этих предательских проявлениях взросления организма, сняв с себя эту злосчастную футболку. Закревский брезгливо поморщился и отвернулся от ненавистой сыпи.

— Я толстый и прыщавый неудачник, — тихо пробормотал он и начал снова одеваться. В раздевалку заглянул его преподаватель физкультуры.

— Ты что здесь делаешь, Андрюша?

— Уже уйду, — опустив голову и не глядя на преподавателя, ответил Закревский.

Он не помнил, как оказался на улице. Пришел в себя, только глотнув обжигающе холодного воздуха. Он почувствовал, что снова вот-вот заплачет, но сдержался, пристыдив себя: «Толстый, прыщавый, слезливый неудачник». Эта характеристика обозлила его — мгновенно куда-то пропал непроглатываемый комок в горле. Андрей испытал разлившееся по телу безразличие ко всему. Он вдруг успокоился, сказав себе, что о такой необыкновенной девушке, как Мила, ему нечего и мечтать. Закревский упрямо твердил себе, что нужно быть полным идиотом, чтобы надеяться на взаимное чувство в его случае. Однако запретить себе любить он не мог. Просто он решил, что теперь не должен пытаться обратить

на себя ее внимание. Сегодня это ему «удалось» — она полтора часа смотрела за игрой, а запомнила только его прыщавую спину. Андрей вздохнул, качая головой. Он не хотел больше об этом вспоминать.

Пройдя весь долгий путь от института до дома пешком, Андрей едва передвигал ноги, поднимаясь по лестнице на нужный этаж. Он был измотан и морально, и физически. Мама открыла ему дверь и ахнула: раскрасневшееся потное лицо, распахнутая куртка, шнурки ботинок в грязи — они остались не завязанными, что было так не похоже на ее мальчика.

— Что случилось, Андрюша? — взволнованно спросила Людмила Алексеевна, когда он тяжело опустился на невысокий стул у входной двери. — Ты на себя не похож, что с тобой?

— Я безответно влюблен, мама, совершенно безнадежно...

Прошло столько лет с тех пор, но воспоминания о том времени, когда в один миг рухнули иллюзии, снова вернулись и сделали Андрея ниже ростом, толще, лишили уверенности в себе. Ему стало страшно, словно часы остановились. Закревский поднял голову: все та же прихожая, ничего не изменилось. Да, те же обои, большие цветы с мясистыми темно-зелеными листьями в огромных горшках повсюду, потому что мама обожает цветы, зелень — она ее успокаивает. А вот ему не удастся достичь такой гармонии с собственным домом. Ему не помогают эти стены, не кажется приятной и расслабляющей атмосфера, как любит говорить папа. Он просто возвращается с работы сюда, потому что здесь он обязан появляться время от времени. Нельзя давать лишний повод волноваться близким людям, действительно заботящимся о нем, живущим его удачами и промахами. Нет, он любит маму, с удовольствием играет в нарды с отцом, но гораздо уютнее ему в своем рабочем кабинете, где в огромной нише спрятана его раскладушка и постельное белье. Здесь ему не нужно притворяться веселым, спокойным, довольным собой и жизнью. Он так давно играет в человека, который идет по жизни смеясь, что все чаще возникает необходимость в одиночестве, в отсутствии чьих-либо глаз, слов. Даже встретившись с Беловым через столько лет (а они ведь долгое время были по-настоящему близки и знали друг о друге все), он снова надел маску самодостаточности и неоспоримой удачливости человека, нашедшего свое место в жизни. Андрей не смог быть с ним достаточно искренним. Может быть потому, что они давно не виделись и глупо открывать душу человеку, который периодически идет на сближение. Закревский решил, что не позволит никому забраться в его мир, он никого туда не допускает. Должно быть у человека что-то, известное только ему, и даже родителям нет доверия. Им вредно до конца понимать своих детей. Если допустить их до самого сокровенного, то у них может возникнуть впечатление, что их ребенок совсем им не знаком, что они всю жизнь заботились о другом человеке. Особенно, если любимое чадо единственное, то может возникнуть комплекс потерянного смысла жизни, неоправданных надежд.

Недавно уборщица в галерее поняла, насколько часто директор просыпается в своем кабинете. Закревский вспомнил, как она посмотрела на него, когда он в очередной раз открыл ей дверь, сонный, не выспавшийся: выцветшие глаза старушки повлажнели и, не говоря ни слова, она вдруг принесла ему свой «тормозок» — маленький бутерброд с молочной колбасой и два соленых огурца. Она добродушно ворчала, выбрасывая несметное количество окурков из пепельницы. Качала головой, упрекая его в том, что не ценит он молодости, здоровья, растрчивает нервы и время на пустое, по ее мнению, на пустое. Он чуть сам не прослезился, получая от этого чужого человека такую чистую, теплую волну заботы и сочувствия. Она не задавала вопросов, исчезая из кабинета раньше, чем он решался

что-нибудь ответить. Наверное, он нуждался именно в этом, потому что с некоторых пор перестал адекватно воспринимать все, что происходило с ним дома. Он понимал, какую боль доставляет маме его постоянное отсутствие. Ведь зачастую, имея возможность вернуться поздно вечером домой, он предпочитал остаться в галерее. Его сдерживало то, что, возвращаясь домой, он попадал под такую мощную волну материнской любви, которая сбивала его с ног. Вместо положительных эмоций, суэта, возникающая с его появлением дома, приводила Андрея в дурное расположение. К тому же последнее время мама любила посидеть рядышком, когда он нахваливал приготовленный ужин, и вслух помечтать о том, как изменится их дом с появлением здесь молодой хозяйки, малыша. Людмила Алексеевна говорила, что не дождется того момента, когда у нее появится возможность заботиться о долгожданном внуке. При этом она внимательно наблюдала за реакцией сына. Он старался улыбаться и молчать, потому что сказать что-либо обнадеживающее не мог, а придумывать несуществующие, серьезные романы не хотел. То, во что превратились его отношения с женщинами, можно было с натяжкой назвать романами: Закревский не ощущал ни к одной из промелькнувших в его жизни женщин глубокого чувства. Его сердце обиженно закрылось от кокетливых и многозначительных взглядов. Он не мог забыть той самой первой, неудачной любви. Хотя почему неудачной? Он много дней, месяцев жил этим неповторимым чувством и до конца осознал поражение только тогда, когда его зеленоглазая русалка Мила выскочила замуж за того самого чемпиона по теннису, с которым его свела судьба в финальном матче. Закревский помнил ее сияющие глаза и явное желание показать всему миру новенькое, блестящее обручальное кольцо. Она даже Андрею уделила несколько секунд внимания, послав в его адрес одну из своих самых очаровательных улыбок. Закревский улыбнулся в ответ и понял, что в сердце образовалась зияющая, холодная пустота.

Андрей удивлялся тому, насколько какое-либо событие в жизни способно оказать влияние на дальнейшую судьбу. Столько интересного, хорошего происходило с ним за его почти тридцатилетнюю жизнь, а память упорно возвращала его в те времена, когда зеленоглазая Мила никак не хотела замечать его. Сколько раз он ловил себя на том, что обращает внимание только на блондинок с великолепными волосами, глазами с поволокой и призывной улыбкой, не задумываясь над тем, что скрывается за ангельской внешностью. Женщины уже не проходили мимо удачливого, талантливого и привлекательного молодого мужчины. От него исходила магическая энергетика и какая-то неповторимая пластика и медлительность, будто он долго обдумывает каждое движение, каждое слово. Это вызывало неоднозначную реакцию — хотелось взять его под свое крыло и уберечь от превратностей окружающего мира. Закревский казался таким хрупким и беззащитным. Природное желание слабого пола окружить любимого максимальной заботой наталкивалось на противоречивую натуру Андрея. Именно эта беспредельная опека раздражала его больше всего, а если женщина совершенно искренне делала комплимент красоте его белоснежной кожи, то это окончательно ставило точку в романе. Закревскому казалось, что они издеваются над ним, зная, что в недалекой юности это было его проблемой. Он получал неопишное удовольствие, когда прерывал отношения с недоумевающей женщиной, умолявшей его объяснить, что она сделала не так. Иногда он принимал комплименты как должное, но это случалось так редко, что сейчас Андрей не мог вспомнить даже имен тех женщин, которым удалось остаться рядом с ним после подобных высказываний. Он отмахивался от любого проявления заботы, сам не в силах дать женщинам ощущения уверенности в мужской силе.

Короткий флирт, переходящий в мягкое, желанное обладание, и резкий обрыв отношений — вот регулярно повторяющаяся схема любовных коллизий Закревского. Ни к одной из своих многочисленных любовниц Андрей не испытывал глубоких чувств. Иногда он презирал себя за то, что потребительски относился к прекрасному полу, но ничего не мог с собой поделать.

Андрей перестал надеяться на то, что однажды все может измениться. Для него уже стало привычным ампула любовника на одну ночь, хотя и без славы Казановы. Та доля разочарования в самом себе, которую он нес, как крест, неизбежно передавалась его пассиям, сокращая время романа. Бывало, женщины бросали Андрея безжалостно, даже смакуя, по крайней мере, так казалось ему. Это снимало с него чувство вины, которое при его тонкой, болезненно все воспринимающей натуре, могло усложнять его жизнь. Он перестал брать в голову эту «смену декораций», все больше уходя в себя, закрываясь в собственном мире, выставляя напоказ придуманный образ удачливого и самодостаточного человека, чуждого любым проявлениям сентиментальности. Закревский вжился в эту роль, иногда забывая, где его настоящее «я». Наверное, это помогало ему не заниматься самобичеванием, а просто жить.

Закревский играл очень убедительно. Мать и отец Андрея, многочисленные знакомые, армия которых увеличивалось с каждым годом, попали в ряды обманутых. Только Белов заподозрил что-то неладное, заметив неподдельную грусть в глазах друга. Вадиму показалось, что удовлетворение жизнью у Андрея наигранное, сто раз отрепетированное и пора бы, наконец, сменить декорации.

Белов не ошибся, интуиция не подвела его, правильно расставив акценты в непростой судьбе Закревского. Творческие удачи Андрея неизменно сопровождались полными провалами в личной жизни. Одиноким, непонятым, загнанным в угол собственными комплексами неполноценности, известными только ему, он не пытался что-либо изменить, полностью поддавшись предначертаниям судьбы. Он страдал при виде маленьких детей, пытаясь представить, на кого был бы похож его ребенок. И тут же отгонял эту мысль, потому что ни одну женщину, с которой он встречался, не представлял в роли матери своих детей. Он бродил по огромному залу, наполненному экспонатами, картинами, или пустому, живущему в режиме ожидания и кажущемуся нереально красивым, безграничным. Медленно ступал, придумывая себе каких-то пришедших гостей, развлекая их рассказами о своих новых дамах сердца, планах на будущее. Такая игра забавляла его, помогала избавиться от многих накопившихся мыслей, облегчала существование. Ему было гораздо легче общаться с придуманными гостями, чем с реальными людьми, особенно теми, кто пытался пробраться в его внутренний мир.

Вот почему, вернувшись от Беловых, Андрей едва сумел скрыть разочарование, увидев, что мама дождалась его. Он понял, что впервые за долгие годы снова не сможет сдержаться и откроет то, что саднит, лишает покоя его душу. Андрей поднял голову и, глядя во встревоженные глаза Людмилы Алексеевны, произнес:

— Мама, я влюблен, безнадежно влюблен...

— Как хорошо, я рада, сынок, — погладив его по мягким чуть вьющимся волосам, тихо произнесла та. — Это замечательно.

— Ты так считаешь?

— Конечно.

— А если она — чужая жена? Более того, она — жена моего друга и она любит его, только его, — обреченно сказал Андрей, резко встал и направился в свою комнату. Он

оглянулся, увидев, как мама смотрит ему вслед расширенными глазами, едва сдерживая слезы. Она всегда тонко чувствовала его состояние. — Поплачь за меня, мама, я ведь не могу. В конце концов, я мужчина, или кто-то в этом сомневается?

— Что ты, сынок? — теперь в ее дрожащем голосе испуг, невысказанная просьба допустить ее еще дальше, ведь он только начал.

— Ничего, мама, я просто устал. Пойду спать, а завтра все будет казаться не таким трагичным. Поговоркам нужно верить: утром краски становятся более светлыми и радужными. Подождем. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, все образуется. Ты только верь.

— Хорошо, до завтра.

Людмила Алексеевна хотела сказать сыну, что он забыл вымыть руки, что папа сегодня улетел на конференцию в Лондон, но поняла, что Андрею нет дела ни до чего. Голубые глаза ее сына не видели ни ее, ни этих привычных обоев на стенах — он все еще был там, где сегодня осталось его сердце. Женщина покачала головой, провела ладонями по гладко зачесанным белым волосам: «Кажется, история повторяется. Ну почему у него все всегда так сложно?» Пожав плечами, она медленно направилась в спальню. На широкой кровати ей предстояло спать одной. За последнее время она привыкла к этому, но почему-то на чистой, ароматной постели она уткнулась лицом в подушку и тихонько заплакала. Неслышно сотрясались ее плечи, нос предательски отказывался дышать и, не нарочно громко всхлипнув, Людмила Алексеевна с силой взбила подушку, укладываясь поудобнее. Она колотила кулаками мягкую, податливую массу, вкладывая в эти движения невыплаканные слезы и недосказанные обиды. Наконец она просто устала и легла на спину, широко раскинув руки. Тишина стояла такая, что женщина слышала, как в соседней квартире щелкнул выключатель, и зашумела вода в ванной. Эти звуки всегда раздражали ее, лишали сна. Она могла отдыхать в полной тишине и со спокойной душой. Пока ни одно из условий не было выполнено. Шумно вздохнув, она закрыла глаза и погрузилась в ожидание сна. Она лежала, размеренно дыша, пытаясь избавиться от впечатлений от разговора с сыном. Она уговаривала себя, что накручивать себя, на ночь глядя, бесполезно. Оставалось ждать, пока организм отключится от реального мира, и она попадет во власть собственного воображения, возбужденного разума. Крепко сомкнув веки, женщина поворочалась, нашла удобную позу и уснула. Как всегда, она не заметила момента, когда это произошло. Одеяло едва поднималось, таким почти незаметным стало ее дыхание, а на лице вскоре появилась милая улыбка — в который раз ей снилось, что она держит на руках крошечное, завернутое в белоснежные пеленки существо. Она не знала, мальчик это или девочка, но была уверена, что это ребенок Андрея, а значит, она счастлива, как же она счастлива!

Валя не знала, зачем она это делала. Ноги сами привели ее в больничный двор. Она на мгновение остановилась у крыльца, потом медленно поднялась и решительно вошла внутрь. На часах в вестибюле была половина шестого. Валя возвращалась от родителей Вадима, где оставила Димку на выходные. Галина Матвеевна давно просила об этом, но, будучи теперь женщиной, ведущей домашнее хозяйство, Валя не хотела злоупотреблять любовью к внуку бабушек и дедушек. Ей казалось, что теперь это только ее забота и лишь изредка позволяла чувствам брать верх над разумом, оповещая заждавшихся родственников о долгожданном приезде внука. Димка любил оставаться у деда Пети и бабы Гали, потому что там ему разрешалось многое из того, что было под запретом дома. Когда Валя пыталась возражать,

Петр Петрович мягко останавливал ее и, улыбаясь, говорил:

— Ты не думай, дочка, мы его не балуем и не роняем ваш авторитет. Просто с высоты прожитых лет нам легче увидеть, что в этой жизни принципиально, а что иногда нуждается в изменении. Понимаешь, о чем я говорю? — Валя кивала, не в силах сопротивляться обаянию свекра. Глядя на него, она видела постаревшего, поседевшего Вадима с глазами Галины Матвеевны и только улыбалась в ответ.

Сегодня у Беловых-старших был праздник — внук перешел в их распоряжение на вечер и целых два дня. Суббота и воскресенье обещали стать непохожими на вереницу бесконечных будней. Валя знала, что Димке у них будет уютно и мальчик не станет проситься домой через пару часов. Петр Петрович умел найти для внука массу интересных занятий, а Галина Матвеевна обязательно будет готовить ему любимые блюда под заказ. «Пусть почувствует ласку близких», — сказала себе Валя. Она не хотела признаваться себе в том, что тяжелее всех переносить разлуку с сыном ей самой. За то время, пока они каждый день с утра до вечера принадлежали другу, оба стали еще более близки, Валя с трудом переживала любое расставание с Димкой. Может быть, в эти выходные она отвезла его к родителям Вадима, чтобы постепенно избавляться от невыносимого чувства одиночества, которое она испытывала вдали от малыша.

Отдав Димку в надежные руки, Валя вдруг почувствовала непреодолимое желание увидеться с Мариной. После встречи с ней прошло чуть больше недели. И каждый день Валя вспоминала лицо, руки, неестественно рыжие волосы молодой женщины, которая показалась ей такой одинокой, потерявшей смысл жизни. Они не были подругами раньше, и теперь Валя не думала о том, чтобы внести Марину в немногочисленный список своих близких подруг. Здесь было что-то другое, необъяснимое. Белова не знала, чем конкретно она может помочь ей, но решила обязательно увидеться с ней. Она надеялась, что в ходе беседы обязательно сможет найти ключик к этой отвергающей любое проявление внимания женщине. В конце концов бывают ситуации, когда человеку просто нужно выговориться, выплеснуть наружу горечь, разочарование, радость — все, что накопилось.

Валя поднималась на второй этаж, сняв шапку и на ходу расстегивая полы куртки: первый месяц весны не слишком баловал теплом, но дал повод избавиться от надоевшей зимней одежды — дубленку сменила кожаная куртка с капюшоном и свитер.

В больнице практически не было посетителей. Валя не почувствовала никаких откликов в душе, оказавшись здесь. Она не удивилась этому, просто отметила, что некое равнодушие и потеря интереса к работе наметилось у нее еще тогда, когда она узнала об уходе из больницы Вероники Сергеевны. Трудно было представить привычный кабинет без Маковецкой. Отношения с Алисой Захаровной были совершенно иными. Валя не могла объяснить себе некой безотчетной тревоги, которую она испытывала рядом с этой подверженной постоянным сменам настроения женщиной. Потому сегодня, когда работа медсестры была в прошлом, недалеко, но все-таки прошлом, Валя думала, что не совершила никакой ошибки. Она нашла себя в домашней работе, заботах о семье и собственных увлечениях, занимавших все более важное место в ее жизни.

Вечерний прием закончился полчаса назад. Поднявшись по лестнице, Валя заметила Марину издали. Та мыла полы в противоположном конце длинного коридора. Ее движения были привычны, скоры и производили столько шума, что Валя невольно улыбнулась. Она вспомнила свой первый день знакомства с Маковецкой, когда они, уходя из больницы, встретили в коридоре старательную девушку. Она мыла полы с таким рвением, что Вероника

Сергеевна едва сдерживала смех. Казалось, что девушка решила — чем громче, тем чище. Ее швабра задевала все стулья, плинтусы и с невероятной скоростью двигалась по разноцветному линолеуму.

Валя словно вернулась на несколько лет назад. Но рядом нет Вероники Сергеевны и Марина при ближайшем рассмотрении не похожа на ту робкую, улыбчивую, светловолосую девушку, какой была тогда. Рыжие волосы, выбивающиеся из-под косынки, окончательно вернули Валу в действительность.

— Добрый вечер, Марина, — сказала Валя, подойдя к ней близко.

— Добрый вечер, — Марина удивленно подняла черные брови.

— Можно, я подожду вас? Я не стану мешать. Тихонько посижу и подожду, хорошо?

— Да я уже практически заканчиваю, а потом мне еще в школу надо, — внимательно глядя на Белову, сказала Марина. Она никак не могла предположить причины ее появления. Самой неприятной была мысль о том, что Валентина Сергеевна решила навести кое-какие справки об Алисе, о том, что ей, Марине Светиной, известно о бывшей любовнице Вадима. Дела не столь давно минувших дней всплывали в памяти, заставляя Марину переживать снова не самые приятные минуты. Она нервно несколько раз поправила не первой свежести косынку на голове.

— Хорошо. Если вы не против, я провожу вас и тогда поговорим.

— Поговорим? — Марина скривила губы. — Можно и поговорить. Вы меня сориентируйте, о чем мы будем беседовать?

Валя улыбнулась, пожала плечами, не в силах в двух словах сформулировать то, для чего она пришла. Наконец она просто сказала:

— О вас. Я думала о вас все время.

— Да? С чего бы это? — недоверие Марины сменилось любопытством.

— Вы произвели на меня впечатление стойкостью, несгибаемостью.

— Может, я рисовалась, а зашла за угол и ревела белугой.

— Не думаю.

Марина хмыкнула, снова принимаясь за уборку. Она делала это машинально, проводя мокрой тряпкой по черным разводам от растаявшего снега. Маленькие грязные лужицы исчезали, оставляя чистые блестящие следы. Когда наконец все было закончено, Марина отлучилась на несколько минут в подсобное помещение и вышла оттуда уже переодевшись. Старенькое пальто серо-коричневого цвета, прибавляющее молодой женщине лет, войлочные черные полусапожки с «молнией»... И только зеленая косынка, завязанная на шее, немного освежала картину. Было ясно, что Марине не приходится задумываться над тем, что она надевает, — у нее нет выбора. Рыжие волосы были собраны в замысловатую прическу. Вероятно, она старалась для Вали. Сочетание зеленой косынки, рыжих волос и ярко-красной помады создавало впечатление, что женщина бросает вызов всему, что считается тонким вкусом. Белова поняла: у Марины нет возможности проявить свой, индивидуальный стиль, поэтому она выбрала кич, лишь бы не казаться жалкой. Валя смутилась. Наверное, это впечатление было явно написано у нее на лице, потому что Марина засмеялась.

— Да, это все еще я. На вещи «от кутюр» денег нет и в ближайшее время не будет. Пойдемте, Валентина Сергеевна, если вам не стыдно идти со мной рядом, — и, не дождавшись ответа, она направилась по коридору к лестнице.

— Пойдем, конечно, при чем здесь кутюр... — догнав Марину, ответила Валя. — Какая

вы смешная.

— Смешная? — Марина оглянулась, награждая спутницу одним из своих уничтожающих взглядов. — Только не это. Я не могу выглядеть смешной хотя бы потому, что забыла, когда смеялась в последний раз от души. Как вас понимать?

— Я не хотела вас обидеть.

— А что вы хотели? — Марина ускорила шаг, торопясь выйти на улицу, где она могла, наконец, закурить. Разговор и постоянное «выкание» действовали ей на нервы. Она не понимала, о чем эта красивая, благополучная женщина может с нею говорить, а потому нервничала все больше.

Валя начала с того, что призналась — желание прийти в больницу возникло у нее совершенно спонтанно.

— Я не могу до конца понять этого, но вы настолько впечатлили меня тогда, у метро, что...

— Послушайте, — Марина достала пачку сигарет и жадно закурила на ходу. — Когда-то было предложение перейти на «ты». Можно это сделать сейчас, а то я чувствую себя в девятнадцатом веке и вот-вот начну делать реверансы?

— С удовольствием, — Валя оживилась. — Давай на «ты».

Марина улыбнулась, кокетливо поправляя прическу. И наблюдая за тем, как она это делала, Валя поняла, о чем можно поговорить для начала.

— У тебя такая необычная прическа. Как это тебе удалось?

— А я вообще люблю экспериментировать с волосами, еще со времен учебы в училище, — оживилась Марина. — Был в моей жизни романтический период, правда, очень короткий, когда хотелось каждый день выглядеть особенно. И я придумывала разные прически. Знакомые говорили, что у меня неплохо получается.

— Я тоже могу подтвердить, только вот... — Валя боялась сказать что-то критическое в адрес Марины, но природная честность взяла верх. — Единственное, что не сочетается с твоим обликом, — цвет волос. Почему рыжий? У тебя были такие красивые светлые волосы, природный замечательный цвет.

— Я всегда была серой мышкой. Что хорошего в моих пшеничных хвостиках?

— Себя нужно любить — это проверенный факт.

— Ерунда. Нет, я хотела хоть в чем-то стать похожей на нее. Это глупо, по-детски, но так я пыталась обмануть саму себя, — Марина закурила еще одну сигарету, прикуривая от тлеющего окурка. Она замедлила шаг и, зябко поведя плечами, покачала головой. — Я никогда не смогу вернуть ее. Она меня бросила, а я все еще скучаю. На последние деньги покупаю ей какие-то подарки, держу в морозилке мороженое — она его обожает.

— Кто, Марина? О ком ты говоришь? — неожиданный оборот разговора удивил Валю.

— Об Алисе, Алисе Захаровне Зингер, с которой ты работала в одном кабинете, а я с завистью каждый раз смотрела тебе вслед. Ведь ты столько времени проводила с моей Лялькой. Мы ведь выросли вместе, она мне как сестра. Ты не знала о нашей дружбе?

— Нет, наши отношения были не настолько доверительными, скорее, только деловыми.

— Конечно, конечно, вы так мало поработали вместе. Сначала неожиданно ушла ты, потом вслед за тобой — она. Я осталась одна в этих стенах, где мне было хорошо только рядом с нею. Я была готова таскать эту тряпку с большим удовольствием, ведь я получала огромную компенсацию — я могла каждый день видеть ее еще и на работе. Это был подарок судьбы, — голос Марины дрогнул. Она почувствовала, что сейчас расплечется, по-детски

всхлипывающая. Алиса всегда говорила, что она плачет, как маленькая, испуганная девочка, размазывая слезы по щекам. — Мне так плохо одной. Очень плохо, пусто. Я жила ее проблемами, ее жизнью. Теперь осталась пустота и одиночество, бесконечные вечера, когда не хочется ничего. Я точно знаю, что когда-нибудь все изменится, но когда?

Марина говорила, активно жестикулируя, пользуясь возможностью выговориться, к тому же в глазах Вали она видела неподдельный интерес, и это воодушевляло ее. Незаметно для себя она рассказала о своем детстве, о том, как трагически закончилось пристрастие ее матери к спиртному, об отношениях с родителями Алисы, о своем неудачном романе во время учебы в училище с Тимуром Закировым. И, конечно, она много говорила о том, что значит для нее Алиса и их дружба. Они подошли к школьному двору и остановились на дорожке, с двух сторон обсаженной приземистыми, раскидистыми кленами. В широкие, распахнутые двери трехэтажного здания входили и выходили подростки. Такие разные, шумные, в большинстве своем улыбающиеся. Марина провожала их взглядом, полным грусти, — она завидовала их юности, беззаботности, возможности опереться на заботливых родителей. У них все было впереди, а у нее ничего хорошего не было в прошлом, нет в настоящем и только радужные, слабые надежды на перемены в будущем.

— Мы пришли, — тихо сказала Марина и улыбнулась. Она смотрела в открытое лицо этой практически незнакомой женщины, чувствуя возрастающую к ней симпатию. Белова стала одной из тех немногих, кто попытался просто по-человечески общаться с нею. Родители Алисы, она сама и вот теперь — Валя. Она тоже делает это бескорыстно, повинувшись какому-то душевному порыву. Марина видела, что интерес, который проявляла Валя, совершенно искренний. — Я благодарна тебе за эту неожиданную экскурсию по моей неудавшейся жизни. Спасибо, что выслушала. Я скоро одичаю от одиночества и от бесконечного мытья полов. Тряпка, швабра, хлорка — каждый день, каждый день. Я не жалею. Родители Алисы столько раз предлагали свою помощь в устройстве на другую работу. Но, во-первых, я не хотела злоупотреблять их вниманием, а во-вторых — не хотела терять Ляльку. Я ведь без нее не могла себе и дня представить. Не знаю, как мне удалось прожить без нее уже почти год.

— Она вышла замуж, насколько я помню.

— Да, и уехала в Москву.

— Не так уж далеко — четыре-пять часов на машине, — заметила Валя, — или ночь в поезде.

— Нет, километры тут не при чем. Она становится недостижимой, хотя изо всех сил делает вид, что между нами ничего не изменилось. В гости постоянно зовет.

— Так поезжай. Возьми отпуск и проведай любимую подругу.

— Не хочу. На это есть много причин. Я только недавно стала привыкать к тому, что могу каждый день не видеть ее. И потом — она стала еще шикарнее, чем была, а я... Начнет возить меня по магазинам, покупать вещи, косметику. Она всегда ухаживала за собой, ругая меня за то, что я зачастую не обращаю внимания на свой внешний вид. На самом деле я обращала, только на ее фоне это выглядело жалко.

— Марина, у меня возникло предложение. Подумай о нем, хорошо? — меняя болезненную для Марины тему разговора, сказала Белова.

— Какое?

— Ты не хотела бы попасть на курсы парикмахеров? У тебя есть способности, это изменит ритм твоей жизни. Деньги на курсы я тебе дам, дам просто так, не ожидая их

возвращения. Я не могу тебе объяснить, почему это для меня так важно, но я хочу реально помочь. Не рыдать у телевизора, глядя на то, что подчас творится вокруг, а сделать что-то конкретное. Соглашайся, прошу тебя. — Валя говорила эмоционально, быстро. Она боялась, что как только замолчит, Марина скажет свое любимое «мои проблемы я решаю сама». Но ничего подобного не произошло.

— Я физически не буду успевать, разве только, если курсы будут в первой половине дня, — вместо привычного «нет» неуверенно произнесла Марина.

— Я найду именно такие курсы. Главное, что ты принципиально «за».

— Не знаю, почему я это делаю, но я не могу в очередной раз отказываться от шанса что-то изменить в моей жизни, — разведя руки в стороны, сказала Марина. Она подумала, что Зингеры столько раз предлагали ей сделать это, а она постоянно отказывалась. Теперь же она готова принять помощь от практически незнакомой женщины, в глазах которой столько доброты и открытости. Пожалуй, ее помощь принять нужно. Это даже более ответственно, чем в случае с родителями Алисы. Марина поняла, что сделает все возможное, чтобы из этой затеи вышел толк. Валя обняла ее за плечи. — Зачем тебе это нужно?

— Не все в нашей жизни можно разложить по полочкам.

— Да, конечно, но все-таки... Ты появляешься, как добрая фея, а я давно перестала верить в чудо.

— И напрасно. Считай, что в твоих руках волшебная палочка. Осталось только загадать желание, — увидев недоверчивый взгляд Марины, Валя поспешила добавить: — В пределах разумного.

— Ну, вот, — Марина рассмеялась. — Пределы волшебства — это интересно.

— Не придирайся к словам.

— Не буду. Спасибо еще раз. Мне пора на работу.

— Я найду на днях или позвоню, если ты дашь мне свой телефон, — записывать было не на чем, так что номер Валя просто запомнила. Она чувствовала, что сделала один из самых хороших поступков в своей жизни. Она надеялась, что Вадим не будет возражать и поддержит ее. — До встречи.

— А как ты живешь? Как муж, ребенок? — вдруг спросила Марина.

— Спасибо, у меня все хорошо.

— Ты ответила так же и в прошлый раз.

— Значит, я говорю правду.

— Не скучаешь по работе? — внимательно глядя на Валу, снова спросила Марина. Она снова почувствовала себя виноватой в том, что знает все о романе между Алисой и Вадимом Беловым. Однажды она долго молчала, скрывая правду от Ляльки, теперь эта красивая, добрая женщина становится заложницей прошлого и пытается изменить ее беспросветную жизнь. Марина хотела услышать какие-то намеки Вали на необходимость уйти с работы именно в то время, о том, что обстоятельства вынудили ее так резко изменить свою жизнь; какие-то мимолетные фразы о проблемах в семье. Или хоть что-нибудь, за что можно было бы зацепиться и разобраться в том, почему в один прекрасный день кабинет невропатолога остался сначала без медсестры, а потом — и без врача. А получалось, что это произошло не потому, что обе женщины узнали, что любят одного мужчину и не смогли сосуществовать рядом, — простое стечение обстоятельств.

— Не скучаю, поверить не могу, что это произошло со мной. Если бы ты знала, как я мечтала об учебе в институте, дипломе врача, а сейчас мне это не нужно. Я изменилась и ни

о чем не жалею, — ответила Валя.

— Это здорово, — Марина поняла, что Валя не связывает ее имя с тем, что происходило за ее спиной между Вадимом и Алисой, или тщательно это скрывает. Хотя Белова не казалась ей коварной женщиной, желающей приблизить ее к себе ради получения информации. Марина мысленно отругала себя за необоснованную подозрительность и протянула руку. — Ну, до встречи.

— До скорой встречи.

Валя смотрела, как Марина быстро направилась к входу в школу. Она была такая маленькая, худенькая, что со спины совершенно не выделялась на фоне суетившихся вокруг подростков. И даже ее яркие, уложенные необыкновенными волнами волосы уже несколько не выглядели вызывающе. Валя усмехнулась, представив, какой нагоняй могла получить старшеклассница в ее время, наберись она смелости явиться с подобной прической в школу. Современные девчонки не носят обязательной коричневой формы с черным передником, позволяют себе длинные, покрытые лаком ногти, у каждой свой неповторимый стиль — на внешний вид сейчас мало обращают внимания. Но Валя не могла однозначно ответить, нравятся ей эти перемены или нет. Скорее — нет.

Валя повернулась и пошла в сторону метро. Она шла, сдерживая улыбку. Она почувствовала, что стала старше и мыслить начала по-другому — критика молодого поколения тому подтверждение. Значит, постепенно она попала в разряд взрослых, которые всегда на все смотрят иначе, чем дети. Белова вспомнила слова песни: «Детство кончится когда-то, ведь оно не навсегда...» В этой жизни вообще нет ничего вечного и неизменного — поток мыслей, обрушившийся на молодую женщину, заставил ее замедлить шаг. Она прошла мимо остановки метро, передумав заезжать за Вадимом в его офис. Внутренний голос подсказывал, что ее появление там сейчас нежелательно. Она решила отложить разговор о Марине до того, как он приедет с работы домой.

Валина интуиция не подвела ее: Вадим вернулся домой с плохими новостями. С порога он резким движением расстегнул «молнию» на куртке и глухо сказал:

— У нас неприятности — Костя в больнице.

— Что случилось? — Валя почувствовала, как похолодели кончики пальцев, неприятные мурашки побежали по телу. Она уже передумала говорить о встрече с Мариной.

А произошло совершенно непредвиденное. Костя в кои-то веки решил вернуться домой пораньше. Хотел сделать сюрприз Вике, которая конечно же обрадовалась бы возможности пообщаться с ним больше обычного. Работа отнимала много времени, объемы продаж в магазине росли, фирма «Байт» становилась все более известной и завоевывала все большее число клиентов. Это не могло не радовать Костю, но с другой стороны — вызывало недовольство со стороны Вики: она зачастую устраивала мужу некое подобие истерики. Особенно с появлением Ксении настроение Вики могло резко измениться в сторону нагнетания ссоры, если Костя звонил и предупреждал, что задержится.

В этот день Вадим решил, что его компаньону запросто можно уйти с работы после обеда. Конец недели предполагал большую бумажную работу, которую Белов обычно брал на себя. Костя конечно не сидел без дела, но, зная, как нелегко было Вале, пока Димка был крошкой, Вадим использовал любой повод, чтобы вытолкать Костю домой пораньше. Удавалось это не всегда, но в эту пятницу Проскурина не пришлось уговаривать. Он позвонил Вике, что скоро будет, и через несколько минут вышел из офиса.

Вадим просматривал финансовые отчеты, когда зазвонил телефон — взволнованным голосом Вика сказала, что в подъезде на Костю напали, отобрали барсетку, сняли куртку, сорвали золотую цепочку и обручальное кольцо, а главное — сильно избили. Белов не мог поверить услышанному. То, что слишком часто происходило в последнее время с абсолютно незнакомыми людьми, теперь коснулось непосредственно одного из самых близких друзей Вадима. Он закрыл кабинет, сказал ребятам, работавшим на сборке, что уезжает по делам, и поручил Степану Доценко — одному из тех, с кем они начинали дело, — сдать после ухода здание под охрану.

Белов помчался к Проскурину и застал его в жутком состоянии, лежащим в спальне на кровати. Лицо его напоминало изуродованную после очередной разборки физиономию крутого парня из американского боевика. Глаз не было видно из-за сильной отечности, кровоподтеков, на носу — повязка, губы неестественно красные, опухшие, едва шевелились. Проскурин пытался шутить, но Вадим покачал головой.

— Не надо, дружище, — и обратился к Вике, — я так понимаю, что милиция уже в курсе?

— Да. Все формальности соблюдены, но я не уверена, что этих артистов найдут, — ответила Вика. — Пойдем на кухню, я тебе все расскажу, а он пусть поспит. Медсестра только что сделала ему укол.

Сидя за чашкой кофе, Вадим узнал некоторые подробности: нападавших было двое. Скорее всего — местная шпана, давно «пасшая» богатенького дядю. Ударили сзади по голове, затащили в лифт и выдали все, на что способны. Самое неприятное — в украденной барсетке находилось несколько документов, которые не должны были выходить за пределы офиса. Костя расстроился больше из-за них, нежели из-за денег.

— Хорошо, если им были нужны только деньги. Надеюсь, что это обычные щипачи, а не нанятые кем-то парни, — Вика выглядела очень озабоченной. Она всегда была в курсе дел фирмы, поэтому Вадим не удивился тому, что Проскурина сказала после минутной паузы. — Завистников на Руси всегда хватало. Зависть — чувство, передающееся у нас по наследству: чем меньше наследство, тем больше зависти.

— Не утрируй, Вика, — борясь с желанием закурить, заметил Белов. — Мы не такие уж великие коммерсанты, чтобы нами заинтересовались те, кому это не нравится. Мы делимся с кем нужно, общаемся с кем нужно.

— Если ты в курсе Костиных планов, то я удивляюсь твоему спокойствию. Ты же знаешь — ему нужен весь мир!

— Я рядом для того, чтобы приводить его в чувство после безудержных полетов фантазии, — улыбнулся Вадим, но под осуждающим взглядом Вики добавил: — Правда, нельзя не отдать должное тому, что пока все наши задумки воплотились в реальность. И все-таки ты не должна говорить, что наше движение вперед прибавляет нам проблем.

— Я не отказываюсь от своих слов, ты это знаешь. Но дело сейчас не в моих принципах. Раньше у нас были планы, а теперь есть проблемы и их нужно решать. Вадим, тебе придется ехать в Москву, разговаривать с одним деловым человеком. Костя собирался сделать это в следующую среду, но, кажется, в создавшейся ситуации выезжать нужно быстрее. Кто знает, как отреагируют «большие дяди» на его новые предложения. Я уже отправила факс о том, что вместо Кости на переговоры приедешь ты. Ты ведь в курсе всех договоров. Потерять последний нельзя никак! Я дам тебе необходимые бумаги, деньги, мобильный и кое-что скажу на словах. Если сможешь, то выезжай завтра пораньше.

Вадиму не нужно было долго доказывать необходимость поездки. Он почувствовал что-то вроде удовлетворения оттого, что на него возлагается такая ответственная миссия. Чего греха таить, Костя зачастую вел серьезные переговоры без него. Это не обижало Белова — он считал, что каждый занимается своим делом. В конце концов, он никогда не претендовал на роль безоговорочного лидера. Он любил идти на полшага сзади. Проскурин в этом плане был более амбициозным. Может быть, они так удачно сосуществовали, что были такими разными, дополняющими друг друга. Вадим внимательно слушал Вику, еще раз убеждаясь, что зачастую Костины идеи подвергаются сперва критическому анализу с ее стороны. Она говорила со знанием дела, о чем свидетельствовали подробности, о которых она была в курсе. Вадим подумал, что ни при каких обстоятельствах не стал бы настолько подробно посвящать Валю в суть своей работы. Не потому, что она не смогла бы разобраться, а потому, что считал это принципиальным. Он никогда не хотел обременять голову Вали проблемами фирмы «Байт», магазина «Вива». В какой-то момент, слушая Вику, он вдруг решил, что Вале этого, быть может, не хватает. Ей мало его дежурного ответа «все нормально» или поверхностного описания прошедшего дня. Ведь раньше у них это было — долгие посиделки на кухне с обсуждением того, как прошел этот день. Это только на первый взгляд кажется, что все дни похожи друг на друга и нанизываются, как маленькие горошинки бисера на длинную нить судьбы. Каждый день, каждый миг неповторим. Не стоит отмахиваться от будничных забот, как от назойливого комара. Не стоит недооценивать мелочи жизни, ведь из них она и состоит.

Вадим поймал себя на мысли, что упустил нить повествования. Он с тревогой посмотрел на Вику — кажется, она ничего не заметила. Белов включился в тот момент, когда Вика говорила о том, как тяжело в нашем обществе выделиться из толпы. Она эмоционально жестикулировала, утверждая, что серым мышкам в наше время живется гораздо спокойнее.

— На каждую мышку есть своя мышеловка, — сделал философское заключение Вадим, чем окончательно расстроил Вику. — Никто не может себя чувствовать в безопасности, дорогая Вика. Но это не повод, чтобы сидеть сложа руки и трястись от страха.

— Что ты хочешь сказать?

— Мышке может свалиться кирпич на голову, но это не повод для того, чтобы не выходить на улицу. Никогда не стоит преувеличивать опасность и предугадывать ситуации. Произошло то, что должно было произойти, — не нам судить, но нам все это теперь разгребать.

Белов запомнил взгляд, которым наградила его Вика, и поспешил допить свой кофе. Уходя, он, как было принято между ними, поцеловал Проскуруину в щеку и спросил:

— Мама Кости знает?

— Да, она скоро должна приехать. Я валюсь с ног от усталости, — закрыв ладонями лицо, Вика покачала головой. — Как все некстати.

— Все будет хорошо, держись! — Белов почувствовал облегчение, когда за ним закрылась входная дверь...

— Так что я завтра утром еду в Москву, Валюша, — закончил свой невеселый рассказ Вадим. Он увидел, как погрузнело лицо Вали. У нее были совсем другие планы на эти выходные. Она хотела на два дня вернуть то беззаботное время, когда можно было поваляться в постели, заняться любовью, не боясь увидеть в самый неподходящий момент

Димку. — Есть единственный положительный момент, Сергеевна. Ведь тебе никто целых два дня не будет мешать, и ты сможешь творить сколько хочешь.

— Я хотела заняться совершенно другим, но, кажется, в мои планы Создатель вносит свои коррективы. Пойдем, помогу тебе собраться, чтобы не в последний момент, как обычно.

— Пойдем.

— Сколько дней это займет?

— Не могу точно сказать. Поеду на машине, так и удобнее и быстрее. Думаю, что максимум за два дня я справлюсь.

— Да, позвони Димке, — Валя посмотрела на часы. — Его, наверное, уже укладывают спать, но он хотел тебе что-то сказать. Я недавно созванивалась с родителями, чтобы узнать, как у них дела, и Димка взял трубку и попросил тебя перезвонить. Он непременно хотел пообщаться с тобой сегодня.

— Не знаешь, о чем? — набирая номер телефона родителей, спросил Вадим. Валя отрицательно покачала головой. — Как чувствует, что я должен уехать.

— Может, и чувствует. — Валя вышла из гостиной, чтобы начать укладывать вещи мужа.

— Привет, мам, как дела? — Вадим был рад слышать звонкий мамин голос. Они снова не увидятся в эти выходные, а по телефону он не любил разговаривать долго. Белов почувствовал, что невероятно соскучился по отцу, матери, и мысленно пообещал себе, что после приезда из командировки обязательно наведается к ним в гости.

— Здравствуй, Вадюша! Вот услышала тебя и все хорошо. С одной стороны, плохо иметь преуспевающего сына — он весь в работе, на нас, стариков, времени не остается, — в голосе Галины Матвеевны не было и намек на упрек, обиду. Она просто слегка журила сына за то, что он так редко появлялся у них в последнее время.

— Не обижайтесь, пожалуйста. Мы все исправим, не на разных ведь планетах живем. Дни пролетают — не успеваю листки календаря отрывать. Мне это лично не нравится. Только понедельник был — уже выходные.

— После тридцати время вообще имеет обыкновение набирать ускоренные обороты.

— Куда еще! — выдохнул Вадим.

— Представь себе, милый, я знаю, что говорю.

— Ты всегда права, мам. Поживем — увидим. Как наш общий родственник себя ведет, что делает? — меняя тему разговора, спросил Вадим.

— Замечательно. Мальчик вырастет не по дням, а по часам.

— Мы снова возвращаемся к теме о неумолимом времени, — засмеялся Вадим.

— Вот он, наш зайчик-побегайчик, примчался.

— Папа, папа, привет! — Вадим услышал радостный голос сына и почувствовал, как внутри поднялась и окатила все тело теплая волна нежности и любви к этому маленькому взрослому человеку.

— Привет, дорогой. Как твои дела?

— Очень хорошо. Мы играем, занимаемся. С бабушкой ходили в цирк.

— Здорово! — сказал Вадим, а сам подумал, что Димка давно просил его об этом, но, как обычно, поход в цирк все откладывался, откладывался.

— Так вот, я хотел поговорить с тобой о том, что нам нужно купить котенка. Серого и пушистого, с зелеными глазками. Поговори об этом с мамой, — Димка на мгновение

замолчал и добавил с доверительной интонацией: — Ты можешь на нее влиять. Она должна согласиться, пообещай.

— Постой, постой, дружище. Я не могу дать слова, ведь мама может иметь свое мнение.

— Нужно сделать так, чтобы оно было таким, как у меня.

— Димка, мы с тобой мужчины и знаем, что давать пустое обещание нельзя, — стараясь подобрать понятные мальчику слова, сказал Вадим. — Я постараюсь, давай остановимся на этом.

— Это не то, что я хочу услышать! — заявил Димка. Он подозрительно засопел и раздосадованно добавил: — Ладно, спокойной ночи.

— Я постараюсь, малыш. Ты меня слышишь?

В ответ Вадим услышал какие-то шорохи, стук. Трубка перешла в распоряжение Галины Матвеевны.

— Вадюша, мы целый вечер разговаривали с ним на эту тему. Он, конечно, не до конца осознает свою просьбу. Он еще маленький. Каприз пройдет и только.

— Ладно, мам, разберемся. Я завтра уезжаю в командировку. Валентина получает возможность творить.

— На эти выходные все получили свое: ты — работу, мы — внука, Валя — свободу творчества.

— Точно. Целую вас, привет папе. До встречи.

— Надеюсь, она произойдет раньше, чем наступит Валюшин день рождения.

— Мам, перестань. Я тебя люблю. Пока, — Вадим положил трубку, облегченно вздохнул и пошел в спальню. Валя сидела на кровати, расчесывая волосы.

— Я собрала вещи. Джентльменский набор. Бутерброды и кофе сделаю завтра. Во сколько просыпаемся?

— Я бы хотел выехать часов в пять, не позднее.

— Я заведу будильник, — Валя поднялась и грациозным движением откинула волосы назад.

Вадим внимательно посмотрел на нее, подошел и обнял. Он вдохнул запах свежести, всегда исходивший от ее кожи, он не спутает этот запах ни с каким другим. Белов закрыл глаза, полностью погрузившись в свои впечатления. Он вдруг вернулся назад в свою холостяцкую комнату, в тот день, когда Валя впервые переступила ее порог. Он просто пригласил ее в гости, как давнего друга, с которым так здорово разговаривать обо всем, с которым легко и весело, а оказалось, что именно в этот день они впервые стали близки. Вадим ничего не планировал, но Валя тогда, кажется, не поверила этому. Она не сопротивлялась, полностью доверившись ему. Белов понял, что помнит события того вечера подробно и снова ощущает кожей прикосновения девушки, глаза которой сияли от счастья и любви. Вадим не понял, как это произошло, он словно попал в другое измерение, где существовало его второе «я». И это «я» почувствовало горячее дыхание и вслед за ним поцелуй. Нежные руки обвили его шею, а внутри все уже томилось в предвкушении любовной игры. Еще мгновение, и он страстно отвечал на прикосновения. Полумрак спальни, освещенной только небольшим бра в изголовье кровати, что-то скрывал, что-то, наоборот, делал более острым, тонко ощутимым. Обладание было долгим, дарящим обоим неповторимое блаженство. Каждый раз совершенно другие ощущения, что-то новое, воспламеняющее, взрывающее все внутри. Валя чувствовала, что приближаются недолгие мгновения, когда реальность становится такой далекой и совершенно теряет смысл. Разум

отключается, не выдерживая напора эйфории, сдабривая ее придуманными картинками, усиливающими возбуждение...

А сейчас, усталые, опустошенные, они лежали с закрытыми глазами, не в силах оторваться друг от друга. Прерывистое дыхание постепенно снова стало обычным, ровным, незаметным. Черты лица потеряли заостренность, разгладились, выражая удовлетворение. Валя зашевелилась первой — теперь она почувствовала тяжесть полностью расслабившегося Вадима. Он виновато улыбнулся и приподнял свое тело на руках. Они смотрели друг на друга без слов. Наконец Валя нежно провела рукой по щеке Вадима.

— Я хочу этого каждый день, — улыбаясь, сказала она. Ее переполняла любовь к этому мужчине, первому мужчине в ее жизни, глаза которого казались ей бездонными океанами, принадлежащими сейчас только ей. Она купалась в беспредельной сини, стараясь не увлекаться и не заплывать слишком далеко: она не везде чувствовала себя в безопасности, не везде и не всегда. — Мне так хорошо с тобой. Мне никто не нужен. Так любить нельзя, я знаю, но я по-другому не умею.

— Я тоже люблю тебя, Сергеевна, — Вадим поцеловал ее в кончик носа и улыбнулся. В этот момент он говорил искренно. Он не кривил душой, зная, что Валя и Димка — это та часть его жизни, которая остается неизменной. Они принадлежат ему, а он — им. Только его пределы счастья иногда нуждались в расширении границ. И он позволял себе некоторые послабления, но только себе. Как человек, однажды изменивший, сохранивший это втайне, он не мог даже думать об ответном шаге со стороны Вали. С некоторых пор он считал, что нет безгрешных. Просто одни грешат открыто, а другие — в мыслях, вот и вся разница. Он усмехнулся, отгоняя от себя глупые мысли. Валя заметила это и вопросительно посмотрела на него. — Я просто подумал, что совсем не знаю тебя. Год за годом наблюдаю, как ты меняешься, открываешься с новой стороны. Какие сюрпризы ты готовишь еще?

— Не знаю. Я не думала об этом. Недавно, когда ты рано утром стоял у окна в полумраке кухни, я хотела тоже спросить у тебя что-то подобное. Но струсила и промолчала. Чаще мне не нужны твои слова — я все чувствую, будто мы одно тело.

Вадим оставил ее последние слова без комментария. Он улыбнулся и посмотрел ей вслед: Валя наконец нашла в себе силы отправиться в ванную. Когда она вышла, зазвонил телефон. Она взяла трубку с аппарата, стоящего в коридоре.

— Слушаю вас.

— Валюша, привет, это Вика.

— Здравствуй, дорогая, я узнала.

— Я вас не разбудила? — Вика говорила тихо, по-видимому, Ксения уже спала.

— Нет, все в порядке. Как Костя?

— Спит после укола. Вадим рассказал тебе?

— Конечно. У меня нет слов, — Валя даже развела руками. — Подонков развелось слишком много.

— Когда Вадим уезжает?

— Завтра рано утром. Дать ему трубку?

— Нет, я просто нервничаю, места себе не нахожу. Хотела удостовериться, что Вадим отреагировал быстро, — Вика говорила так, будто ей было тяжело подбирать слова. — Туго соображаю. Устала.

— Все будет в порядке. Соберись, Вика, ты ведь сильная женщина. Мы должны поддерживать наших мужей, а не скисать от первых неприятностей. Все будет хорошо.

— Да, Валюша, я соберусь. Нет другого выхода. Привет Вадиму. Пусть позвонит сразу, когда представится возможность.

— Обязательно. А я позвоню завтра утром, не возражаешь?

— Что за вопрос, я всегда рада тебе, Валюша. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Вика.

Валя зашла в спальню. Вадим неподвижно сидел на краю кровати, прямо перед телевизором. В его позе было какое-то напряжение, а когда он понял, что не один, — резко обернулся, и подобие натянутой улыбки скользнуло по его лицу. Валя почувствовала, как за

один миг улетучилась из сердца та сладостная нега, которая была еще несколько минут назад. Безотчетная тревога сковала движения, только глаза медленно нашли мерцающий в полутьме экран телевизора. Валя не поверила своим глазам — на нее смотрела сияющая, прекрасная Алиса Захаровна. Она что-то говорила, показывая на невысокого брюнета, сидящего с нею рядом в сверкающем лимузине.

— Сделай погромче, — попросила Валя, присаживаясь рядом с Вадимом. Она заметила, как дрожали его руки, пытаясь найти нужную кнопку на пульте. Но картина на экране уже изменилась, начался новый сюжет. — О чем говорила Алиса Захаровна? Почему ее показали по телевизору?

— Ее муж — очень влиятельный человек, он открыл ночное казино. Они приехали на вечеринку по поводу этого события, — ответил Вадим, глядя куда-то в сторону. — Атрибуты благополучия, нет — великолепия!

— Кажется, на тебя это произвело сильное впечатление, — заметила Валя.

— Как факт — да, не скрою. Жизнь обычного невропатолога превращается в сказку — это сюжет Золушки, который всегда будет интересен широкой публике.

— Не замечала за тобой раньше такого откровенного рвения к копанию в чужом белье.

— Почему так грубо? Здесь интерес вызван тем, что ты работала с этой женщиной, и теперь с нею произошли такие перемены. Сравнение в пользу красивой, богатой жизни. Из серой мышки в королевы. Наверное, это приятно.

— Сравнение? Вадим, это я работала с Алисой Захаровной, а сравниваешь почему-то ты. Ты ведь ее в глаза не видел. Что это означает? — Валин голос дрогнул. Где-то промелькнула мысль, что было, уже было все это: телевизор, растерянность Вадима, Алиса на экране. Валя не могла восстановить обрывающуюся нить воспоминаний. Так бывает, когда пытаешься вспомнить что-то, ранее считавшееся малозначимым.

— Неправда. Я видел ее однажды. Показывали молодоженов, уезжающих в свадебное путешествие, — нашелся Вадим, но губы его заметно дрожали. — Кстати, это было на твой день рождения.

— Точно, — тихо сказала Валя. Но ответ мужа посеял еще большую тревогу. Почему же тогда, почти год назад, она видела такую же реакцию на информацию, поданную с экрана? Она уже открыла рот, чтобы задать этот вопрос, и в этот момент поняла, что не хочет слышать ответ. Она его знала. Валя почувствовала, как перед глазами поплыла цветная картинка телевизора, но плакать нельзя. Она не должна дать понять, что обо всем догадалась. Мысли в голове запутались, молодая женщина запаниковала, не в силах справиться с эмоциями.

«Неужели он знает Алису настолько близко, насколько это показалось сейчас? Иначе почему он так напряжен и отводит глаза? Что все это значит?» — Валя обхватила руками голову, сильно сдавила ее, чувствуя, как кровь стучит в висках, гулко, быстро. — «Нет, этого не может быть. Я сама себя накручиваю, потому что слишком сильно люблю его. Так нельзя». Валя медленно поднялась и вышла из комнаты. Она чувствовала, что Вадиму необходимо побыть одному. Она ощущала любую, самую незначительную перемену в его настроении, и сейчас четко знала, что ее присутствие убивает его.

Зайдя на кухню, она не стала включать свет. Налила в стакан воды и сделала пару глотков. Потом села на подоконник и стала смотреть на белый диск луны. На душе было противно, хотелось плакать, уткнувшись в плечо человеку, которому можно доверить все свои переживания. Где же такой человек? Валя почему-то подумала, что разговаривать о

своих проблемах с Вероникой Сергеевной она не хочет. Ей не нужен профессиональный, аналитический подход и те советы, которые дает бабушка. Галине Матвеевне не нужно знать того, что лишит ее покоя. Подруги? В конце концов, Валя поняла, что ей нужно поговорить с кем-то из них.

Их было немного — Вика и Наташа. С ними она общалась больше пяти лет, но, по правде сказать, особо близких отношений не было ни с одной. Так уж получилось, что Валю с самого начала больше волновали проблемы дома и семьи. Наташа — человек творческий, не любивший сидеть на месте, зачастую приглашала на выставки, концерты, встречи с интересными людьми, на вечера японской поэзии, которую боготворила. Валя почти всегда отказывалась, что не замедлило сказаться на женской дружбе. Она приняла больше характер телефонного общения и встреч по праздникам, дням рождения.

Проскурина одомашнилась тоже только с появлением Ксении. Став матерью, она на определенное время отказалась от привычного жизненного ритма. Но Вика всегда подчеркивала, что лишь на время. Она не собиралась становиться домохозяйкой, планируя в недалеком будущем обзавестись собственным делом. С нею у Вали всегда были более доверительные отношения, хотя Вика и не приветствовала решения подруги оставить работу.

— Ты становишься зависимой от своего Белова. Не только ты, но и твой сын. Так нельзя, Валюша, в жизни случается всякое. Это сейчас ты молода, здорова, красива, но для полноценного существования этого маловато.

— Я пока ни о чем не жалею, — вяло реагировала Валя.

— Дай-то Бог. Однако мужчинам нельзя полностью доверять и использовать их в качестве главной опоры тоже нельзя. Они — другие существа. Их ничто не останавливает, если женщина перестает быть для них интересной. Какое чувство долга, дети, воспоминания! — Вика говорила эмоционально. Валя не ожидала услышать ничего подобного во время обычной прогулки с детьми. — Смотри, подруга!

Этот разговор состоялся не так давно. Валя помнила каждое слово, выражение лица Вики. И теперь спрашивала себя — может быть, ей известно больше, чем она говорит? Белова решила остановить свой выбор на Вике, но тут же покачала головой: подруге сейчас не до ее проблем. Что такое маленький ребенок, Валя знала не понаслышке. Значит, снова придется носить все в себе, так нужно. Это ее испытание на прочность. Кто-то любит и получает в ответ любовь, а кому-то достаются страдания. Так было с ее мамой — несколько счастливых мгновений и столько лет одиночества, ожидания. Хотя разве можно сравнивать светлую любовь своих родителей, которую они пронесли через всю жизнь, с тем, что происходит у нее с Вадимом! Вале стало стыдно, что она никак не оправдывает надежд мамы. Как она мечтала, что хоть у дочки все сложится иначе. Она говорила, что завещает ей полюбить и за нее, и за отца.

Валя поднялась, тряхнула головой, груз прошлого порой становился невыносимым. Она не могла вспоминать о маме без чувства вины за то, что в ее последние минуты дочки не было рядом с ней. Степанида умирала долго, мучительно, скрывая ото всех то, что ничто уже не удерживало ее на этом свете. Ее не интересовало даже скорое появление внука — так бывает, когда человек устает от жизни. И только вера не давала совершить непростительный грех — просить смерти, ускорить ее приход. До чего же должно быть мучительно пребывание на земле, если даже мысли о вечной тьме не пугают, а кажутся спасением!..

Валя резко поставила стакан на стол, перекрестилась и направилась в спальню. Она вошла и увидела, что Вадим лежит на кровати, подложив руки под голову. Он не посмотрел в

ее сторону, стараясь справиться с напряженным выражением лица. Вале стало больно, что мужчина, несколько минут назад обладавший ею, теперь словно стыдится этого, боясь встретиться с нею взглядом. Она чувствовала, что его нет рядом. Воспоминания унесли его туда, где ей нет места.

Любящая женщина видит сердцем. Оно, а не зрение позволяет отчетливо увидеть и разобраться во всем. Другое дело, что не всегда хочется верить в очевидное. Каждый раз оставляешь немного надежды — спасительный самообман. Осторожно устроившись рядом, Валя вздохнула. Вадим никак не отреагировал и на это.

Белову действительно хотелось подольше оставаться одному. На худой конец — укрыться с головой одеялом и в полной темноте снова вызвать в памяти улыбающееся лицо Алисы. Он не мог поделиться с Валей своими ощущениями. За все это время он ни с кем не говорил о том, что с ним происходило. Он не собирался хвастать этим, просто были моменты, когда держать все в себе становилось невыносимым, особенно, когда Алиса бросила его. Но даже со своим лучшим другом Костей он не решался поделиться происходившим, боясь не найти понимания. Вадим помнил попытку друга выяснить, что происходило в его семье около года назад. Проскурин явно не нравилось то, что между Вадимом и Валей появилось заметное со стороны отчуждение. Костя был мужчиной совсем иного склада. Наверняка переживания товарища он не смог до конца понять, а то и молчаливо осудил.

Вадим закрыл глаза и тут же снова увидел ослепительную улыбку Алисы. Он никак не мог признаться в том, что самым неприятным для него было видеть ее счастливой. Может быть, она притворялась, но делала это столь искусно, что Белова чуть не разрывало от досады. Она посмела быть счастливой без него! Целый год он пытался вычеркнуть их роман из своей жизни, все забыть, раз и навсегда сказать себе, что отныне и навсегда для него существуют только Валя и Димка. Он уговаривал себя, словно каждый раз проводя сеанс самовнушения, что ему легко без нее. Кажется, удалось даже большее — женщины вообще перестали привлекать его. Он снова превратился в примерного отца семейства, чем немало обрадовал Валю. Она — неглупая женщина и, конечно, чувствовала, что в его жизни была другая. Вадим еще раз сказал себе, что жена достойно пережила трудные времена: ни одной истерики, угрозы, упрёка. Она выросла в его глазах до недостижимых высот. Она была слишком идеальна для него. Сколько раз за последние три года Белов говорил себе это?

Уходя от сердечных проблем, Белов погружался в работу, семью. Он искал равновесия, пропорций, в которых время от времени нуждалась его противоречивая натура. Только он что-то выстраивал, второе «я» тут же желало все разрушить. Это касалось по большей мере его внутреннего мира, душевного состояния. На работе это был совершенно реальный, трезвомыслящий человек, от общения с которым нельзя не получить удовольствия. Вадим даже не раздвоился — растроился. И в этом состоянии жить становилось все труднее.

«Ты самец, Белов, напыщенный и самолюбивый», — ворочаясь на кровати, самокритично решил он. Только что Валя была в его объятиях, а через мгновение он уже вождеденно смотрит на ту, которая, казалось, навсегда ушла с его пути, самоустранилась, найдя наилучшее решение проблемы. Иногда Вадиму казалось, что, если бы он сам бросил ее, то все было бы по-другому. Он не ощущал бы потери настолько остро. — «В тебе говорит уязвленное самолюбие, да, наверняка». Этот вывод окончательно испортил Вадиму настроение. Заключение было верным пятьдесят на пятьдесят, но не решало проблем. Белов упрямо всматривался в экран телевизора, не замечая, как за ним искоса наблюдает Валя. Ему

не было дела до того, что она о нем может подумать. Пусть, все равно ведь не решится ни о чем спросить, как всегда.

А ему хотелось думать только об Алисе. Он так и не отпустил ее окончательно. Самому себе было трудно признаться в том, что он продолжал ждать ее неожиданного появления. Даже увидев год назад улыбающихся молодоженов Молчановых, Белов скептически отнесся к происшедшему. Он не верил, что это надолго, рассматривая этот шаг как обычную женскую месть, желание показать, что для нее жизнь только начинается и какая! Вадим был застигнут врасплох, но сумел собраться и настроиться на обычный жизненный ритм, в котором не было места приключениям, пока не было.

Сегодня прошлое снова больно кольнуло, вспомнились безумные свидания, страстные объятия, молчаливые признания. Он скучал по ней. По ее заразительному смеху, по ее миндалевидным карим глазам и рыжей копне волос, которые так роскошно рассыпались по подушке. По ее поцелуям, от которых у него кружилась голова. Он не представлял, что женщина может дарить такое наслаждение. Только оно было нужно ему время от времени. Может быть, это как огонь в камине. Холодно — и ты пододвигаешься, жарко — хочется отойти подальше. Вадим понимал, что сгорит в пламени любви этой женщины, а это совсем не входило в его планы. Он до сих пор не решил для себя, каким могло быть иное продолжение их отношений. Вероятно, она могла объявить ему о том, что ждет ребенка — этого он одно время опасался. Ему не нужны были подобные осложнения. Он не хотел выглядеть подонком, толкавшим женщину на аборт, но и появление ребенка его не обрадовало бы. Это исключило бы всю романтику и безумие страсти. Для него Алиса и мать были несовместимыми понятиями. Алиса и наслаждения — только так.

Белов наконец заметил, что Валя лежит рядом и, приподнявшись на локте, внимательно смотрит на него. Дуги ее бровей сурово сдвинулись, что было нехарактерно для нее.

— Ты что? — вздрогнул Вадим, подтягивая одеяло повыше к подбородку. Это было произвольное движение.

— Это тебя нужно спросить. Ты что-то бормочешь себе под нос, — медленно выговаривая слова, сказала Валя.

— Я? Что? — в его голосе явно зазвучали нотки страха разоблачения. — Что бормочу?

— Невнятно. Ты словно не в себе.

— Тебе показалось.

— Да, мне частенько что-то кажется. Послушай, Вадим, я не такая сильная, как раньше. Хочу, чтобы ты знал об этом.

— Хорошо, теперь я знаю. Что дальше? — в голосе Вадима было нескрываемое раздражение.

— Ничего. Я просто проверила, способен ли ты еще слышать меня.

— Слуховой аппарат мне не нужен. Это тебя радует? Очки — тоже, — Вадим не мог остановиться. Он понимал, что ему лучше промолчать, но с языка помимо его воли продолжали срываться колкости. — Я могу отлично видеть. Так что с очками тоже подождем.

— А любить можешь? Так, чтобы не мучить, чтобы каждый день хотелось прикоснуться и чувствовать счастье, можешь?

— Могу. Перестань говорить глупости. Странно, что ты завела подобный разговор именно сейчас. Ты все испортила.

— Я?!

— Ты, — Вадим улыбнулся и соизволил посмотреть на Валю. В его голубых глазах мелькнула насмешка. — Я заметил, что у тебя часто возникает желание поучаствовать в каком-то тебе одной понятном действии. Просвети, чтобы я не чувствовал себя идиотом.

— Это очередная неудавшаяся попытка понять, чего тебе не хватает, Белов, — отчеканила Валя и, отвернувшись, тихо сказала: — Спокойной ночи.

Вадим чувствовал себя виноватым — зачем он был груб? Он поцеловал ее в открытое плечо, почувствовав, как дрогнуло и сжалось пахнущее свежестью тело. Запах свежести — ее, а страсти — Алисы. Вадим разозлился на себя, что сравнивает их. Самое неблагоприятное дело сравнивать женщин, которые когда-то встречались на жизненном пути. Пустая трата времени. Вадим крепко закрыл глаза, дав организму команду «спать». Ведь завтра предстоит дорога, а потом — не самые простые переговоры. От них зависело очень многое. Впервые он, а не Костя, будет представлять интересы их бизнеса. Речь должна идти об открытии еще трех магазинов типа «Вивы» — это предполагало немалые капиталовложения, а со временем — прибыли. Проскурин всегда мечтал о том, чтобы Горинск превратился в центр прогресса. Его компьютерная империя должна, как спрут, распустить свои щупальца как можно дальше. Он видел себя монополистом в этой области. Связей было достаточно, денег — почти хватало, чуть-чуть перезанять, но в любом случае главным условием была поддержка сильных мира сего, которые играли роль крестных отцов любых начинаний. С одним из таких деловых людей предстояло встретиться Вадиму. Он никогда не вел подобных переговоров, но почему-то не особенно переживал. Проскурин всегда говорил, что Вадиму не стоит сильно напрягаться, чтобы произвести приятное впечатление и добиться своего.

— Ты так красив, дружище, что ответить на твою улыбку хочется вопросом: «Что я могу для вас сделать?» — Костя всегда преувеличивал, и Вадиму приходилось возвращать его в реальность. Но это преувеличение Белову нравилось, и обычно он снисходительно улыбался, качая головой.

Завтра предстояло проверить Костину теорию в действии. Вадим выключил телевизор и повернулся к Вале спиной. Он любил спать на этом боку, потому что мог смотреть в окно, завешенное белоснежной воздушной гардиной. Он всматривался в бескрайнюю темноту за окном, напрягался, пытаясь увидеть на небе звезды. Вместо них он ясно заметил светивший прямо в окно белый диск луны. Белов нахмурился. Он никогда не замечал за собой в полнолуние каких-то отклонений от обычного состояния, но с детства помнил беспокойство мамы по этому поводу. Она следила за фазами луны, постоянно делясь своими наблюдениями с Петром Петровичем. Мама объясняла это тем, что операции, которые он назначал, ни в коем случае не должны были приходиться на дни полнолуния. А в комнате Вадима в этот период были наглухо задернуты шторы. Они разделяли мир на две части: материальный и полный суеверий.

Словно в знак протеста против воспоминаний детства и юности Белов не стал подниматься и отгораживаться от холодного света и туманного ореола вокруг мистической планеты. Он смотрел на небольшой светящийся круг, не в силах разглядеть привычную картину девушки с коромыслом, и не заметил, как вопреки всем теориям уснул, уснул раньше, чем это сделала Валя. Едва услышав его ровное дыхание, она осторожно повернулась к нему, обняла и уткнулась лбом в его спину. Она чувствовала, что короткий период спокойствия в их отношениях снова заканчивается. Поведение Вадима снова становится непредсказуемым, непонятным для нее. Что-либо прогнозировать Валя не хотела, единственное, что она пообещала себе, — обманов больше не будет. Она не хочет

больше видеть его отчужденным, сочиняющим несуществующие причины опозданий, отводящим глаза. Она не поставит его перед выбором. Если ее сердце снова подскажет, что Вадим душой не с нею, она уйдет сама, без упреков и скандалов. Она устала бороться. Даже такая любовь, какую она испытывала к Вадиму, может не выдержать постоянных испытаний на прочность. Валя вздохнула. Она ни о чем не жалела — пять лет с любимым человеком это подарок судьбы, это счастье, но сколько сил стоило ей сохранять его. Если это нужно ей одной, она уйдет. Может быть, постоянная неудовлетворенность и есть его суть, суть мужчины, избалованного женским вниманием? Вадим с самого начала говорил, что из него не получится идеального мужа. Он мягко предупреждал, что легко с ним не будет. «Конечно, надо быть такой максималисткой, как я, чтобы понадеяться на все изменяющую силу любви. Господи, за что же я его так люблю? И не объяснить. В том-то и дело, что люблю я, а он лишь принимает мои чувства. Только принимает, снисходя, проявляя должное уважение. Он не может кому-то принадлежать. Он живет своими мерками, в своем мире и в нем нет места такому качеству, как верность. Это атавизм, от которого Вадим давно избавился. Мы всегда будем просто рядом... Это невыносимо даже для такой всепрощающей натуры, как я». — С этими грустными мыслями, от которых в горле у молодой женщины стало сухо, колко, она тоже уснула.

Лунный свет освещал их, таких близких и таких далеких одновременно. Сейчас они вместе, а может быть — уже врозь. Ровное дыхание обоих сливалось в тихий вдох и более шумный выдох. На лицах нет ни тени тех сомнений и проблем, которые мучили уставший разум. Он сейчас отдыхал, рисовал несуществующие картины снов, дарил нереальные приключения и ощущения. В этом мире, где нет сознания, где оно устало спит, поддавшись привычному ритму, каждая минута приближала пробуждение. Оно изменит все: дыхание, мысли, выражения лиц, заставит произносить слова. И не всякое слово будет правдой, ведь так часто каждый из нас ищет спасение во лжи. Одна ложь порождает другую, и порой настает момент, когда ее становится слишком много. Она ложится непосильным грузом на плечи и давит, прижимает к земле, не дает распрямиться и прямо смотреть в глаза любимым, близким, чужим. Взгляд, устремленный вниз, надоевшая картина, и так хочется снова увидеть звезды. Но только пытаешься поднять голову, как чувствуешь, что теряешь равновесие, и снова опускаешь взор вниз — от этого страдает, плачет израненная душа, ее уже не спасти...

Вадим выехал со стоянки еще затемно. Он проснулся очень легко — на часах была половина четвертого. Засыпать снова не было смысла. Осторожно поднявшись, он потихоньку вышел из спальни, прикрыл дверь и зашел в ванную. Утренний душ всегда приводил его в хорошее расположение духа, словно вместе с потоками воды уходили в сточное отверстие все проблемы, захлебывались и уносились далеко-далеко, откуда нет возврата. Вадиму не хотелось закрывать воду. Он все стоял под горячим душем, прислушиваясь к своему состоянию. Не было желаемого спокойствия, но и вчерашней паники, отчаяния тоже не было.

Приведя себя в порядок, Вадим вышел из ванной комнаты, заметив, что на кухне горит свет. Там уже хозяйничала Валя. Запах ароматного кофе был слышен не только на кухне, куда заглянул Белов. На столе уже стоял стакан апельсинового сока, а на большой тарелке лежали красиво оформленные бутерброды. Валя всегда все делала так: она не могла просто отрезать хлеб, намазать его маслом и покрыть тонким ломтиком сыра. Обязательный

маленький штрих в виде веточки петрушки, тонкой дольки лимона, сладкого перца — это необходимое дополнение. Она делала так не для того, чтобы лишний раз получить похвалу, просто в этом была ее суть: все должно быть красиво, законченно, от души.

— Доброе утро, Сергеевна, — Вадим подошел к Вале и поцеловал ее в щеку. Она обернулась, бросила на него быстрый, внимательный взгляд — от вчерашнего, ставшего чужим, колким, мужчины не было и следа. Привыкшая за эти годы к частым переменам в его настроении, Валя решила начать день как ни в чем не бывало. Никакого выяснения отношений, тем более перед дорогой, обычные банальные разговоры о завтраке.

— Доброе утро, Вадюша. Выпей сок, а через пару минут будут готовы мюсли, — увидев, как Вадим поморщил нос, добавила: — Нет более полезной еды, чем овсянка с утра, даже в современной обработке и с дополнениями.

— Слушай, а почему так: или вкусно, или полезно? Соединить можно? — залпом выпив сок, спросил Вадим.

— Неправда, а как насчет любимого сока?

— Он любимый и этим все сказано. Кто-то не переваривает апельсины.

— Меньше философии, время идет, — укладывая бутерброды в пакет, сказала Валя.

Вадим переоделся и начал с явным неудовольствием медленно жевать овсяные хлопья. Он жалобно посматривал на Валу, но она пила кофе и только посмеивалась.

— Я понял, — проглотив очередную порцию каши, произнес Вадим, — ты надо мной вместо Димки потешаешься, да?

— Как тебе не стыдно!

— Шучу, шучу. Только для завтрака слишком рано. Налей мне кофе без сахара, пожалуйста. — Когда с завтраком было покончено, Вадим взглянул на часы — начало пятого. — Все, Валюша. Спасибо, поехал я. Будем считать, что на дорожку мы уже присели.

Он не дал Вале возможности возразить, быстро вышел в коридор, где его ждала сложенная с вечера сумка. Оделся, бросил на себя последний взгляд в зеркало: слишком парадный вид для дороги. И вдруг спросил:

— Хочешь, поедem вместе? Не знаю, почему я раньше не сообразил. Ты ведь так хотела в Москву. Поедем, остановимся в хорошей гостинице. Пока я буду заниматься своими делами, погуляешь по столице. Поедем?

— Нет, спасибо. Я не поеду. Тебе будет спокойнее одному. Это не тот случай. Надеюсь, когда-нибудь это произойдет, и мы будем вместе совершать экскурсии. И Димку возьмем. Поезжай, улаживай все проблемы, а за нас не переживай, — Валя приподнялась на цыпочки и поцеловала Вадима в кончик носа. У Беловых это считалось выражением безграничной нежности. В ответ Вадим крепко прижал ее к себе, запрокинул голову и шумно выдохнул.

— У нас все хорошо, Сергеевна, слышишь?

— Да, я слышу, — закрыв глаза, тихо ответила Валя. — Просто скажи, что любишь, шепотом, глазами — я и тогда услышу.

— Валюша, не сегодня.

— Прозвучало как «никогда», — Вале стало неприятно, что она словно выпрашивала признание в любви. Ей не составляет труда говорить слова нежности. Может быть, потому, что они идут от сердца, не надо долго подбирать их. — Как хочешь. Не буду брать с тебя пример. Мне всегда доставляет удовольствие признаваться в своих чувствах. Я тебя люблю, будь осторожен на дороге и в словах не только со мною.

— Вот на этом и остановимся, — Вадим поцеловал Валу в макушку, мягко отстранил

от себя и быстро вышел, громко закрыв входную дверь. Этот звук неприятно резанул Вале слух, она непроизвольно вздрогнула и прижала руку к сердцу. Обычно она подходила к окну, провожая мужа взглядом, пока он не скрывался из виду, но сегодня она стояла в коридоре, не в силах пошевелиться. «У нас все хорошо... Кого он пытается в этом убедить? Себя, только себя», — Валя провела рукой по лицу, медленно зашла в спальню. Ее взгляд остановился на разостланной кровати: хранящие отпечатки прикосновений подушки, одеяло с загнутыми с двух сторон углами. Вале захотелось лечь на место Вадима. Она так и сделала: закрыв глаза, подтянула одеяло повыше и постаралась расслабиться. Потом повернулась на живот и обняла подушку обеими руками. Она сразу почувствовала запах Вадима и решила, что все дни его командировки будет спать именно здесь. Улыбнувшись, она вспомнила, как мама всегда говорила: «Лягу на твою подушку и узнаю все твои мысли». Валя замерла, попытавшись ни о чем не думать, словно освобождая голову от всего, что могло помешать мыслям Вадима очутиться в ее власти. Но конечно же ничего подобного не произошло. Повернувшись на другой бок, Валя представила себе, как он сейчас сидит за рулем и автомобиль уносит его все дальше, дальше. Ей всегда нравилось наблюдать за его красивым профилем и невозмутимым выражением лица, когда Вадим вел машину. Он всегда уверен в себе. Весь его облик постоянно говорит об этом, заставляя любого человека после нескольких минут общения поверить в то, что перед ним самый удачливый, разумный, обаятельный мужчина. Валя знала, что на людей он производит только такое впечатление.

Открыв глаза, она поняла, что заснуть ей больше не удастся, и уставилась в потолок: несмелый солнечный луч совершал неспешное путешествие по его идеально гладкой поверхности. Валя машинально следила за ним, погружившись в свои мысли о Вадиме. Пожалуй, он таким и был — баловень судьбы, которого природа ни в чем не обделила, а кое-чем вознаградила в избытке. Чуть-чуть меньше желаний перемен, чуть-чуть больше ответственности — и портрет Белова был бы идеальным. Но Вадима эти «чуть-чуть» не беспокоили, а близким не удавалось изменить его. Он шел по жизни с гордо поднятой головой, не задумываясь о завтрашнем дне, пытаясь выжать все из дня насущного. Он старался удовлетворять свои капризы, но не всегда это проходило безболезненно для окружающих. Вадиму многое прощалось. Красивому человеку легко получить прощение.

Валя почувствовала, как мысли ее резко меняют направление. Она хотела наполниться до краев самыми светлыми ощущениями: улыбнулась, вспоминая, каким нежным, внимательным и немного испуганным ожидал он ее на ступеньках роддома. Он так и не отдал ей букет цветов, продолжая крепко сжимать его в одной руке, а другой осторожно отвел белоснежный накрахмаленный уголок, прикрывавший личико малыша. Валя не могла забыть, как удивленно взметнулись вверх его брови и дыхание сбилось. Он казался таким беззащитным. И только через какое-то время его отношение к сыну стало похожим на то, чего ожидала от него Валя. Он стал заботливым отцом, полностью взявшим на себя ответственность за свою семью. Вале было приятно видеть его и растерянным, и сильным. Она любила его, стараясь показать, что ее чувства не изменились с рождением Димки. Вадим так переживал, что с появлением малыша он сам перестанет быть центром внимания. Скольких сил стоило ей поддерживать в нем уверенность в этом. Валя поняла, что все эти годы помогала развиваться в душе Вадима капризам маленького, избалованного ребенка, каким он был всегда. Мир вращался вокруг него, когда рядом были заботливые Галина Матвеевна и Петр Петрович, когда в недолгой роли его супруг оказывались Регина и Марьям. Валя четко помнила их необычные имена, стараясь не просить воображение

рисовать ей внешность бывших жен ее мужа. Может быть, он расставался с ними тогда, когда понимал, что не получит от них той бесконечной заботы и внимания, от которых так нелегко отказаться единственному, долгожданному ребенку слишком ответственных родителей? А может быть, они сами уходили от него, когда замечали, что муж перестает уделять им должное внимание, обременяя их своими капризами? Наверняка они не смогли долго терпеть его противоречивый, переменчивый характер и постоянную готовность отвернуться, не замечать никого.

Вздыхнув, Валя села, обхватила колени руками. За несколько минут внутреннего монолога она пришла к выводу, что никто не любил его так, как она. Мама не в счет — ее чувства на уровне инстинкта, они не подлежат обсуждению и не подвергаются сомнениям. А вот женщины, дарившие себя ему и получавшие что-то взамен, наверное, не были удовлетворены. Они не отдавали ему в безвозмездное пользование свое сердце и душу. Они всякий раз хотели что-то получить взамен, а ей ничего не нужно. Ей как женщине нужно только его внимание и любовь, такие, на которые он способен. Она не хотела замечать других мужчин. Ни их самих, ни заинтересованных, сладких взглядов, обращенных в ее сторону. Она с самого начала сказала себе, что ей несказанно повезло — такой красивый, умный, веселый молодой мужчина обратил на нее, провинциальную толстушку, внимание. Валя была благодарна ему за это и верила, что их союз непоколебимый, желанный, а уж сделать все, чтобы сохранить его, она была готова на все «сто». Она хранила верность любимому супругу и полностью отдавала всю себя заботам о доме, семье. При этом она не чувствовала себя ущемленной. За исключением некоторых промежутков времени, когда она действовала автоматически, застыв в ожидании: Вадим отдалялся, а значит, все теряло смысл.

В отличие от жены, Белов не задумывался над такими понятиями, как верность, ущемление интересов, светлое будущее. Он не любил загадывать, давно убедившись, что зачастую желаемое не совпадает с тем, что получаешь. Так не лучше ли жить сегодняшним днем, оставляя право божественному провидению писать сценарий загадочного, близкого и далекого будущего? Лишь иногда отступал он от правила, когда ввязывался в жаркие споры о бизнес-планах с Проскуриным. Вадим очень любил напомнить товарищу, что именно с его подачи их проект не потерпел фиаско, ведь безудержная фантазия Кости всегда компенсировалась трезвым расчетом Вадима. Пожалуй, таким фундаментальным, думающим, ответственным Белов был только в работе, а в быту от него не стоило ожидать чего-то подобного. В житейских ситуациях он практически всегда полагался на эмоции, не желая слышать голоса протестующего разума или советов со стороны. Для него не существовало понятие компромисса. Он оставлял это Вале, родителям, всем, кто хотел быть с ним рядом.

А находиться рядом с Вадимом было непросто. Вале казалось, что он и сам порой не понимает, насколько полной отдачи требует от близких. Он не задумывается над тем, что кому-то может быть нелегко с ним. Валя никогда не жаловалась, но иногда в душу закрадывалось сомнение: правильно ли она поступает, полностью отдаваясь своему чувству, закрывая глаза на очевидную холодность, приходящую на смену сдержанному проявлению чувств со стороны мужа. Даже от друзей Вадима Валя чаще слышала лестные отзывы в свой адрес. Они переполняли ее сердце гордостью, но все-таки не могли искоренить комплекса деревенской девчонки, попавшей с корабля на бал, не могли заменить долгожданных нежных признаний Вадима. Ей так хотелось взять в ладони красивое лицо своего мужа и

сказать ему: «Посмотри, посмотри же, какой я стала! Поддержи меня словом, взглядом. Дай понять, что ты гордишься мной! Скажи, что я именно та женщина, с которой ты хочешь провести всю свою жизнь». Но мечты оставались недоступными. Валя понимала, что не сможет так поступить, никогда не сможет. Это требует такой смелости... Вдруг она услышит не то, на что надеется, — это катастрофа, полное фиаско! Вадим сохранял олимпийское спокойствие, редко разговаривая о любви с нею. Он всегда отмечал, что сорить словами легче, чем доказывать поступками. Почему признания в любви так мало значили для него, Валя не пыталась понять. Она не старалась глубоко анализировать некоторые поступки мужа, каждый раз позорно останавливаясь, чувствуя, что ответ ее не порадует. Она постоянно шла на компромиссы с собой, своим характером, принципами, ожидая, пока Вадим все-таки поймет, что для него главное. Что главное для любого нормального человека. Но он оставался при своих принципах, где понятие семьи и дома время от времени становилось слишком размытым, а на первый план выходили его чувственные удовольствия, влечения плоти. Валя не могла сказать, что это ее устраивало. Образно говоря, она прятала голову в песок, ощущая опасность, молча выжидала.

Однажды Валя твердо сказала себе, что она — не бедная родственница, которой некуда деться, которая должна безропотно сносить все. Она решила: как только снова почувствует отчуждение, уедет в Смирновку. Там ее дом. Прошло много времени, и она уже найдет в себе силы переступить его порог, зная, что мама не выйдет навстречу. Мамы больше нет, а ее самой тоже иногда будто бы и нет. Думая о том, что за ее жизнью мать и отец наблюдают с небес, Вале становилось не по себе. Она стыдилась того, что, потакая капризам мужа, его молчаливым изменам, она предавала их любовь, растаптывала их надежды на ее счастье. Валя не хотела больше прислушиваться к советам бабушки: быть деликатной, терпеливой, внимательной. Ей хотелось кричать, а она только мило улыбалась и собирала Вадима в дорогу. Какое лицемерие — она страдает, тлеющие угли надежды вот-вот погаснут, а он играет в благополучие!

Вчера что-то надломилось внутри. Валя увидела, как кирпичик за кирпичиком очень быстро в который раз возводится стена непонимания между нею и Вадимом. И каждый из них откладывает решение проблемы. Он боится перемен, они больше не нужны ему настолько, чтобы разрушать очередную семью. Тогда рано или поздно придется создавать новую, в какой-то мере подстраиваясь под новые традиции, характер избранницы, ее принципы. Ведь у всех есть принципы, у всех, кроме его жены. Валя решила, что он рассуждает именно так. Зачем ему в корне все менять, когда можно иметь желаемое, сохраняя внимание, заботу, привычный ритм. Он понял, что она дала молчаливое согласие на некую свободу его нравам, только бы все имело определенную степень приличия. Вроде того, чтобы женщин в дом не водить, свой телефон им не давать, знакомым на глаза с любовницей не попадаться, отсекая лишние поводы для обсуждения.

Валя поняла, что заиклилась на своих эмоциях. Не стоило столько раз повторять одно и то же, пора действовать или окончательно смириться с тем, что красивый муж не желает принадлежать тебе одной. Последнее получалось у нее лучше. Она смогла и сегодня выглядеть беззаботной. «Ничего не произошло. На самом деле ведь нет повода для терзаний. Подумаешь, муж выглядел озабоченным, растерянным. Он — деловой человек, в его голове удерживается и обрабатывается столько информации, что поневоле будешь витать в других измерениях». Все это было очень убедительно, Валя даже засмеялась. Она видела его таким не раз, только могла поклясться, что его задумчивость никак не была связана с сегодняшним

отъездом. Он не переживает за исход важной встречи. Гораздо больше его волнуют душевные проблемы, которые он так тщательно старается скрыть.

Сегодня утром они были похожи на двух актеров, играющих благополучную пару. Тоска в глазах у него, страх и ожидание признаний — у нее. Вежливые, привирающие, боящиеся говорить правду люди, которых связывает слишком многое, чтобы просто вычеркнуть друг друга из жизни. Они стараются доказать себе, что ничего особенного не происходит, что у них семья не хуже, чем у других. Хотя равняться на то, что происходит за закрытыми дверями, — глупость. И все-таки пока им ближе эта глупость, чем голая, безжалостная правда.

Валя сказала себе: «Хватит!» и поднялась с постели. Она решила, что будет целый день рисовать, обязательно надев на шею подарок Вадима, который он подарил ей в прошлом году на ее день рождения. Две фотографии, спрятанные под золотой крышкой кулона, и сверкающий рубин, украшавший его, всегда способствовали легкому движению кисти — она сразу заметила это удивительное состояние. Вале казалось, что в этот момент она не одна и время от времени чья-то опытная рука подправляет ее мазки, помогает правильно смешать краски и получить нужный оттенок. Отбрасывая тяжелые мысли, как ненужный мусор, Валя переделась и вошла в гостиную. Там в дальнем углу она оборудовала себе место для занятий любимым делом. Первые минуты кажутся трудными, как при первом знакомстве, но вскоре внутренний дискомфорт сменяется блаженством. Непередаваемое ощущение — ничего вокруг больше не существует. Это другое измерение, удивительная страна, где важны только картины, постепенно оживающие под кистью творца. Валино лицо стало еще красивее. В глазах появилось спокойствие, уверенность, загадочная отрешенность. Она снова парит в небе. Улыбка скользит по ее губам. В который раз она ощущает себя принцессой, путешествующей на мягкой, белоснежной перине из облаков. Ей так удобно, интересно, весело. Сказка странствий началась и здесь столько неизведанного.

Загородная дорога сделала очередной крутой поворот направо. Теперь только прямо и прямо. Это означало, что через час покажется окраина Москвы. «Форд» Белова легко преодолевал километр за километром. Вдруг Вадим резко остановил машину и, положив руки на руль, опустил голову. С каждым километром он чувствовал, что машину становится вести все труднее. Белов вышел на дорогу, осмотрелся по сторонам: довольно оживленное движение, много грузовиков, иномарок, мчащихся на бешеной скорости. Они все будто боятся опоздать, выжимая из своих машин предельные скорости. Здесь иной ритм жизни, не то, что в спокойном, тихом Горинске. Белову казалось, что эта прямая дорога вела в другой мир, хотя жили там такие же люди, с обычными заботами, проблемами.

Вадим смотрел вдаль, борясь с неподдающимся описанию ощущением страха, прыжка через пропасть, когда точно знаешь, что подстраховать некому, и ты сорвешься в зияющую черноту. Мысли выстраивались в ряд, сутью которого стало — возврат в прошлое. Ничто не действует так угнетающе, как сознание того, что оно неотступно преследует тебя. Невозможно думать ни о чем другом. Вадим взбесился, он потерял контроль над собственным телом, разумом. Вся его суть бунтовала, рвалась сквозь препоны давно усвоенных принципов. Он пожалел, что дал себе слово обходиться без сигарет. Спасительный вкус табака мог бы немного расслабить его, вернуть способность мыслить. Белов прижал ладони к лицу — исчезла картина мчащихся рядом автомобилей, осталось только звуковое сопровождение, как в испорченном телевизоре. Несколько раз глубоко

вдохнув и выдохнув, Вадим тряхнул головой и снова сел за руль. Он крепко сжал его, теперь точно зная, что его беспокоит: восемьдесят с небольшим километров отделяли его от места, где по невероятному стечению обстоятельств он мог встретиться с Алисой. Хотя зачем притворяться, он и сам был бы рад случайно оказаться там, где она. Он даже решил, что обязательно попадет в казино «Эльдорадо», об открытии которого узнал вчера. Белов разрешил себе совершить экскурсию в безумный мир ставок и надежд. Он ни разу не играл и вообще считал себя человеком не азартным. Однако на этот раз дело было не в деньгах, не в той неповторимой атмосфере, о которой говорили завсегдатаи подобных заведений. Белов был уверен, что обязательно увидит там Алису. Это была возможность сверкать, и она не могла упустить ее. Наверняка первые выходные после открытия казино она захочет провести там, где единицам удается поймать удачу, а остальные, отведав свою долю разочарования, уйдут ни с чем. Уйдут, чтобы вернуться, ведь «Эльдорадо» — засасывающее болото, дарящее лошадиные дозы адреналина. Алисе нравится это балансирование между мечтой и реальностью, она обязательно захочет получить свою дозу эмоций. Потом это может ей надоест, но не сразу.

Вадим снова завел двигатель и тронулся. Одновременно перед глазами возникала картина идущей через огромный, просторный зал рыжеволосой женщины. Она небрежно набросила на плечи боа, ее длинное строгое черное платье переливается при каждом движении стройного тела, а высоченные каблуки отбивают размеренный ритм, не слышимый из-за царящего вокруг шума. Величественная и полная сознания впечатления, которое производит, она бросит на него мимолетный взгляд и пройдет еще несколько шагов. Но через мгновение она резко остановится и обернется. Что промелькнет в ее глазах? Белов не мог этого предугадать, не очень хорошо они расстались. Неопределенность беспокоила его, а что, если Алиса не снизойдет до того, чтобы вообще заметить его? Мысли сводили Вадима с ума. Он понимал, что ему нельзя сейчас думать об этом. На него возложена ответственная миссия, и он должен оказаться на высоте. Однако, как Вадим ни старался, сосредоточиться на предстоящем деловом разговоре у него не получалось. Он не мог решить, как лучше спланировать предстоящую беседу, из-за которой он и совершал это недолгое путешествие.

Вадим тряхнул головой и немного сбавил скорость. Пока он витал в своих мечтах о встрече с Алисой, педаль газа была выжата прилично, а спидометр показывал впечатляющую любого гонщика скорость. На соседнем сиденье лежал мобильный телефон, и уже можно было набрать номер Проскурина, дав знать, что он скоро будет на месте. Пора было переключаться на решение проблем их бизнеса. Вадим понимал, что он не должен совершить ни одной ошибки, ни единого промаха, иначе Костя не простит ему крушения своих наполеоновских планов. Самое удивительное, что Вадим не волновался по поводу того, что их проект находится под угрозой срыва. Впервые Белов понял, что интересы бизнеса отступили на очень дальний план, уступая место очередной волне эмоций. Раньше Вадим мог управлять собой, отключая внутренний рычаг, отвечавший за чувственные удовольствия, и полностью погружался в работу. Сейчас он не узнавал себя. Невероятное желание увидеть Алису возрастало по мере приближения к городу, в котором она обосновалась.

Он снова стал тем безрассудным юношей, который бросался с головой в омут страстей, не желая думать ни на шаг вперед. Белов въехал в городскую черту, машинально подпевая мотиву порядком надоевшей песенки, заезженной радиостанцией. Было без четверти десять — Вадим много времени потерял, приходя в себя на шоссе. По мобильному он связался с

офисом фирмы, ожидающей его приезда. Бесстрастный, вежливый голос секретарши уведомил его, что начальство скоро прибудет.

— Припаркуйте машину на нашей стоянке. Охранник будет предупрежден о вашем приезде и проводит. До встречи.

Белов отключил телефон, передернул плечами и презрительно сложил губы. Эта фифа разговаривала с ним так, как будто она была центром вселенной. Ему не нравилась манера современных секретарш вести себя словно английская королева на заседании палаты лордов.

«Строит из себя, а сама так и норовит прилепиться, как пиявка, к какому-нибудь богатенькому дяде. Этакая кошечка с львиной хваткой», — подумал Вадим, перенося все свое раздражение на незнакомую девушку. Однако представ перед нею, он пожалел, что мысленно успел наградить ее весьма нелестными прозвищами.

Молодая девушка лет двадцати, высокая, стройная, в строгом темно-сером костюме и белоснежной блузке, воротник которой был безукоризненно уложен поверх пиджака, встретила его очаровательной улыбкой. Короткая стрижка выгодно подчеркивала красивую форму маленькой, аккуратной головки и длинную шею с тонкой ниточкой черного жемчуга. Весь ее облик излучал утонченный, изысканный шарм настоящей женщины, уже знающей, что во внешности не бывает мелочей. Улыбнувшись ей в ответ, Белов подумал, что эта красотка, по-видимому, уже нашла свое крепкое, мощное дерево и обвила его, словно лиана, пытаясь выжимать соки не быстро, а так, чтобы продлить удовольствие.

— Присядьте, пожалуйста, Вадим Петрович. На дорогах пробки, Юрий Кириллович просит извинения, что заставляет вас ждать. Это случается редко, но все же случается, — она поднялась, показывая ему наиболее удобное глубокое кожаное кресло возле небольшого столика с большим количеством газет и журналов. В ее голосе звучали хорошо разыгранные нотки отчаяния, что такому занятому человеку, каким он наверняка ей казался, приходилось тратить время на ожидание.

— Не беспокойтесь... — Вадим сделал многозначительную паузу и послал в ее адрес одну из своих коронных улыбок под кодовым названием «западня». Он сделал это автоматически, потому что хотел расшевелить это застывшее красивое лицо и ввести его в краску. Он хотел проверить, так ли безотказно все еще действует его оружие. Ему понравилось, что черные брови секретарши неожиданно взметнулись вверх и тут же стали на место. — Я с удовольствием полистаю газеты.

— Кофе, чай?

— Спасибо, нет. Вот если бы апельсинового сока, — он почувствовал, как неприятно впился в шею галстук.

Уровень встречи требовал наличия делового костюма, белоснежной рубашки, ослепительные манжеты которой виднелись из-под рукавов пиджака.

— Одну минуту... — поставив перед Беловым высокий узкий стакан с его любимым соком, девушка, держа улыбку, села за свой стол.

— Простите, как вас зовут? — спросил Вадим.

— Жанна, — взмахнув густым веером черных ресниц, ответила она.

— Просто я хотел соблюсти хоть какую-то пропорцию. Вы знаете, как зовут меня и даже моего отца, а я — нет. К тому же сказать «спасибо» тоже хочется. Вы — лицо фирмы. Первое впечатление человека, переступившего этот порог, во многом зависит от вас. Должен сказать, что вы на своем месте!

— Спасибо. Я рада, что вам у нас нравится, — ответила Жанна, продолжая работать на

компьютере.

Вадим удивился тому, как она это произнесла. Словно он был у нее дома, где только она и была безоговорочной хозяйкой. Он ожидал большего выражения признательности за такую открытую лесть, но девушка уже разговаривала с кем-то по телефону, делая записи. Она смотрела в окно, просто потому, что это давало возможность не встречаться с ним взглядом и сосредоточиться на разговоре. Этот красивый голубоглазый брюнет выглядел так привлекательно, а Жанна дала себе слово не влюбляться с первого взгляда. Ее страстная натура протестовала против подобных клятв, но девушка знала, что усидеть на двух стульях невозможно. Она уже имела состоятельного покровителя и боялась потерять его благосклонность. Жанна еще не забыла, как ей досталась эта должность секретаря-референта в престижной фирме. Оглядываться назад девушка не любила, но ничего не вычеркивала из памяти. Она лелеяла надежды, что когда-нибудь все ее усилия оправдаются, ведь она была уверена, что способна на большее. А пока она должна держаться за то, что имеет, и красноречивые взгляды обворожительного брюнета она оставит без внимания.

Вадим успел пролистать свежий выпуск одной из столичных газет для деловых людей, когда открылась дверь приемной и вошел невысокий мужчина лет сорока среднего телосложения в дорогом пальто цвета кофе с молоком, сверкающих туфлях и спокойным, чуть надменным выражением лица. Поднимаясь, Вадим продолжал рассматривать его, замечая, что не может сосредоточиться. Взгляд его скользил с дорогой одежды мужчины на холеное, гладко выбритое лицо с небольшими усиками, придававшими строгому облику особый шарм. Чувственные губы мужчины дрогнули и изобразили подобие улыбки, дежурной улыбки, которая должна показать благосклонность.

— Доброе утро, Юрий Кириллович, — пропела Жанна, поднимаясь, чтобы открыть перед ним дверь кабинета.

— Доброе утро, — остановившись рядом с Беловым, Юрий Кириллович протянул ему руку. — С приездом, Вадим Петрович. Рад с вами ближе познакомиться.

— Спасибо.

— Извините за опоздание, наши дороги — не оправдание, но причина моей задержки. Прошу за мной, — Юрий Кириллович важно проследовал в открытую дверь кабинета, бросив мимолетный взгляд на Жанну. Машинально проведя рукой по густым с чуть заметной сединой волосам, сказал на ходу: — Почту занесите через двадцать минут.

Про себя Белов отметил, что, вероятно, за эти двадцать минут должен был начаться и завершиться важный для него разговор. «Маловато», — подумал он, заходя в просторный, светлый кабинет вслед за его хозяином. Жанна неслышно прикрыла за ними дверь.

Оказавшись один на один с Юрием Кирилловичем Матроновым, Белов в первое мгновение растерялся. Может быть, обстановка произвела на него такое убийственное впечатление. Великолепие этого кабинета не шло ни в какое сравнение с потугами Вадима и Кости обустроить свой офис. Им было еще очень далеко до такой утонченной роскоши: светлые гладкие стены, дорогая кожаная мебель, встроенные шкафы и книжные полки, уставленные старинными фолиантами. Еще одна дверь вела, по-видимому, в комнату, где Юрий Кириллович при желании мог отдохнуть без посторонних глаз. Окна с белыми жалюзи, огромный, словно из мрамора стол буквой «Г», во главе которого заседал хозяин. Многочисленная техника, облегчавшая его связь с миром, деловыми партнерами, и две фотографии на столе в стильных рамках. Наверняка с них смотрели на великого мужа и отца жена и дети Матронова. Вадим сел на предложенный стул, ближайший к рабочему месту

Юрия Кирилловича, и положил на стол черную папку с документами. Прошло всего пару минут, но внимательный глаз Белова заметил, казалось бы, не бросающиеся в глаза детали. Вывод следовал однозначный: здесь работал один из влиятельных бизнесменов. Он мог позволить себе все, обстановка кабинета, по большому счету, помогала ему ощущать себя комфортно, а значит — максимально способствовала работе. В виде некоторых лирических отступлений, которые позволил себе хозяин апартаментов, выступали две высокие пальмы с развесистыми листьями-веерами и необыкновенной красоты огромные круглые кактусы в широких, плоских горшках на подоконниках. Завидовать было не в правилах Вадима, но не оценить плоды многолетнего труда он не мог. Впечатление отразилось на лице Белова явно, потому что Матронов, едва заметно усмехнувшись в усы, произнес:

— Это мой второй дом. У меня есть правило — все должно способствовать плодотворной работе. Я — трудоголик. На самом деле здесь нет ничего лишнего. Например, я не курю, и поэтому освежитель воздуха помогает мне проводить долгие заседания с партнерами, для которых сигареты — неизменный атрибут. В этом ведь нет ничего зазорного, правда?

— Безусловно, — Вадим понимал, что этот разговор, не относящийся к цели его приезда, — желание хозяина расслабить своего собеседника, помочь ему преодолеть дискомфорт, который частенько давил на тех, чьи успехи в сфере бизнеса были не столь очевидны.

Белов вспоминал то небольшое, что рассказала ему о Матронове Вика. Она говорила о нем с восхищением, как о человеке, упорным трудом, долго и целенаправленно строившем величественное здание своей империи. Началось все со времен учебы в институте, где Юрий был ярким комсомольским активистом, всегда на виду, всегда в работе, не желающий растворяться в общей массе тысяч студентов. Он получал повышенную стипендию, активно работал в профкоме института и одним из первых на факультете был принят в члены КПСС. В то время это говорило о многом и сулило немалые перспективы, воспользоваться по максимуму которыми можно было, обладая таким чутьем обстановки и перемен, которыми обладал Матронов.

Пока его однокурсники, получив дипломы, дорабатывали на местах распределений, Юрий уже начал принимать активное участие в развитии новых форм бизнеса. Он быстро оказался в среде деловых людей, по достоинству оценивших хватку и не по годам прогрессивное, основательное мышление молодого человека. К тридцати годам Матронов обладал определенной властью, связями, возможностями, но, как всегда, не останавливаясь на достигнутом, расширял сферу влияния. Он приобрел репутацию серьезного человека с принципами, с которым выгодно сотрудничать. Юрий вовремя попал на гребень волны, плавно вынесший его на самые высокие вершины делового мира. Теперь же, не отказываясь ни от одного своего шага в прошлом, Матронов считался основателем огромной корпорации, сферы деятельности которой охватывали разнообразные вопросы. Попасть в число бизнесменов, которым он давал согласие на сотрудничество, было огромным достижением для счастливых избранников. Матронов никогда не руководствовался эмоциями, личными симпатиями и привязанностями, когда стоял вопрос об интересах бизнеса. Он, как компьютер, просчитывал в голове все плюсы и минусы, вынося свой жесткий, не подлежащий изменению вердикт. С его мнением привыкли считаться, его авторитет был непререкаем. Пожалуй, если бы он сказал, что небо зеленое — мало кто пожелал бы возразить ему. За глаза в деловом мире его называли Мэтром — прозвище говорило само за

себя.

О том, как Костя вышел на общение с Матроновым, Вика умолчала. Она лишь вскользь намекнула, что и здесь не обошлось без вмешательства его вездесущего отчима. Вадима эта сторона вопроса интересовала меньше всего. Главным было добиться того, чтобы их зарождающееся сотрудничество продолжалось, что сулило выполнение многих, самых заманчивых планов Проскурина.

— Я справлялся о здоровье Константина Васильевича. Болезнь никогда не бывает вовремя, главное побыстрее стать на ноги, — глуховатый голос Юрия Кирилловича вернул Белова в просторный кабинет. Вадим согласно кивнул, не зная, что именно известно Матронову о состоянии Кости. — Итак, если вы готовы, приступим к делу.

Вадим поразился тому, как этот человек в нескольких фразах обрисовал фактическое положение вещей. Белов чувствовал себя мальчишкой на лекции известного профессора, а тот, казалось, не замечал, какое впечатление производит. Он задавал вопрос, внимательно слушал ответ и снова спрашивал. Просматривал бумаги, делал какие-то заметки. Наконец Юрий Кириллович позволил себе улыбнуться. Это в какой-то степени сняло напряжение, которое Вадим испытывал на протяжении всего разговора. Белов понял, что все будет хорошо. И действительно, Матронов дал принципиальное согласие на реализацию их проекта. Он гарантировал поддержку, финансовую помощь, зеленый свет. После разговора с ним Вадим понял, как мало значат все их амбиции и планы без таких людей, держащих в своих руках все ниточки деловых связей. Одно их движение способно перечеркнуть все или, напротив, в один миг способствовать успеху.

Выйдя из кабинета Матронова, Вадим улыбнулся Жанне. Он машинально посмотрел на часы — прошло ровно двадцать минут.

— До свидания, Жанна, — держа улыбку, сказал Вадим.

— Всего доброго. В коридоре вас встретит охранник и проводит до лифта.

— Спасибо, — Белов понял, что девушка прочитала его мысли. Длинные коридоры, по которым вел его мощного телосложения молодой человек, показались Вадиму подобием лабиринта. Хорошо, что ему помогут выбраться отсюда. К тому же, так удачно проведя переговоры, он тотчас выбросил дела из головы. Оставалось только позвонить Косте и Вике, сказать, что все прошло как нельзя лучше.

Уже в машине Вадим набрал нужный номер телефона. Его звонка ждали с нетерпением и очень обрадовались удачному ходу событий. Разговаривал Вадим с Викой, потому что к Косте в этот момент медсестра пришла делать укол. Поинтересовавшись, как он себя чувствует, Белов не вслушивался в ответ. Мысленно он уже нетерпеливо подгонял время. Ему хотелось, чтобы скорее настал вечер, и тогда в «Эльдорадо» он обязательно встретится с Алисой. Вадим едва нашел в себе силы закончить разговор. В завершение он попросил Вику позвонить Вале и сказать ей, чтобы не беспокоилась.

— Так позвони сам, — удивленно сказала Вика.

— Конечно, я совсем ничего не соображаю. Переволновался во время переговоров, вошел в состояние торможения, — оправдываясь, ответил Вадим. Он ведь не мог признаться, что меньше всего на свете хочет сейчас слышать голос жены. Ее снова не существовало до его возвращения домой. — Все, конец связи. Я побуду в столице до вечера точно. Хочу побродить по городу, зайти в магазины. В «Детский мир» заеду. Димке присмотрю подарок и еще одной юной леди.

— Намек поняла. Юная леди органически не переносит людей в белых халатах. При

виде медсестры ревет, как одинокая корова.

— Викуся, ты же говоришь о собственной дочери! К тому же по мобилке.

— Ладно. До встречи. Смотри, великолепие этого города околдовывает, не хочет отпускать.

— Я уже попался, — засмеялся Вадим.

— Переночуй в гостинице. Обратный путь долгий. Ты наверняка устал.

— Разберемся. Все, пока, Вика.

— До встречи.

Потом Белов набрал свой номер телефона, но трубку никто не взял. Его не удивило, что Вали не оказалось дома, хотя, услышав долгие, безответные гудки, он не обрадовался. Он мысленно представил себе их просторную квартиру, такую пустую, безжизненную без хозяев и маленького шалунишки Димки — грустно. А может быть, Валя увлеклась своим художеством и не хочет отвлекаться. Спрятав мобильный в чехол, Белов в последний раз окинул взглядом высокое, современное здание, где расположился офис Матронова, завел двигатель и поехал в сторону центра. Он остановился перекусить в небольшом кафе с загадочным названием «Магия вкуса». В чем заключалась магия, Вадим так и не понял, потому что меню отличалось простотой и узнаваемостью. Это не китайский ресторан, где, в полной уверенности, что ешь курятину, можешь поглощать что-то совершенно другое. Заказав вырезку с овощами, кофе и слойки, Вадим провел здесь около часа. Еда была так себе — однозначно Валя готовила в сто раз вкуснее. Кофе ему не понравился, слойки показались какими-то влажноватыми. Выйдя из кафе, Белов огляделся по сторонам. Он так давно не был здесь. Лет восемь прошло с тех пор, когда он вместе с однокурсником приехал в Москву с целью обновить свой гардероб, а года три назад наведаясь в столицу с Костей. Белов обставлял новую квартиру и хотел купить в павильоне ВДНХ аппаратуру. Горинские магазины тогда не отличались разнообразием ассортимента в этом плане, да и цены были баснословные. Костя исходил с ним тогда огромный павильон, уставленный самой разнообразной техникой. Глаза разбегались от обилия товаров, но все-таки они тогда выбрали видео и музыкальный центр и привезли в Горинск. Вадим усмехнулся, вспоминая, какие огромные, громоздкие были упаковочные коробки, и как неудобно было их тащить.

Сегодня город показался ему незнакомым, чужим, неохотно встречающим незваного гостя. Их было слишком много, этих снующих повсюду людей, погруженных в свои мысли и планы. Улицы задыхались от бесконечных автомобильных потоков, а тротуары — от непрекращающейся людской суеты. Это был совершенно иной ритм жизни. Здесь было так легко затеряться в толпе, почувствовать себя жалким, ничтожным. И все же Белову казалось, что он выделяется, что он не такой, как многие из тех, кто двигался ему навстречу и рядом с ним. Вадим шел по улице Горького, ощущая себя главным героем фильма, который снимался прямо здесь, на вычищенных от остатков снега улицах. Он фантазировал, что камера следует неотступно за ним, и придавал своей походке то вальяжность, то нарочитую напряженность. Потом вдруг он решил отрепетировать выражение своего лица при встрече с Алисой. Его игра привлекла внимание двух молодых женщин, куривших неподалеку от ступеней большого гастронома. Они с интересом проводили взглядом красивого мужчину, словно разговаривавшего с самим собой. Но Вадим не заметил этого, он шел, воображая, что ведет диалог со своей бывшей возлюбленной, пытаясь предугадать, какое направление примет их разговор.

В какой-то момент Белов ощутил неприятное, саднящее чувство. Оно не позволяло ему

быть собой, лишило уверенности, растоптало радужные надежды. Вадим не мог точно определиться, что именно его так беспокоит, но с каждой минутой шаг его становился менее твердым. Он рассердился на себя, не понимая, отчего чувствует такой дискомфорт. Оглядевшись по сторонам, Вадим понял, что, задумавшись, отошел слишком далеко от места, где оставил машину. Рядом был выход из метро. Поток людей, поднимающихся и опускающихся по ступенькам, был бесконечным. Остановившись, он машинально стал смотреть на вывески магазинов. Буквы сливались в непонятный текст, который Вадим совершенно не воспринимал и злился еще больше. Неоновые вывески призывно манили, но Белова это мерцание только раздражало. Он посмотрел на часы — половина первого. До вечера было еще очень далеко. Вадим не представлял себе, чем он мог бы занять себя все это время. К тому же начала сказываться усталость после дороги, общая напряженность. Официальная часть его поездки была давно завершена. Белову захотелось лечь и немного поспать.

Потом его озадачило то, каким образом он найдет казино «Эльдорадо». Вадим, конечно, понимал, что найти такое заведение — не проблема: любой таксист домчит его туда. Водка, девочки, развлечения, злчные места — это в сфере их компетенции. К тому же пока таких казино не слишком много. И как только Белов понял, что вопрос решен, он почувствовал, что не хочет ехать в это чертово казино и просиживать там часами за дурацкими автоматами или игральным столом. В конце концов, где вероятность, что она придет туда именно сегодня? А он, дергаясь при появлении каждого нового посетителя, будет ждать, полагаясь на интуицию. Белов боялся признаться самому себе, что не переживет равнодушия со стороны женщины, до сих пор волновавшей его воображение. От нее можно было ожидать чего угодно. Он был согласен остаться в неведении по поводу истинного положения вещей, только бы не удостовериться в том, что он больше ей не нужен. Ему хотелось остаться с надеждой на то, что когда-нибудь они войдут в одну и ту же реку дважды, вопреки всем пословицам. Белов твердо решил не встречаться с Алисой.

Вадим удивился, до чего легко он отказался от того, что тревожило его всю дорогу, от чего он с трудом отключился во время беседы с Матроновым. И сразу же неприятное чувство куда-то исчезло, так же неожиданно, как и появилось, а вместо него пришла мысль о том, куда направиться. Зияющая пустота требовала заполнения. Походов по магазинам он никогда не любил, но не съездить в «Детский мир» за подарками детворе было бы глупо. За машиной он решил не возвращаться, а воспользовался метро. Он попал в суету вечно спешащих пассажиров. Сориентировавшись по указателям, Вадим дождался поезда и скромно устроился в углу вагона. Под гул мчащегося состава он закрыл глаза и чуть не проспал нужную остановку.

Теперь столица встречала его ярким солнцем, пробившимся сквозь тяжелые свинцовые тучи. Как бы радуясь его верно принятому решению, она подбадривала Вадима, старалась поднять ему настроение, разогнав гнетущую серость дня. Капризный март оставался верным себе — то согревал, то пронизывал холодом сырого воздуха. Вадим на мгновение поднял голову, подставляя лицо солнечным лучам. Он, как мог, отвлекал себя от прежних планов. «Вот такой я противоречивый и загадочный», — криво усмехнувшись, подумал Вадим и направился к зданию магазина. По мере приближения он переключился на вопрос о том, что купить Димке. Сразу вспомнил, что забыл поговорить с Валей о котенке. Надо было исправить эту ошибку — Вадим сказал себе, что позвонит Вале еще раз, когда сделает покупки в магазине.

Через час Белов вышел из «Детского мира» с огромным кульком. В нем лежал «Хоккей», который бросился ему в глаза сразу, как только он подошел к прилавку на втором этаже. Это было его особенностью — начинать со второго этажа в любом солидном магазине. Валя говорила, что это странно, но не наказуемо. Итак, «Хоккей», набор солдатиков — Димке и кукла Барби для Ксении. Конечно, она еще мала, чтобы оценить его подарок. Выбрать что-то в невероятном количестве мягких игрушек, погремушек, пупсиков, куколок Вадиму было очень непросто, но Вика наверняка похвалит его выбор. На время он забыл обо всем, погрузившись в беззаботную атмосферу детского праздника. А он царил повсюду, потому что то и дело Белову встречались родители, ведущие за руку счастливого малыша с новой игрушкой. Вадиму хотелось улыбаться каждому карапузу, один из них особенно напомнил ему Димку. Проводив его долгим взглядом, Белов укрепился в мысли, что привезет подарок, который обрадует сына. Может быть, на время удастся отвлечь его внимание от появившейся мечты о котенке. Наверняка это еще слишком по-детски. Он не понимает, что живое существо — не игрушка. Его нельзя засунуть в ящик и доставать только тогда, когда хочется поиграть. Даже взрослые часто не понимают такой элементарной вещи: они используют друг друга, а потом забывают, убивая равнодушием и отсутствием внимания. Вадим понял, что подсознание снова возвращает его к мыслям об Алисе. Но из чувства противоречия Белов отказывался развивать эту тему сам с собой.

Он теперь подумал, что обязательно должен привести что-то из столицы для Вали и Вики. Решение вопроса пришло сразу — неподалеку находился магазин, в который однажды он заходил с Костей. Проскурин покупал там кофе для жены. Он уверял, что такого разнообразия сортов кофе и видов чая нет в столице больше нигде. Последнее время Валя тоже была равнодушна к этому напитку, так что путь был верным. Оставалось напрячь память и найти нужный магазин под неоригинальным названием «Кофе, чай». Белов подумал, что «Магия вкуса» здесь была бы больше к месту.

Минут через пятнадцать Белов стоял перед магазином, фасад которого отличался от зданий, выстроенных рядом. Это был неповторимый китайский стиль, а внутри с порога посетителей встречал ни с чем не сравнимый аромат кофе. Вадим подошел к одной из витрин, уставленных банками, коробками, пакетами с чаем и кофе, и шумно выдохнул — сориентироваться в этом изобилии было нелегко. Один из продавцов консультировал такого же неискущенного покупателя, как Вадим, терпеливо объясняя, что означают названия того или иного вида кофе. Вадим решил подойти поближе, чтобы ненавязчиво поучаствовать в их диалоге. Он только принялся слушать, как внимание его отвлек заразительный женский смех. Вадим мог дать голову на отсечение, что он слышал его не раз и не два. Горячая волна окатила Белова с головы до ног, делая тело непослушным, тупым. Крепко сжав пальцы, державшие кулек с игрушками, Вадим медленно повернул голову — несколько человек отделяли его от рыжеволосой женщины, что-то оживленно обсуждающей с высоким молодым человеком спортивного телосложения. Вадима как магнитом притянуло поближе к ним.

— Напиток из робусты менее ароматен, чем из арабики. Он менее вкусен, менее ароматен, правда, в сочетании обоих сортов получается здорово. Мы уже говорили об этом. Поищем золотую середину, — услышал Вадим приятный голос спутника Алисы. Белов не понимал, как это могло произойти, ведь внимательной слушательницей была именно она. — Кофе в зернах высшего сорта делают только из арабики. Думаю, нам нужно остановиться вот на этой упаковке. Никакого порошка, только в зернах.

— Что бы я без тебя делала, Славик, — голос Алисы прозвучал так близко от Вадима, что он едва удержался, чтобы не подойти сзади и не закрыть ей глаза ладонями. Все получилось бы — банальнее не придумаешь. Белов пододвинулся еще ближе. Алиса была одета в белоснежный кожаный плащ-разлетайку, длинные черные лаковые сапоги. Роскошные волосы рассыпались по гладкой коже плаща, легко скользя при каждом движении головы. Все в ней было чужое, кроме этого голоса, смеха. Оставалось посмотреть в глаза. — Только ты знаешь, что я люблю горьковатый вкус, без всякой кислинки.

— Я все помню.

— Я не могу здесь долго находиться. Слишком много кофе, — Вадим был уже рядом с Алисой, которая стояла к нему спиной и обращалась к спутнику. — Ладно, полагаюсь на твой вкус, оплати покупку, пожалуйста. Вот деньги.

Что-то в ее голосе удивило Вадима. Это было общение хозяйки и слуги, что неприкрыто звучало в интонациях Алисы. Зато во взгляде, которым смотрел на нее молодой человек, сквозило неприкрытое обожание. Белов почувствовал, как все поднялось внутри, он решил, что это очередное приключение Алисы, довольно привлекательное. Забытое чувство ревности нахлынуло, раззадорило и придало Белову уверенности в себе.

— Добрый день, — сказал он, как только молодой человек отошел к кассе. Алиса резко повернулась и расширенными от неожиданности глазами уставилась на Вадима. — Не смотри так, я — не привидение. Привет, Лиска.

— Здравствуй, — карие глаза Алисы погасли, из далеких глубин поднялась и застыла в них плохо скрываемая досада. Эта встреча никак не входила в ее сегодняшние планы. Она считала, что застрахована от сногсшибательных неожиданностей. Ей стоило немалых усилий, чтобы не показать, насколько она шокирована. Алиса оперлась о прилавок и вопросительно подняла брови. — Какими судьбами?

— Бизнес.

— Связанный с кофе? — в ее голосе заметна едва скрываемая истерика.

— Нет. Здесь я оказался случайно, — Вадим не до конца осознавал, что все это происходит на самом деле. Какой поворот — отказавшись от возможности встретиться с Алисой, он получает все по полной программе. Он не мог сосредоточиться и только улыбался, стараясь понять: что она чувствует.

— В любом случае, желаю тебе удачного выбора, — произнесла Алиса ледяным тоном и явно собралась окончить разговор. Каждая минута, проведенная рядом с Беловым, действовала на нее убийственно. Женщина была близка к потере сознания. Она едва держалась на ногах, во рту появилась неприятная сухость, а в висках громко, словно на весь магазин, пульсировала кровь. За несколько мгновений Алиса снова пережила все то разочарование и боль, от которых пыталась избавиться, круто изменив свою жизнь. Но она взяла себя в руки, дав установку эмоциям ни в коем случае не прорваться наружу, ей нельзя показать, насколько взволновало ее неожиданное появление Вадима. А он осторожно взял ее ладонь и легонько сжал, словно это могло удержать Алису. Она почувствовала себя беспомощным зверьком за один шаг до ловко расставленного капкана. Автоматически она повернулась, ища глазами Славика. Он только что получил чек в кассе и, поймав ее встревоженный взгляд, в одно мгновение оказался рядом.

— В чем дело? — грубоватый голос молодого человека был обращен к Вадиму.

— Все в порядке, Слава, — улыбнувшись, сказала Алиса. Ей достаточно было услышать его голос, чтобы успокоиться. Она поняла, что глупо бояться обычного разговора. Она не

должна уйти просто так. — Это мой земляк. Мы давно не виделись. Вернее сказать, это было в другой жизни.

В последней фразе было сказано все. Вадим встретился с Алисой взглядом и, заметив, как чуть повлажнели ее глаза, машинально прижал ее ладонь к своей груди. Это было неконтролируемое движение. Алиса не стала выдергивать руку. Она устало улыбнулась и обратилась к своему спутнику:

— Возьми кофе и подожди меня в машине. Мне нужно пару минут, — юноша нервно поправил высокий ворот белого свитера, но беспрекословно повиновался. Он мило пообщался с продавцом, получив большую зеленую упаковку выбранного кофе. Краем глаза он продолжал наблюдать за хозяйкой. Когда за ним закрылась дверь магазина, Алиса осторожно высвободила руку. Потерла пальцы — Вадим слишком сильно сжал их.

— Извини, — заметив, как побледнела Алиса, сказал он.

Они стояли и смотрели друг на друга без слов. Желание Алисы повернуться и уйти, сократив время адской муки, ушло. Она поняла, что сможет разговаривать с ним спокойно и уверенно. Хотя о чем говорить, оставалось неясным.

— Как живешь? — наконец спросил Белов.

— Как выгляжу.

— Ты прекрасно выглядишь, — отметил Вадим. — Столица и замужество пошли тебе на пользу. Хотя мне казалось, что ты была само совершенство еще в той жизни. Ты прекрасна!

— Спасибо. Ты тоже. Даже стал еще красивее. Ты из той породы мужчин, которых возраст украшает.

— Последнее время я слышу об этом даже от мужчин.

— Не переживай. Они тоже изредка могут быть правдивыми, — покусывая губы, сказала Алиса. — Ты должен радоваться.

— Ты так говоришь, будто мы не виделись лет десять, и есть с чем сравнить. Прошло всего около года, Лиска.

— Почти триста шестьдесят пять дней, — заметила Алиса.

— Кто этот Аполлон, который был готов убить меня одним взглядом? — вдруг спросил Белов, стараясь изгнать из голоса предательское дрожание.

— Мой шофер. У меня уже есть права, но я еще неуверенно чувствую себя за рулем.

— Он дает тебе уроки вождения?

— Нет, он просто мой шофер.

— Да? Заодно он учит тебя выбирать кофе. Это тоже входит в список его обязанностей?

— О, Слава — гурман. Он столько знает о кофе, ты себе не представляешь. Он — очень интересный юноша. В его голове вмещается невероятное количество информации. Иногда мне кажется, что он родился с книгой. Одни — в рубашке, а он — с книгой.

— Забавно.

— Конечно, тебе было бы приятнее услышать, что мы только и беседуем о влиянии цитрусовых на организм? О том, где выращивают самые вкусные апельсины и в каком месяце в них наибольшее количество витаминов?

— Может быть, — Белов не мог скрыть своего нарастающего раздражения. Алиса словно издевалась над ним, стараясь приукрасить достоинства своего шофера. Но она не забыла его привычек — это тоже о чем-то говорит. — И когда же он успевает делиться с тобой столь ценной информацией?

— Мы вместе практически каждый день. Времени, которое я провожу в машине, для общения достаточно, — пронизывая Вадима взглядом, ответила Алиса. Она уже совершенно перестала волноваться. Единственное, что мешало ей полностью расслабиться, — крепкий, густой запах кофе. Он казался навязчивым, но выйти на улицу означало попасть под внимательный взгляд Славы. Алисе не хотелось, чтобы он заметил, что встреча с просто земляком проходит несколько необычно. — Хороший водитель может позволить себе говорить за рулем.

— Он должен следить за дорогой, а не болтать глупости! — выпалил Вадим, с досадой покачав головой. — Куда только твой муж смотрит!

— Спасибо за заботу, — усмехнулась Алиса. — Скоро я сама буду за рулем, совсем скоро.

— Ты растешь. Мне казалось, что ты и автомобиль — вещи несовместимые.

— Я так глупо выглядела?

— Нет — слишком женственно.

— А теперь ты изменил свое мнение? — Алиса выпрямилась, тряхнув головой. В ушах ослепительно блеснули бриллиантовые капельки сережек.

— Пожалуй, теперь ты выглядишь менее беззащитной.

— Какой глупый разговор. Значит, из-за того, что я была такой беззащитной, ты решил скрасить мою жизнь, опутывая ее ложью. Получилось лучше, чем у гусеницы, готовящейся стать бабочкой... Но я давно забыла об этом. У меня совершенно иная жизнь. Я даже представить себе не могла, что такое может произойти со мною. Странно: зачем судьбе понадобилось столкнуть нас здесь? — Алиса прикусила губу, стараясь подобрать слова, которые могли бы побольнее кольнуть Вадима. Она видела, как он поедает ее глазами. Он все еще помнит ее, он не мог забыть. Сознание этого было приятным, но ничего не могло изменить. — Случайностей не бывает, да? Как и тогда в Горинске, помнишь? Перекресток, твоя новая машина, очередная ложь. Ладно, не будем о прошлом. Все хорошо, что хорошо заканчивается.

— Ты не веришь в то, что говоришь. На самом деле ничего не закончилось.

— Я не стану спорить. Мне уже пора. Две минуты истекли.

— Знаешь, а ведь я не хотел встречаться с тобой, — вдруг сказал Вадим. — Однако, если это произошло, было бы глупо вот так расстаться.

— Чего ты ожидал? Ты забываешь, что многое изменилось.

— Измениться могло что угодно, только не наше отношение друг к другу, — Вадим подошел на более близкое расстояние. Он слегка наклонил голову и коснулся лицом волос Алисы. Почему-то ему хотелось уловить тонкий аромат духов, которые он дарил ей однажды, но запах кофе был повсюду. — Скажи, что я ошибаюсь.

— Я бы не хотела больше ничего обсуждать. Для меня все осталось в Горинске. Понимаешь? — Алиса отошла на шаг назад и сложила руки под грудью. — Как ты самонадеян, Белов! Ты чертовски самоуверен! Только ты забыл, что теперь не только ты женат, но и я замужем. И я тоже не хочу терять свою семью, я дорожу тем, что имею. Я не размениваюсь на дешевые романчики. Все, что мне нужно, у меня теперь есть. Мой

избранник целиком и полностью удовлетворяет моим представлениям об идеальном мужчине. Иногда мне становится страшно, что такое чудо могло пройти мимо меня. Я счастлива!

— Ты научилась обманывать даже саму себя, — внимательно глядя на Алису, произнес Вадим. — Ты просто боишься.

— Я боюсь? Интересно — чего?

— Не чего, а кого — меня.

— Довольно. Ты повторяешься, зачем? Смешно, ей-богу. Мне трудно дышать. Запах кофе будет преследовать меня целый день, — Алиса поправила волосы. — Я хочу выйти отсюда. Я могу подвезти тебя, куда скажешь.

— Спасибо. У меня недалеко машина, — переложив кулек с игрушками в другую руку, Вадим досадливо поморщился. — Неужели ты вот так уйдешь?

— Конечно. Не будем сходить каждый со своей орбиты. Однажды это произошло, но не теперь. Прощай, — Алиса ослепительно улыбнулась и шагнула к выходу.

Вадим не поверил, что она уходит. Он ждал, что она вот-вот остановится и позовет его. Позовет пусть не словом — взглядом. Он все поймет. Но дверь за Алисой закрылась, и он остался в этом царстве чая и кофе, невидящим взглядом оглядывая бесконечные полки с ароматным товаром. Он хотел броситься за нею, но ноги словно приросли к полу. Вадим стоял неподалеку от прилавка, не слыша, как к нему в который раз обращается внимательный продавец. Наконец Белов отреагировал на него.

— Я могу вам помочь? — вероятно, этот вопрос в адрес Вадима звучал уже не в первый раз.

— Да, пожалуйста. Мне две упаковки кофе, арабики. В зернах, самого хорошего.

— Могу предложить вам несколько вариантов.

— Не надо несколько. Дайте мне то, что недавно купил у вас высокий молодой человек в белом свитере. Упаковка зеленого цвета.

— Отличный выбор, но стоит недешево, — пытаюсь быть вежливым, заметил продавец. Вадим вздохнул и посмотрел на него: среднего роста, с жемчужной улыбкой и большими карими глазами, он смотрел на взволнованного покупателя.

— Мы не так богаты, чтобы покупать дешевые вещи, — процитировал Вадим понравившуюся фразу, которую часто любила повторять Вика Проскурина.

— Вас понял, тогда оплатите в кассе покупку, пожалуйста.

Белов вышел на улицу, с удовольствием вдохнув воздух, лишенный ароматов этого магазина. Пожалуй, он пресытился его запахами. Рассматривая одну из купленных упаковок, Белов прочитал то, что на ней было написано. Его английский позволил ему понять, что выбор сделан правильный. Наверняка он попал в цель — Вика будет довольна, да и Валя тоже. Вспомнив, что собирался снова позвонить ей, он расстегнул куртку, чтобы достать из внутреннего кармана телефон.

— Вадим, — он услышал свое имя и закрыл глаза. Это не могло быть правдой! Обернувшись, он увидел, как молоденькая девушка стремительно мчится к бегущему ей навстречу юноше. Еще миг — и она попадает в его объятия и кружится вместе с ним, удерживаемая его крепкими руками. Вадим невольно улыбнулся, глядя на эту идиллию. «Они счастливы и никого не замечают вокруг, — глядя им вслед, подумал Белов и медленно пошел к метро. — И Лиска тоже счастлива, без меня...» Вадим забыл о том, что собирался звонить. Телефон так и остался лежать на своем месте.

Солнце решило снова поиграть в прятки. Оно медленно ушло за тяжелый серый небесный занавес, до начала следующего действия. Подняв глаза к небу, Вадим покачал головой. Ему показалось, что сцена была разыграна исключительно для него. Тысячи солнечных лучей пытались осветить ему неожиданный миг встречи с Алисой, словно подсказывая, что неспроста они сияют. А теперь они же обвиняли его в том, что он не смог найти нужных слов, чтобы хоть как-то смягчить женщину, незаслуженно обиженную им. Белов шел, машинально переставляя ноги. Это состояние было знакомо ему. Оно наступает тогда, когда на душе очень хорошо, или наоборот, когда ничего больше не хочешь от жизни. Сейчас Вадим ощущал второе. Он сгорбился, словно от непосильной ноши и, опустив голову, пошел дальше.

Он понял, что случилось то, чего он испугался, когда в последний момент передумал встречаться с Алисой. Она дала понять, что вычеркнула его из своей судьбы раз и навсегда, а Вадиму было невыносимо верить в это. Даже если она лгала, то делала это очень убедительно, без надрыва, легко. Он бы предпочел, чтобы время стерло из памяти самое болезненное и оставило надежду на то, что эта женщина когда-нибудь простит его. Что вернется их безумная страсть, те мгновения, которых он не может забыть. Он мечтал снова ощутить все это. И ни Валина любовь, ни ответственность перед Димкой не в состоянии перевесить одного желания — вернуть хотя бы на время безрассудное прошлое.

Вадим огляделся по сторонам, на самом деле не видя ничего затуманенными глазами. Но даже если бы он был более внимательным, то вряд ли заметил бы пару карих глаз, неотрывно наблюдающих за ним. Плотная тонировка стекол автомобиля скрывала от любопытных взглядов тех, кто был внутри. Алиса видела, как Вадим отреагировал на произнесенное имя, наверняка ожидая, что окликнут его. Он был уверен, что позвали именно его, и не кто-нибудь, а она. Потом он разочарованно посмотрел на влюбленных и медленно побрел, втянув голову в плечи. Алиса глядела ему вслед, не отвечая на вопрос Славы о том, когда можно трогаться с места. Губы ее дрожали, пальцы нервно теребили сигарету и зажигалку.

— Пожалуй, можно ехать, — тихо произнесла она сдавленным голосом.

— Куда? — оживился Славик.

— В счастливую обитель, разумеется, — ответила Алиса, криво усмехнувшись.

— Домой, значит, — Слава покосился на хозяйку, заметив, как у нее дрожали руки, пока она прикуривала. Машина плавно тронулась с места. Двигателя практически не было слышно. Слава был доволен его работой после капитального ремонта. — Я включу музыку, не возражаете?

— Валяй, — едва слышно сказала Алиса. Слава вставил компакт-диск в магнитола, и через мгновение в салоне зазвучала любимая музыка хозяйки: последнее время ее тянуло на классику. Она часто подпевала, восхищая водителя тем, как ей удавалось слиться с оперной дивой в звенящих руладах.

— Что у нас на сегодня кроме вечерней поездки в казино? — спросил Слава, бросив взгляд на Алису.

И только теперь он заметил, что она плачет. Он растерялся, потому что впервые видел хозяйку в таком состоянии. Он хотел сказать что-то ободряющее, но слов подобрать не смог. Женские слезы всегда на него так действовали — он становился глупым, бессловесным.

— Не обращай на меня внимания, — попросила Алиса, заметив, что юноша смущен. — Все в порядке.

— Да не огорчайтесь вы так, Алиса. Глаза станут красными. Хотите, анекдот расскажу? — Славик знал огромное число коротких смешных историй, постоянно поднимая настроение своей молодой хозяйке. Но на этот раз Алиса отрицательно покачала головой. — Умолкаю.

Прошло немного времени. Перестав всхлипывать, Алиса закурила новую сигарету и небрежно спросила:

— Скажи, Слава, что ты знаешь об апельсинах, мандаринах?

— Цитрусовые, богаты витамином «С». Те, кто следит за своим здоровьем, регулярно употребляют их. Иммуитет поднимается, — оттарабанил Славик на одном дыхании. — Впрочем, об этом вы и сами знаете. Я подготовлюсь, вычитаю что-нибудь интересное и поговорим, ладно?

— Договорились, — улыбнулась Алиса.

Став госпожой Молчановой, Алиса окунулась в совершенно иную жизнь. В ней было очень много из того, о чем молодая женщина и мечтать не могла. Первое время она просто постоянно следила за выражением своего лица, чтобы оно, не дай бог, не выдало, насколько она шокирована. Она попала в сказку, где все происходящее, к счастью, не видоизменялось в полночь. Изю дня в день молодая женщина все больше входила во вкус.

Начать с квартиры в тихом центре Москвы, оборудованной по самому последнему слову техники и представляющей собой пятикомнатные хоромы с высоченными потолками, в которых недавно был завершен ремонт. Гарик пообещал Алисе, что она переступит порог «страны чудес». Он не обманул ее. Красота, с которой была обставлена и декорирована квартира, должным образом подчеркивала безукоризненный вкус хозяина. Но все это великолепие предстало перед глазами Алисы только после недолгого свадебного путешествия. Молчанов не мог позволить себе длительное отсутствие — работа была для него на первом месте. Он сразу предупредил об этом Алису, чтобы избежать недоразумений впоследствии.

— Я не хочу, чтобы ты ломала голову, почему меня нет рядом. Ответ всегда один — я на работе, понимаешь? И не спрашивай, сколько раз за день я вспоминал о тебе.

Алиса тогда только кивала, боясь выразить свое недовольство по какому-либо поводу. Она считала, что всему свое время, но в случае с Гариком она просчиталась. Этот мужчина не отличался непостоянством привычек. Даже появление в его жизни красавицы жены не могло ничего изменить. Он явно томился на отдыхе, постоянно перезваниваясь со своим заместителем, чтобы быть в курсе всех дел. Алиса замечала, что, несмотря на старания, он не всегда внимательно слушает ее. Казалось, она только мешает ему своей болтовней. Когда Алиса замечала это и намекала, что ее это задевает, Гарик улыбался.

— Дорогая, ты же знала, что выходишь замуж за больного человека. Я болен своей работой. И знаешь почему? Потому, что она дает мне возможность быть самим собой. Но при этом я должен знать, что ты меня понимаешь.

Алиса не пыталась выяснять, какое место в своей жизни муж отдал ей. Она не хотела попасть в неудобное положение, потому что Гарик был патологически правдив с нею. Услышать, что она — красивое приложение к его удачному бизнесу, означало бы для Алисы катастрофу. Она решила, что со временем Гарик поймет, что ему невероятно повезло с такой спутницей, как она. Она уж постарается соответствовать своему новому положению. Это было нелегко, но Алису поддерживало то, что Гарик был все-таки по уши влюблен в нее. Он

обещал ей компенсацию за те годы, что они провели порознь. Его чувства были проверены временем, и она не хотела разочаровывать его. Ей всегда безумно нравилось обожествление, с которым к ней относились влюбленные в нее мужчины. Тогда ими было легче управлять. Софья Львовна частенько давала дочке уроки по воздействию на мужчин. Она говорила, что самое большое искусство — незаметно настоять на своем, якобы соглашаясь с мужским решением. Алисе казалось, что кое-чему она успела научиться. Правда, для начала она попробовала эту женскую тактику на мелочах — получалось неплохо. Гарику даже понравилось, что супруга в чем-то не соглашается с ним. Он пошел на некоторые изменения в интерьере спальни, руководствуясь тем, что женщина тоньше чувствует обстановку. Ему хотелось, чтобы Алисе в квартире нравилось все. Он не услышал ни слова против просторной кухни из розового дерева, привезенной под заказ из Италии, с посудомоечной машиной, встроенной техникой и всеми мелочами, о которых мечтает каждая хозяйка. Он и сам был в восторге от увиденного, а Алиса просто захлопала в ладоши, как ребенок, заявив, что ее не выкуришь из такой красоты. Ее реакция была не менее бурной после знакомства со столовой, гостиной, кабинетом Гарика, будущей детской, их спальней.

Алиса радовалась, не предполагая, как одиноко будет ей в этой красоте долгими вечерами, в ожидании прихода мужа с работы или приезда из бесконечных командировок. Именно так проводила она большую часть времени, вернувшись из свадебного путешествия. Гарик через пару дней уехал в командировку на неделю, а ей предстояло вживаться в образ хозяйки. Ни о какой работе речь не шла. Положение ее мужа предполагало, что самым главным должно стать ее прекрасное самочувствие, отличное настроение, постоянная готовность к вечерним выходам, а также — встречать любимого, вернувшегося с работы, с неизменной улыбкой.

Ради того, чтобы она чувствовала себя комфортно, Молчанов был готов на все. Ему казалось, что его прекрасной супруге не место у плиты. Он перестарался, когда объявил, что скоро в их доме появится высококлассный повар. Алисе удалось отговорить Гарика от этого.

— На кухне должна быть одна хозяйка. И ею хочу быть я! — она категорически настояла на своем. Ей самой было приятно слышать похвалы в адрес трапезы, приготовленной ее руками. В конце концов это было то, что она делала с удовольствием. — Ты должен хвалить мою стряпню, понимаешь, мою! Неужели ты лишишь меня этого?

Молчанов не стал спорить. Маленьким капризам жены было чертовски приятно потакать. Если ей так важно продемонстрировать свои кулинарные способности — он не возражает. Наверное, это здорово, когда по вечерам тебя встречает улыбающаяся жена, а потом за красиво сервированным столом заглядывает тебе в глаза, ожидая оценки ее труда. Гарик мало в этом смыслил, потому что до женитьбы все в его доме делали нанятые в соответствующей фирме чужие люди. Они занимались домом, кухней, выполняя определенные договором обязанности, не надеясь на какую-то похвалу. Да он и не собирался вести с ними разговоры на эту тему. Если бы что-то перестало его устраивать, фирма могла предоставить другую кандидатуру. Они, конечно, старались, но только ради того, чтобы удержаться на хорошо оплачиваемой работе, ничего личного.

Гарик подумал, что Алиса в какой-то степени тоже хочет показать, что она чего-то стоит. А может быть, ей было трудно сразу отказаться от привычной роли жены, хозяйки, которую она переняла у своей матери? Она еще неуютно чувствует себя в той жизни, в которую попала, где исполняются все ее желания и не нужно прикладывать усилий для того, чтобы получить желаемое. Достаточно просто быть с ним рядом, любить его и отвечать на

его чувства. Он столько лет без устали работал, быть может, именно для того, чтобы теперь быть в состоянии выполнить любой ее каприз.

Молчанов не задавал себе много вопросов. Он надеялся получить ответы со временем. Они не так много провели времени вместе до свадьбы, чтобы узнать друг друга. Гарик торопил события. Он слишком долго ждал, чтобы откладывать возможность назвать женой желанную женщину. Ему было все равно — умеет ли она готовить, какая она хозяйка, что она любит и чего не может переносить. Гарику было важно, что теперь она — госпожа Молчанова. Он не прислушался к совету матери не вступать с нею в брак сразу. Она хотела, чтобы они пожили вместе, присмотрелись. Вероятно, мать ожидала увидеть рядом с сыном другую женщину. Но она не понимала, что он только и делал всю свою сознательную жизнь, что следил за тем, что происходит с Алисой. Гарик не был в курсе всех ее мимолетных романчиков, но не мог скрыть своего удивления, узнав о том, что она вышла замуж за Семена Равкина — их одноклассника. Он понимал, что за этим ее шагом стоит что-то большее, нежели желание удивить окружающих. Умиравший Сеня и старавшаяся скрасить его последние дни Алиса — это было похоже на самопожертвование во искупление грехов. Каких — Гарика никогда не интересовало. И сейчас он не задавал себе лишних вопросов. Он просто хотел знать, что вот уже почти год в постели его ждет та, которая дарит ему неземное наслаждение. За одно ее прикосновение он был готов дорого платить. Он забывал о том, что в ее жизни были другие мужчины, надеясь, что жизнь с ним навсегда вычеркнет из ее памяти все, что было «до». Он обещал сделать ее счастливой, исполнять все ее желания и капризы. Гарик не отказывался ни от единого своего слова, только Алиса ни о чем не просила. Она с благодарностью принимала знаки внимания и проявления его любви, но казалось, что это не имеет для нее значения. Только в случае с намерением нанять домашнего повара Молчанов столкнулся с протестом жены. Он даже обрадовался ему. Она противоречила — значит, не боялась высказывать своего мнения, пусть пока в мелочах. Она пыталась показать, что к ней тоже стоит прислушаться. Алиса делала это умело, не преступая определенных границ. Молчанова это устраивало. Бессловесная, во всем согласная с ним подруга жизни ему была не нужна. Это было бы просто скучно.

За то время, что они провели вместе, он так и не понял характера этой женщины. Она могла смеяться и вдруг, задумавшись о чем-то, стать чернее тучи. То рассказывала о чем-то без умолку, то затихала, словно и не было ее рядом. Иногда, возвращаясь с работы, Гарик заставлял жену с покрасневшими, припухшими веками. На все расспросы один ответ: «Все уже прошло». Последнее время такие «сюрпризы» стали очень редкими, и Молчанов решил, что Алиса просто скучала по дому, родителям. Она наверняка не хотела обижать его признанием, что несмотря на окружающий уют и роскошь, переносить разлуку с близкими ей было непросто.

Молчанов решил действовать и пригласил Софью Львовну и Захара Борисовича погостить у них. Отец приехать не смог, но мать не отказалась от возможности повидаться с дочкой. Все происходило в режиме строгой секретности: Гарик предупредил Софью Львовну, что хочет сделать жене приятный сюрприз. К его удивлению, приезд матери не стал для Алисы событием большой значимости, как он рассчитывал. Значит, слезы тайком и дежурные отговорки имеют совсем другие причины. Это огорчило Молчанова, потому что впервые он задумался над тем, что пока так и не был допущен во внутренний мир своей жены. Хотя удивляться нечему: люди проводят вместе десятилетия и в конце пути понимают, что рядом находился совершенно чужой человек. Это уже непоправимая

трагедия, комедия ошибок, пустота. Молчанова стало беспокоить то, что время шло, а в их отношениях никак не появлялись милые сердцу мелочи, взгляды, жесты, знаки внимания, которые показывают глубину чувств. Когда не нужно слов — достаточно взгляда, чтобы понять, что ты — самый желанный, любимый. Гарику было важно знать, что Алиса относится к нему именно так. Ведь со своей стороны он был готов ради нее на все. Он так часто говорил себе это, что однажды решил определиться конкретнее: на что? Оказалось, что гораздо легче оперировать общими фразами. Он понял, что понятие любви носит у него характер эгоистичный. Он был горд и счастлив, просыпаясь в постели с прекраснейшей из женщин. Много раз поздно ночью, когда не спалось от переутомления на работе, Гарик лежал и смотрел на спящую, такую спокойную Алису, наслаждаясь этой неземной картиной. Он боялся, что она вдруг откроет глаза, и он окажется в глупом положении. Ему не хотелось в такие минуты ни о чем говорить.

Однако Молчанов знал, что даже ради нее не сможет отказаться от своего рабочего ритма, не изменит своим привычкам играть в теннис по четвергам, ходить в сауну по субботам, проводить достаточно много времени в недавно открытом боулинг-центре. Он знал, что продолжит свои бесконечные деловые встречи, не всегда беря с собой жену. Практически все, на что Эдуард тратил время, было связано с процветанием его бизнеса. Он слишком многого успел достичь в этом, чтобы сделать хоть шаг наперекор интересам своего дела. Оно было его второй натурой. Молчанов был уверен, что все это никоим образом не мешает его личной жизни, а если он так думает, то и его жена должна быть согласна. Он ничего у нее не отнимает. А если ей чего-то недостает, нужно только намекнуть.

Он не обсуждал с нею своих планов, которые могли резко измениться, и вместо похода в театр Молчанов мог срочно вылететь на Север, позвонив Алисе из служебного автомобиля. Он считал, что здесь нет места обидам и жене не о чем волноваться. Он был уверен, что в его отсутствие жена занимается подобающими ее положению делами. Сам он очень болезненно воспринимал разговоры об изменах, непонимании. С его стороны не было ни малейшего желания смотреть на сторону, он надеялся, что Алисе тоже не хочется приключений, а остальные мелкие несогласия можно преодолеть. Какая мелочь — сорвавшийся уикенд, если люди любят и доверяют друг другу.

Молчанов был счастлив. Из неосуществленных желаний у него осталось одно — он мечтал о сыне. Не каждый мужчина испытывает необходимость в том, чтобы поскорее почувствовать себя отцом. Он давно созрел для этой роли, и вот уже почти год, как каждый месяц он ждал от Алисы сообщения, что она беременна. Увы, пока она не оправдывала его надежд. Гарик не предполагал, что желания родить ребенка у Алисы не было вовсе. Она в душе обзывала себя дрянью, воспользовавшейся любовью и доверием мужчины. Порой она была противна себе самой, но пока желание стать матерью детей Молчанова стояло у нее на последнем месте. Она часто вспоминала слова Маринки, когда та говорила о критерии любви женщины — это желание иметь ребенка от любимого человека. Алиса преклонялась перед трудолюбием, порядочностью, добротой, твердостью характера мужа, но... не любила его. Ей казалось, что это должно прийти просто в ответ на все те безумства, которые совершал ради нее Гарик в период их встреч. Он дарил экзотические цветы, дорогие подарки, посыльные приносили от него записки с признаниями в любви, пахнущие его одеколоном. Это не закончилось и после венчания — сказка только начиналась.

Гарик делал все, чтобы его любимая женщина чувствовала себя королевой на нескончаемом балу жизни. Это бросалось в глаза: его внимательные, чуть заискивающие

взгляды, мимолетные прикосновения и — ее отрешенность, улыбка, пробегающая по задумчивому лицу. Она словно снисходила до того, чтобы принимать его знаки внимания, однако не обдавая мужа ледяным холодом. Она умело привязала к себе этого мужчину, стараясь не делать ошибок. Ведь не для этого она все затеяла. Назад хода нет.

Софья Львовна не знала, как реагировать на все это. Ведь она понимала, что Алисе нужно совсем другое. Материнское сердце подсказывало, что дочка убегает от себя. Убегает, спасаясь в объятиях нелюбимого мужчины, который готов сделать так, чтобы весь мир принадлежал ей. Из этого мира ей не нужно было ничего, кроме любви того Ромео, с которым у нее произошел необъяснимый для прожившей долгую жизнь женщины разрыв. Алиса что-то скрывала от нее, но упорно не желала ни в чем признаваться. Попытки поговорить об этом с Маринкой тоже ни к чему не привели — преданная подруга молчала. Софья Львовна как всегда ждала, наблюдая за тем, как дочь выгодно продавала себя. Матери было нелегко — единственный ребенок мучился, страдал, выставляя напоказ ослепительную улыбку и оставляя для бессонных ночей невыплаканные слезы. Что-то советовать было бесполезно. Алиса находилась в крайне возбужденном состоянии. Она неадекватно реагировала на самые обычные ситуации, а когда мама принималась жалеть ее, раздраженно отмахивалась от материнских рук. Софье Львовне казалось, что Алиса ждет не дождется момента, когда можно будет попрощаться с Горинском, родными, знакомыми — они не понимали ее, а значит, автоматически причислялись в разряд не врагов, но недоброжелателей.

Наконец настал день, когда Молчанов официально попросил руки Алисы. Сватовство было красивым, слова, которые говорил Гарик, могли растопить самое холодное сердце. На мгновение Алисе показалось, что все нужно остановить. Еще немного, и трудно будет что-то исправить. Они уже не в том возрасте, чтобы легко бросаться словами. За каждую букву нужно отвечать. Не встречаясь взглядом с родителями, Алиса подтвердила их обоюдное желание создать семью. Она была словно в забытьи. Все произошло быстрее, чем она ожидала. Гарик искренно радовался, глаза его светились от счастья. Алиса смотрела на него и надеялась, что часть этих ощущений передастся и ей, пусть не сразу. Сколько случаев, когда любовь приходит в ответ на преданность, доброту! Ведь муж смог вобрать в себя все те необходимые качества, которые должны были непременно присутствовать у мужчины, достойного ее. Не хватало единственной «мелочи» — взаимной любви. Раньше ее отсутствие не казалось восторженной девушке катастрофой. Она витала в облаках, а теперь спустилась с небес и мечтала только об этом недостающем звене. Его отсутствие делало жизнь невыносимой.

Она каждое утро заглядывала в его карие глаза, пытаясь пропитаться тем же светлым и радостным чувством, которое исходило от счастливого мужчины. Она ждала, настраивала себя на то, что ее муж — самый лучший человек на свете. Однако быть хорошим человеком — это замечательно для коллег по работе, друзей и знакомых. Алиса ждала, когда же в ней проснется подобие пусть не страсти, но хотя бы какого-то влечения к мужу. Поначалу она считала, что это застенчивость перед новым партнером. Все-таки она не меняла их, как перчатки. К тому же она вступала в связь с новым мужчиной, продолжая бороться с собственным сердцем. Оно разрывалось на множество маленьких тлеющих осколков, больно рая. И все это нужно было тщательно скрывать от всех. Но Алиса была упряма и твердо решила не отступать от своего. Она не ожидала, что завоевание Молчанова пройдет настолько легко и быстро: женщина готовилась к штурму, а оказалось, крепость давно

вывесила белые флаги. Гарик словно был готов к тому, что когда-нибудь она появится на его горизонте. Алиса удивилась и ему — как быстро он сделал ей предложение, и себе — тому, что она не стала разыгрывать сцен — ответила сразу согласием. Оба получили желаемое. Оставалось довериться течению времени. Оно лучше любых прогнозов способно расставить все на свои места.

Алиса жила в созданной мужем сказке, стараясь забыть Вадима, изгнать из сердца воспоминания о сладостных минутах, которые они провели вместе. Сколько раз она просыпалась ночью, удивленно разглядывая лежащего рядом мужчину. Она приходила в себя, понимая, что несколько минут назад в сновидении она чувствовала не его тепло. Прикосновения, ласки, на которые она реагировала страстно и нежно, дарили ей другие руки. Белов являлся во снах, мешал близости с мужем — Алиса боялась назвать Гарика Вадимом. Женщина измучилась, доходя до крайнего отчаяния. Ей не удавалось освободиться от своей любви к человеку, предавшему ее чувства. Она не знала, как жить. Было все — и не было ровным счетом ничего.

Гарик холил и лелеял ее, как никто другой, а она не могла ответить ему и сотой долей того обожания, которое принимала. Алиса вздыхала с облегчением, провожая мужа в очередную поездку. Она оставалась одна в роскошных хоромах, радуясь тому, что вечером не придется исполнять супружеские обязанности. То, что должно было приносить наслаждение, с самого начала превратилось в дежурное исполнение долга. Близость с мужем вызывала у нее сначала панический страх, потом — равнодушие, резко перешедшее в нежелание принадлежать этому мужчине. Ни разу за все время она не ощутила незабываемого, блаженного состояния полета, невесомости, когда реальность становится условной и теряет смысл все, кроме этого безмерного удовольствия. В постели она владела собой, тщетно стараясь вызвать знакомые чувства. Но тяжелое дыхание мужа, его ласки, страстные слова вызывали обратный эффект. Если бы Молчанов только знал, чего стоило Алисе разыгрывать блаженство и удовлетворение. Порой она доходила до психоза, сидя в ванной, зная, что на широкой кровати с шелковой постелью ее ждет Гарик. Она закрывала глаза и дрожала оттого, что через мгновение ей предстоит почувствовать прикосновения его рук, языка, твердеющей плоти. Это была дрожь отвращения ко всему, что происходило в их спальне, освещенной парой белоснежных бра над кроватью. Это ощущение становилось все более сильным и никак не хотело переходить в желанное обладание. Доходило до того, что Алиса пользовалась уловками, которых стыдилась. Порой близость приносила ей боль вместо наслаждения и вызывала недоуменные вопросы Гарика. Он был не настолько глуп, чтобы не чувствовать, что его прикосновения не достигают нужного результата. Он целовал Алису, тихонько шептал ей самые нежные слова, спрашивая, что ее беспокоит. Просил расслабиться, раскрепоститься, ведь теперь они — самые близкие люди.

— Между нами не должно быть недомолвок, иначе все обречено на гибель. Аля, милая, я так люблю тебя, что с трудом могу разобраться в том, что происходит. Я ослеплен, оглушен тобой. Я самый счастливый из смертных, если ты тоже чувствуешь подобное, — он так нежно смотрел в ее черные в полутьме глаза, и Алиса молча прижималась к нему всем телом. Ей нечего было ему ответить.

В одну из очередных деловых поездок мужа, которая длилась две недели, Алиса вдруг почувствовала, что ей нравится одиночество. Она с удовольствием ездила по магазинам, салонам с шофером, которого муж нанял для нее. Славик оказался очень приятным молодым человеком, невероятно пунктуальным и ответственным, к тому же начитанным. Он боялся

лишний раз сказать что-либо, присматриваясь к своей новой хозяйке. Редкие слова Славик произносил с какой-то неоправданной опаской.

— Я не мегера, Слава. Перестань вести себя со мной, как кролик перед удавом! — не выдержала Алиса. — Скоро я сама сяду за руль, и твои мучения закончатся. Но не сейчас. Двухмесячные курсы — очень слабая практика для поездок по Москве. Ты меня подучишь?

— Конечно, с удовольствием, — лицо парня просияло.

— Так-то лучше. Наконец появились человеческие интонации, — засмеялась Алиса. — Я постараюсь быть прилежной ученицей.

Она окончила водительские курсы по настоянию Гарика, но до сих пор не представляла себя за рулем автомобиля, в окружении бесконечных движущихся потоков. Особенно она терялась, когда кто-нибудь начинал сигналить, выражая недовольство ее нерасторопностью. Одаривая нелестными словами виновника нарушения ее спокойствия, Алиса могла бросить руль. Несдержанность курсантки была не по душе ее инструктору, и он перекрестился, когда состоялось их последнее занятие.

Молчанову хотелось, чтобы его жена была современной женщиной. Но все-таки решил, что нанять личного шофера для нее на первое время стоит. Кандидатуру подобрал по рекомендации. Алиса нашла со Славой общий язык, но Молчанов четко проинструктировал ее о том, что она может позволить себе в отношениях с шофером, чего не может. Это касалось граней общения хозяйка — подчиненный. Никакого панибратства, но и без напыщенности. Алиса была удивлена, что Гарик так дотошно объяснял ей такие понятные вещи. Вообще она заметила, что муж любит выступать в роли мудрого наставника. Алиса принимала его советы, выказывая благодарность.

И вот так в общении со Славиком, поездках по косметическим кабинетам, салонам, магазинам, в бассейн и сауну всякий раз пролетали дни в отсутствие мужа. Одна из последних командировок была особенно длительной и расслабила Алису донельзя. Когда Гарик позвонил поздним вечером, чтобы предупредить о своем возвращении, она едва совладала с голосом, удерживая в тоне нотки притворной радости. Потом началось безумие: она не находила себе места, переходя из комнаты в комнату, везде оставляя включенным свет. Наконец набрала ванну горячей воды и долго лежала, изнемогая, обливаясь потом. Соленые струйки стекали по разгоряченному лицу, попадая в глаза, вызвали неприятное ощущение. Алиса лежала без движения, не в силах пошевелиться, чтобы просто смахнуть капли. В какой-то момент она поняла, что близка к обмороку. Сердце стучало в невероятном темпе, казалось, что грудная клетка сотрясается от этих гулких ударов, стало трудно дышать. Алиса безразлично следила за тем, что с ней происходило. Она испытывала непонятное удовлетворение, доставляя себе такое мучение. Закрыв глаза, она почувствовала головокружение до тошноты. Силы покинули ее. Женщина погружалась в неизвестное ранее состояние физической беспомощности. Алиса тихо заскулила. Звуки, которые ей удалось издать, легко заглушил шум падающей воды. Алисе стоило невероятных усилий выдернуть пробку из ванны пальцами ноги. Постепенно уровень воды стал падать, обнажая красное, пылающее жаром неподвижное тело.

Сколько прошло времени, Алиса не заметила, но очнулась она лежа уже в пустой ванне. Из крана продолжала бежать горячая вода. Женщину знобило, от неприятной дрожи стучали зубы, и руки не желали подчиняться. Алиса оперлась непослушными руками о край ванны и, приложив невероятные усилия, оказалась за ее пределами, закрыла воду. Едва передвигаясь, прищуривая глаза, Алиса добралась до спальни. Упав на кровать, обнаженная, со

спутанными волосами, она закрыла глаза.

Алиса была похожа на израненную птицу, у которой нет сил лететь, даже смотреть на этот мир. Свернувшись, подтянув колени к груди, она пыталась укрыться краешком покрывала. В висках стучало так сильно, что казалось, тонкая кожа не выдержит такого давления. Алиса вдруг четко увидела, как из открывшихся ран красными ручейками струится кровь, заливая постель растекающимся багровым озером. Ладонь автоматически касается этого липкого, теплого пятна и брезгливо одергивается. Алиса мгновенно пришла в себя, тяжело дыша, села на краю кровати. Сдавила голову руками: «Что со мной? К чему это приведет?» Она почувствовала, что близка к истерике. С ней творилось что-то похожее на то, что происходило на кухне у Маринки год назад. Тогда подруга набралась смелости и открыла ей глаза на настоящего Белова — семейного человека, погрязшего во лжи. Казалось, что жизнь должна уйти из тела, ведь с осознанием такого предательства нельзя остаться жить. Но пережить эту трагедию Алисе помогла и Маринка, и присутствие родных людей, работа. Сейчас она осталась один на один со своими проблемами. Они не уходили, а напротив — нарастали быстрее, чем увеличивался снежный ком, мчащийся с горы. Не с кем поделиться, да и не хочется ни с кем говорить о том, что творится в душе. Однако нужно было освободиться от внутреннего напряжения. Мужчины в таких случаях прибегают к спиртному, но Алиса всегда относилась к нему скептически. Заставить ее выпить лишний бокал шампанского было нелегкой задачей.

И тогда впервые за свою жизнь Алиса решила обратиться к таблеткам. В тумбочке Гарика всегда лежала упаковка успокаивающих средств. Он крайне редко прибегал к их помощи, только после очень напряженного рабочего дня, каких-то серьезных неприятностей. Таблетка элениума действовала на него, как крепкий удар по голове — Молчанов отключался через несколько минут. Алиса вспоминала, как посмеивалась над ним, наблюдая, как из полуоткрытого рта мужа вырывается размеренный храп. Она не рассказывала ему об этом, потому что Гарик очень не любил таких проявлений потери контроля над собой.

Держа в руках пластинку с зеленоватыми крошечными таблетками, Алиса выдавливала их себе в руку одну за другой: одна, две, три... четыре. Для первого раза достаточно. Теперь нужно было запить их. Но стакан с водой, который Гарик обычно оставлял на ночь на своей тумбочке, отсутствовал, как и его хозяин. Мысль о том, что нужно идти на кухню, казалась невыполнимой задачей. Алиса проглотила одну таблетку за другой просто так, без воды. Выпив четвертую, женщина не смогла справиться с собой и, закрыв ладонями лицо, разрыдалась. Нет более искренних слез, чем те, которые вызваны жалостью к себе. Алиса позволила им прорваться наружу. Свидетелей этому не было — она никогда ничего не делала на публику. Немного успокоившись, Алиса почувствовала, что лекарство начинает действовать. Веки стали тяжелыми, во рту появилась сухость, очертания комнаты расплывались. Казалось, что потолок решил поменяться местами с полом, а стены устроили одним им понятный хоровод. Алиса крепко зажмурилась, потерла виски, но закрыв глаза, только еще больше погрузилась в это летящее, бесконтрольное состояние. Остатки таблеток выпали из рук, Алиса медленно опустилась на подушку. У нее хватило сил укрыться покрывалом, потянув его из-под себя.

Последнее, о чем она успела подумать, было сожаление по поводу невыключенного света.

Утром Молчанов не понял этой иллюминации. К тому же Гарик застал жену в

непонятном состоянии. Он застыл на пороге спальни, все крепче сжимая в руке букет огромных алых роз, не замечая, как острые шипы вонзаются в ладонь. Опершись о стену, Гарик внимательно вглядывался в бледное лицо Алисы. Грудь ее размеренно вздымалась и опускалась, лицо выражало полный покой. Длинные волосы свисали с кровати. Они имели неопрятный вид, словно их никто не расчесывал несколько дней. Гарик положил букет на стоящий возле трюмо низкий пуфик. И тогда заметил, как что-то блеснуло на ковре возле кровати. Он подошел ближе и поднял пластинку со своими таблетками. Он никогда не считал их, но сейчас ему показалось, что до его отъезда их было больше. У Молчанова все опустилось внутри — он резко обернулся и посмотрел на Алису. Покрывало едва прикрывало обнаженное тело, почему-то смотреть на него Гарику было совестно. Глубокий сон, в котором Алиса находилась, навел Молчанова на мысль, что без таблеток здесь не обошлось. Он тотчас решил разбудить эту спящую красавицу и сразу выяснить, что происходило в доме в его отсутствие, но в последний момент испугался и отошел подальше от кровати.

Постояв еще несколько минут, Гарик снова застегнул пальто и вышел из спальни, выключив за собой свет. Он прошел по всем комнатам и сделал то же самое. На душе у него стало нехорошо, муторно. Молчанов рванул ворот рубашки, нервно дернув шей. Он сжал зубы так, что услышал выворачивающий все наизнанку скрежет. Потом запрокинул голову и засмеялся. Смех прозвучал страшно. Он был зловещий и в то же время бессильный. Резко оборвав его, Молчанов остался растерянно стоять посреди комнаты. Потом, запахнув полы пальто и тихо закрыв за собой дверь, он вышел из квартиры.

Очнувшись, Алиса ничего не могла сообразить: букет цветов, потерянное чувство времени, обнаженное тело, спутавшиеся волосы. Натянув покрывало повыше, она замерла. В один миг кровь прилила к ее лицу — Алиса поняла, что вернулся Гарик. Закусив губу, она поднялась и, накинув халат, вышла в коридор.

— Гарик, ты дома? — негромко спросила она, желая больше всего на свете провалиться сквозь сверкающий пол. Никто не отзывался. Алиса остановилась на середине прихожей, прижав ладони к лицу. События вчерашнего вечера промелькнули перед глазами, не оставляя ни малейшего шанса на оправдание. Она не могла себе представить, что мог подумать обо всем муж.

Голова была на удивление свежей. Быстро приведя себя в порядок, Алиса удобно устроилась в кресле гостиной и набрала рабочий номер Гарики. Секретарь ответила, что Эдуард Михайлович где-то в здании и спросила, что передать. Алиса поблагодарила и сказала, что перезвонит минут через двадцать.

Все эти долгие минуты она лихорадочно соображала, как разговаривать с Гариком. На ум приходили банальности, которые были ему чужды. Что же он решил, если, увидев ее, повернулся и вышел из квартиры без слов, без вопросов? Алисе стало стыдно — она заставляла страдать человека, любившего ее, ни единым словом не попрекнущего прошлым, не загадывавшего на будущее. Он принимал все ее смены настроения, тягу к одиночеству, предугадывал желания, а она позволила себе до такой степени распуститься. Алиса тряхнула головой, набирая номер телефона Славика. Она решила, что разговаривать с Гариком нужно глаза в глаза, не иначе. Но оператор отвечал, что абонент находится вне зоны досягаемости. Чертыхнувшись, Алиса снова позвонила в офис Молчанова. На этот раз ее соединили с мужем сразу.

— Здравствуй, Гарик! — стараясь говорить как можно беззаботнее, непринужденнее,

Алиса растянула губы в улыбке. Это был старый прием — он помогал произвести впечатление на собеседника, заставлял поверить в искренность радостной интонации. — С приездом.

— Здравствуй, — настороженно ответил Молчанов.

— Спасибо за цветы.

— Не стоит. Не захотел будить тебя — ты так крепко спала, — в голосе Гарика послышалось что-то ироничное. Он явно недоговаривал.

— Спасибо и за это. Я вчера ужасно себя чувствовала. Пришлось даже выпить одну из твоих сногшибательных пилюль, — соображая на ходу, произнесла Алиса. — Не помню, как уснула.

— Заметно было, — Гарик подумал, что он зря расстроился. Он уже не чувствовал себя так паршиво, как утром. Спокойный тон Алисы окончательно убедил его в том, что он все преувеличил: не было никаких оргий, неконтролируемых поступков. Просто женщина не рассчитала действие транквилизатора. Невропатолог на себе проверил обычное назначение. Молчанов позволили себе быть обманутым. — Ты везде включила свет. Ты помнишь?

— Конечно. Я всегда так делаю — боюсь оставаться одна. Я не говорила об этом раньше, чтобы ты спокойно занимался своими делами.

— А теперь я могу начать переживать по этому поводу?

— Нет, но мне уже легче — я призналась в своей слабости, — Алиса говорила так, зная, как любит Гарик казаться сильнее.

— Ты не представляешь, какие мысли лезли мне в голову.

— Глупо, ты ведь знаешь, что я не собираюсь тебя огорчать.

— Хорошо, Аля, дома поговорим, — Гарик явно был занят, но все-таки уделил несколько минут жене для собственного самоуспокоения. Он был рад слышать ее голос, оправдание тому, что потрясло его утром. Он был удовлетворен объяснением Алисы. — До встречи.

Алиса шумно выдохнула, услышав гудки. Ей не нравилось, как он обращается к ней: Аля. Она считала, что это скользкое, бесхарактерное имя совершенно не подходит ей. То ли дело Лялька или Лиска. Однако долго об этом она раздумывать не стала. Главное, что на этот раз ее пронесло, но это была преждевременная радость. Лялька не знала тогда, что с того рокового вечера начнется ее игра в разрушение. Потому что таблетки станут спасительным средством для решения всех проблем. Она будет глотать их перед тем, как ложиться в постель, в ожидании любовных игр. Тайком она начнет пить крошечные зеленые пилюли, чтобы унять напряжение перед походом на очередную деловую тусовку, где ей предстояло играть роль благополучной, сияющей матроны. Потом — перед посещением «любимого» женского врача, заранее зная, что он ей скажет. И, наконец, через три месяца такой терапии она не захочет признаться себе, что обращается к транквилизаторам даже тогда, когда муж находится в очередной командировке. Алисе уже не нужны были причины для того, чтобы запивать таблетки прохладной водой. Она делала это с удовольствием, доказывая себе, что сможет отказаться от этого в любой момент. Однако момент это отодвигался, отодвигался...

Встреча с Беловым снова перевернула все в душе Алисы. Она едва дождалась приезда домой, отпустила Славика, ринулась к своему тайнику на кухне и, достав спасительную упаковку таблеток, выдавила в ладошку пять штук. Она знала, что именно такое количество приведет ее в блаженное, спокойное состояние. Никаких проблем, никаких нервов, правда,

покурить вряд ли удастся. Первое время последействия таблеток координация нарушается настолько, что поднести зажигалку к сигарете становится невозможным. Первый раз Алису это разозлило. Она не могла понять, почему пылающий возле самого носа огонек не желает делать свое дело. Тогда Алиса подошла к зеркалу и увидела, что на самом деле держит зажигалку сантиметрах в тридцати от сигареты. Как тут закуришь! Посмеявшись, она отложила затею на некоторое время.

— Ты стала меньше курить, дорогая, — как-то заметил Молчанов. И он был прав, потому что Алиса не хотела попасть в неприятную ситуацию на каком-нибудь приеме или просто романтическом ужине вдвоем с мужем при свечах в уютном ресторанчике. Она только мило улыбалась, радуясь тому, что ее маленькая тайна остается при ней. Тайна, которая помогает ей не сойти с ума от собственных мыслей. Гарик был слишком увлечен работой, чтобы присматриваться к своей жене и заметить что-то необычное в ее поведении.

Пожалуй, Славик — вот кто подозрительно посматривал на нее, не задавая вопросов. Это не входило в его обязанности. Он знал крутой нрав хозяина и не хотел вмешиваться не в свое дело, опасаясь неприятностей. В конце концов, женщины — народ загадочный, а богатые женщины — вдвойне.

Не сдержав в этот день слез при шофере, Алиса ругала себя за это мимолетное проявление слабости. Первый и последний раз — решила она, медленно запивая таблетки одну за другой. Через десять минут она почувствовала их действие и растянулась на широком кожаном диване в гостиной. Стоило закрыть глаза, как воображение перенесло ее в темный, продуваемый ветром, безлюдный парк, где они впервые занимались с Беловым любовью. Это было безумство, которого она от себя не ожидала, а он принял как должное. Почему все должно было произойти именно так? Он говорил: «Мы начали с конца». Почему она не почувствовала лжи? Хотя неправда — она догадывалась, что в его словах не все искренно. Она хотела верить ему — и все. Белов околдовал ее своими голубыми глазами. Красивый мужчина рядом, к тому же, не лишенный массы иных достоинств — мечта каждой женщины.

Алиса медленно перевернулась со спины на бок, не открывая глаз. Мысли выплывали словно из тумана, путаясь, причудливо переплетаясь. Почему она так болезненно переживала разрыв с Вадимом? В ее жизни были и другие приключения. Вспомнить хотя бы неудавшийся первый опыт общения со взрослым мужчиной, окончившийся банальным абортом. Господи, сколько раз ей снился потом этот кошмар! Но ведь отпустил, а здесь — приковало, приварило намертво.

Нужно было что-то делать. Алиса давно поняла, что появление ребенка многое могло изменить. Она бы переключилась на заботы о крошечном существе и забыла о своих женских проблемах. Пора выполнить самое заветное желание мужа — родить ему сыночка и принять на себя все изъявления благодарности Гарика. Только и в этом была загвоздка. Мало того, что Алиса физически отвергала его ласки, каждый раз настраивая себя на очередную близость, так ведь и организм женщины тоже отвергал их попытки. Каждый месяц в определенные дни она испытывала знакомую боль в пояснице и внизу живота, понимая, что появление Молчанова-младшего снова отодвигается на неопределенный период. Алиса принимала ответ своей природы двояко — с благодарностью и страхом. С одной стороны, она понимала, что пока не созреет для того, чтобы иметь ребенка именно от этого мужчины, ждать можно чего угодно. С другой — она боялась, что необдуманный, совершенный в горячке поступок многолетней давности не даст ей вообще реализоваться как

женщине. Подпольный аборт для многих девочек закончился бесплодием. Кто знает, не случилось ли что-то подобное и с нею?

Тайком от Гарика Алиса решила все выяснить. Обследование, которое она более полугода проходила у самого лучшего специалиста в этой области, показало, что она — здоровая женщина. Только нервишки нужно привести в норму. От опытных глаз врача не укрылось не совсем обычное поведение пациентки. За свою почти сорокалетнюю практику Любовь Степановна повидала многое.

— Не шутите со снотворным, детка, — сказала она Молчановой на прощание. — К этому легко привыкнуть, а вот отказаться гораздо сложнее. К тому же вы еще не рожали — подумайте, не скажется ли это на ребенке? Вы ведь в недалеком прошлом врач, нужны ли вам мои уговоры?

Алиса согласно кивала головой, оценив деликатность Любви Степановны и пряча глаза, а приехав с последнего осмотра, не нашла ничего лучше, как принять несколько спасительных таблеток. Сразу прошла дрожь в руках, нервозность, чувство безотчетной тревоги. Она сказала себе, что у нее все в порядке, все под контролем. Молчанова бессовестно лгала сама себе. Она даже домой в Горинск не приезжала потому, что от маминых глаз ничего бы не укрылось. Софья Львовна не переживет такого. Вот почему общение с родителями последние месяцы свелось к телефонным разговорам, и даже на день рождения отца Алиса не приехала.

Отец, мама, Марина, Гарик — все ее близкие проносились перед глазами, и каждый осуждающе смотрел на нее. У каждого был повод упрекнуть ее. Родители — в недостатке внимания, в явной попытке отчуждения; Маринка — осталась одна и тосковала, и никакие подарки не могли компенсировать щемящее чувство разлуки; Гарик — не получал в ответ на свои чувства ничего кроме лжи. Алиса понимала, что год — немалый промежуток времени, чтобы разобраться в себе. Если ее затея не удалась, то это нужно признать сейчас. Обманывать столько людей она больше не в силах. Она сама превращается в высохшую, с дрожащими руками, серой кожей обычную наркоманку, доказывая себе, что все в порядке. Нельзя жить в постоянном конфликте со своим «я». Алиса открыла глаза. Веки едва повиновались ей, их приходилось удерживать в таком состоянии усилием. Не спеша женщина поднялась и села. Ощущая слабость в теле, оперлась спиной о высокую спинку дивана. Она решила, что сегодня же поговорит с Гариком. Она откроет ему правду, иначе ее ложь будет похожа на то, что сделал с нею Вадим. Она не должна сломать жизнь хорошему человеку. Он молодой, успешный мужчина. Сколько женщин, достойных, красивых, могут осчастливить его совершенно искренне, без напряжения.

От принятого решения Алисе стало легко на душе. Она смогла потихоньку встать и зайти на кухню. Чашка холодного кофе практически привела ее в чувство. Алиса поставила локти на стол и положила голову на ладони. Волосы рассыпались по плечам, изогнувшись, она легла грудью на гладкую поверхность стола. Алиса равнодушно смотрела на свои волосы. Каждая волосинка казалась такой яркой, блестящей, словно тоненькая медная проволочка. Гарик любил говорить, что у его жены самые красивые в мире волосы, и он жалеет, что не принадлежит к королевской фамилии. Достойным украшением такой красоте могла бы стать корона, а он не может ей этого дать. Молчанов хотел быть оригинальным, а у его жены все чаще возникало желание сделать самую короткую стрижку. Услышав телефонный звонок, Алиса подняла трубку.

— Алло!

— Аля, привет, как дела, милая? — Гарик говорил необычайно радостным тоном. Это могло означать, что он подготовил какой-то сюрприз или намеревается сделать жене подарок. Так было не раз.

— Все в порядке.

— Слава где?

— Я отпустила его до завтра.

— Как жаль, — разочарования Молчанову скрыть не удалось. — Ну, да поправимо. Я пришлю за тобой свою машину.

— Когда? Зачем?

— Я немного опережаю события, но ты должна это увидеть. Иначе меня разорвет от нетерпения. Ты будешь готова через час?

— Всегда готова! — сделав пионерский салют, ответила Алиса. Она не ошиблась — Молчанов сделал какую-то суперпокупку.

— Мне кажется, ты посмеиваешься...

— Разве можно смеяться над стариками и детьми? Ты у меня — большой ребенок, — ответила Алиса, в этот момент веря в то, что говорила и испытывала подобие нежности к мужу.

— Новость какая, — задумчиво произнес Гарик, но тут же встряхнулся. — Отставим лирику до вечера.

— Договорились.

— Целую тебя, скучаю.

— Я тоже, — Алиса положила трубку с гримасой презрения. — Лицемерка чертова!

Она чувствовала, что сегодня не удастся поговорить с мужем по душам. Алиса понимала, что просто побаивается и, кажется, есть повод отодвинуть неприятный разговор. Закуриив, женщина подошла к окну. Она смотрела на жизнь там, за стеклом, пытаясь соизмерить свои проблемы и проблемы этих незнакомых людей. Наверняка большинство из них озабочены поиском хлеба насущного, а не копанием в собственном прошлом. Алиса поджала губы и вдруг в порыве необъяснимой, неконтролируемой ярости бросилась к кухонной полке. Открыла дверцу, и тут же несколько баночек с приправами полетели на пол, чудом не разбившись, а из одной с надписью «ваниль» Алиса сама высыпала содержимое в мусорное ведро, отшвырнув баночку в сторону. Маленькие зеленые таблетки зашелестели, падая в полиэтиленовый пакет.

— К черту! К черту все это! Я сильнее, сильнее!

Через несколько минут, словно побоявшись передумать, Алиса, покрепче запахнув халат, открыла входную дверь и опустилась на лифте на первый этаж. Только там она решила выбросить пакет с мусором. Удовлетворенно потирая руки, она вернулась в квартиру. Села в прихожей и покачала головой. Она не могла поверить, что все это происходит с нею. Тем не менее...

А через сорок пять минут черная «ауди-8» мужа мчала ее через весь город. Шофер извинился, сказав, что Эдуард Михайлович просил ничего не объяснять.

— Хорошо, буду терпеть, — улыбнулась Алиса. — Кажется, мы направляемся за город?

— Это очевидно.

— Тогда следует ожидать чего-то грандиозного, — тихо произнесла она и стала смотреть на мелькавший за окном пейзаж.

Все вокруг оживало. Весна все-таки. Солнце так и не желало пока выглядывать из-за

туч, но все равно в воздухе витало ощущение чего-то светлого, теплого. Везде хозяйничал ни с чем не сравнимый запах просыпающейся природы. Это тот замечательный период, когда сырость, серость, ожидание красоты кажется прекраснее, чем явление миру этой самой совершенной красоты. Алиса опустила окно пониже, с удовольствием вдыхая встречный воздух. Даже желания закурить не возникало. Алиса почувствовала единение с этим еще не примерившим весенний наряд окружающим миром. Она хотела, чтобы выглянуло солнышко, и ей удалось поймать его первые ласковые лучи. В этот момент женщине не хотелось думать ни о Вадиме, ни о родителях, ни о муже. Ей казалось, что она одна, одна-одинешенька, и машина увозит ее подальше от всего, что ей так мешает жить. Она фантазировала, что приближается к месту, где наконец сможет найти гармонию со своим внутренним миром. Это было сейчас самым важным и пока недоступным. Закрыв глаза, Алиса подставила лицо прохладному потоку воздуха.

Валя решила до поры до времени ни на что обращать внимания. Она сказала себе, что пока не состоится выставка, она будет непробиваемой. Валя видела, что Вадим сам не свой и последнее время его нервозность, молчаливость начинают раздражать и ее саму. Это было новым, неприятным ощущением. Раньше она не могла даже позволить себе дурно думать о муже. Она заранее обвиняла себя во всех его промахах, слабостях. Ей было жаль его, мятущегося, не находящего себе места, но с некоторых пор все изменилось. Валя не могла точно сказать, когда это произошло. Однако перемены были налицо. Она перестала принимать близко к сердцу резкие перепады настроения мужа.

Готовясь к выставке, женщина отключила все негативное, что могло мешать творческому процессу. Она не ожидала от себя такого рвения, такой преданности делу, которым начала заниматься, в сущности, совсем недавно. Она испытывала некое чувство вины, что отрывает столько времени от дома, семьи, но ничего не могла с собой поделать. Когда она брала в руки кисть и смотрела на чистый лист бумаги, для нее переставали существовать люди и предметы, находящиеся рядом. Особенно вдохновлял ее Андрей Закревский. Он волновался за организацию выставки не меньше Вали, постоянно звонил и интересовался, насколько она готова. Валя была рада его слышать. Его спокойный голос, манера медленно произносить слова внушали ей доверие и приводили в умиротворенное состояние. За время из краткого телефонного разговора Валя получала невероятный заряд энергии. Она чувствовала, что Андрей от души делает все от него зависящее, чтобы выставка прошла на должном уровне. Она понимала, что этому человеку небезразлична судьба ее работ. Валя боялась признаться в том, что даже муж и близкие не проявляли к ее увлечению столько внимания, сколько этот добродушный толстяк, краснеющий, когда их взгляды встречались.

Валю забавляла его неловкость. Она не задумывалась над тем, чем она может быть вызвана. Закревский существовал для нее постольку, поскольку они вместе вынашивали планы приближающейся выставки и дальнейших проектов. Валя не приходило в голову, что какой-то мужчина может проявлять к ней интерес, тем более друг ее мужа. Она продолжала считать себя некрасивой, расплывшейся, обремененной массой комплексов женщиной. Почему-то она заранее настроила себя на единственного мужчину в своей жизни, так что Белов мог быть спокоен, когда замечал недвусмысленные взгляды, обращенные в сторону его супруги. Она старалась выглядеть привлекательной только для него. Она пыталась доказать свою значимость тоже исключительно для Вадима. Быть может, в этом была ее ошибка.

Настал момент, когда Валя не то чтобы несколько охладела к Вадиму, но почувствовала некий дискомфорт. Чем больше она отдавала этому человеку, тем более высокую, прочную, непреступную стену он возводил между ними. Белов позволял себе изредка быть ласковым и нежным, а чаще — чужим, холодным, безразличным. Он словно проверял предел терпения и великодушия жены, будучи уверенным, что оно беспредельно. Вадим о многом просто не задумывался. Он позволял себе быть слабым, а Валя должна была оставаться хранительницей очага. Они достаточно хорошо узнали друг друга, чтобы обходиться без лишних слов, на уровне интуиции. Только Вадима мало интересовало настроение Вали, гораздо больше его волновало то, как он выглядит, какое впечатление производит, насколько правдива очередная произносимая ложь.

После приезда из Москвы он был настолько несобран, что все обратили на это внимание: Проскурины, к которым он заезжал, чтобы детально поговорить о результатах встречи с Матроновым, позднее — Валя и даже Димка. Белов старался выглядеть радостным, удовлетворенным, ведь поездка прошла успешно, но когда ему казалось, что за ним никто не наблюдает, Вадим погружался в себя. Лицо его принимало выражение растерянности, неподдельного страдания. Валя отводила глаза, когда он замечал на себе ее взгляд. Она физически не могла ничего обсуждать, ни о чем спрашивать. Политика страуса, боязливо прячущего голову в песок, продолжалась. До открытия выставки оставались считанные дни, Валя не могла позволить себе выйти из необыкновенного состояния, которое сопровождало плодотворной работе. Все, что мешало, на время перестало для нее существовать.

Димка уже совершенно определенно проводил большую часть времени у бабушки Гали и дедушки Пети или у Вероники Сергеевны. Особенно удивлялся этому Вадим. То, как спокойно обходилась Валя без своего чада, вызывало у него искреннее недоумение. Он не узнавал жену: она перестала преданно заглядывать ему в глаза, готовить праздничные обеды по поводу и без. Валя по-прежнему исполняла все обязанности по дому, но как-то легко, без нужды в оценке. Ее словно перестало интересовать, насколько понравился мужу ужин или чем они займутся с Димкой в выходной. Она едва дожидалась момента, чтобы зайти в гостиную, и там, в своем любимом углу начинала рисовать. Она уносилась далеко, в одной ей известные дали и не замечала ничего, что творилось вокруг. Белов не радовался такому отчуждению с ее стороны. Он привык к проявлениям большего внимания и заботы. Сначала даже хотел пожаловаться матери, но в последний момент передумал, решив, что будет выглядеть смешно. Оставалось ждать, когда Валя спустится с небес, облаков, туч, которые жили в ее работах. Потому Белов хотел, чтобы поскорее состоялась выставка Валиных работ, и жена снова принадлежала ему безраздельно.

Накануне своего дня рождения она, кажется, совершенно забыла об этом событии. Она не ходила по базару, покупая продукты для стола. Вадим не задавал вопросов. А Валя заранее предупредила своих знакомых, что десятого апреля ждет всех на выставке в галерее «Маэстро». Это было неожиданным приглашением для всех. Именно в галерее она хотела накрыть праздничный стол, надеясь объединить успех с празднованием дня рождения. Закревский убедил ее, что все будет замечательно. Фуршет он поручил готовить своему секретарю и двум экскурсоводам, которые с удовольствием взялись за дело. Выделенная спонсорами выставки сумма позволяла быть расточительными.

Андрей настаивал, что никакие бытовые мелочи не должны отвлекать Валу от творчества. Он сумел убедить ее, что двойной праздник, который разделит с нею огромное

множество людей, станет новой вехой, переломным этапом в жизни. Он говорил, что ни в коем случае не преувеличивает — его наметанный глаз сразу определил настоящую цену ее работ.

— Все только начинается. Испытания, людская зависть. Ты должна быть к этому готова. Теперь у тебя появится возможность увидеть реакцию своих друзей. Немногие способны пережить успех даже близких людей, их радость, — Закревский смотрел куда-то в сторону, когда произносил это. — Гораздо легче примчаться на крик о помощи, чем разделить успех!

— Не понимаю, о чем мы говорим? — Этот разговор состоялся несколько дней назад. Валя стояла посередине большого, светлого зала, стены которого скоро будут увешаны ее работами. Пока стены были пустыми, женщину не покидало ощущение, что это — ее новая квартира, которую скоро обустроят по вкусу новой хозяйки. Оставалось ждать совсем чуть-чуть.

— Я не намного старше тебя, Валюша, но человеческую природу у меня было больше времени изучить. Я работал, работал, наблюдал, анализировал, терял друзей, обзаводился новыми знакомыми, — Закревский подошел к Вале ближе и в неярком свете нескольких светильников показался ей гораздо более приятным. — Я хочу подготовить тебя к тому, что многое может измениться. Тебя это не пугает?

— Нет. Меня пугает то, что все может остаться, как прежде, — тихо ответила Валя, стараясь не встречаться с Андреем взглядом.

Почему она так ответила? Закревский еще внимательнее присмотрелся к ней после этого, как будто искал случай сказать или сделать что-то важное, на что ему трудно решиться. Валя видела, что его внимание к ней с самой первой встречи повышенное. Наивно полагая, что это лишь преклонение перед творческой личностью, женщина не замечала многого. Если бы она только поняла, что Закревский влюблен — она бы испугалась. Испугалась как всегда и отказалась от того, что сейчас согревало ее, обещало стать новой страницей жизни. Валя с головой ушла в работу. Сейчас она стала ее спасением.

Валя не обращала внимания на недовольство мужа. Его стенания по поводу холодного ужина казались ей в это время такой мелочью, о которой стыдно говорить. А он говорил! Димка тоже капризничал в гостях у родителей Вадима, просился домой. Вероника Сергеевна обижалась, что внучка забыла о ее существовании и давно не показывается, Вика и Наташа жаловались, что даже поболтать по телефону она времени не находит. Валя посмеивалась — как она нужна им всем! Правда, это были самые близкие люди. И всех их она любила по-своему. Никого не хотела терять, обижать. И ее удивляло, насколько они отвыкли от ее нужд. Им было в диковину, что, занявшись чем-то для себя, она может немного потеснить их интересы. Пожалуй, к десятому апреля Валя уже была полностью согласна с Андреем, что человеческая природа остается для нее непрочитанной страницей, разве что — бегло просмотренной.

В день рождения Валя была рассеянной и принимала поздравления с самого раннего утра. Первыми были, конечно, Вадим с Димкой. Она едва открыла глаза, как дежуривший у двери малыш помчался куда-то по коридору. А через минуту оба стояли у кровати — Вадим с букетом роз, Димка — с маленькой коробочкой из красного бархата.

— Это мы для тебя выбрали на днях, — как заговорщик, произнес мальчик и протянул коробочку маме.

Валя окинула обоих беглым взглядом и, приподняв брови, осторожно открыла ее. Золотое кольцо с рубином, резное и необыкновенно красивое, смотрелось так, как все эти

бесчисленные драгоценности в иностранных каталогах. Только эту красоту можно было потрогать, примерить.

— Не знаю, твой ли камень рубин, — улыбаясь, сказал Вадим, — но во всех источниках он описывается, как символ любви. Вот об этом мы и хотим сказать. Мы тебя очень любим!

Валя с признательностью прижала подарок к груди. Два самых любимых, дорогих существа были здоровы, сияли, видя, что удалось произвести впечатление, — что может быть прекраснее! Не это ли счастье? И, забыв обо всем, что так часто делало ее дни серыми, безжизненными, наполненными ожиданием простых знаков внимания, унижения и презрения к себе, она тоже улыбалась и тихо говорила слова благодарности. Потом примерила кольцо. Оно очень красиво смотрелось на ее длинных пальцах.

— Ты лежи, отдыхай. Мы будем за тобой ухаживать, — деловито сказал Димка. А Валя усмехнулась: «Неужели существуют только два дня в году, когда можно чувствовать себя королевой? Восьмого марта и в свой день рождения — слабовато, но хотя бы так».

Она пила кофе, не вставая с постели. Потом отвечала на поздравительные звонки. Был момент, когда она снова чуть было не уснула. В полудреме она слышала, как Вадим с Димкой собрались на улицу. В квартире стало тихо. Соседи тоже что-то попритихли, словно все выехали из дома, оставив именинницу в полном одиночестве. И тогда Валя решила, что пора подниматься и приводить себя в порядок.

Душ, легкая музыка, свежий воздух из полуоткрытой форточки — все способствовало поднятию настроения. Валя пообещала себе, что не будет сегодня нервничать. Ей нельзя растрагиться на приступы боязни, пока не закончится этот удивительный день. Закревский предупредил, что будет пресса, телевидение, масса людей, которым небезразлична культурная жизнь города. А главное, он сказал, что выставка в «Маэстро» — это только начало. Он намекнул, что через небольшой промежуток времени ее ожидает поездка в столицу. Так что сегодня должна состояться генеральная репетиция взлета, как назвал открытие выставки Андрей. Он так нахваливал Валины работы, что ей становилось не по себе. Она задавалась вопросом: почему все происходит сейчас? Именно сейчас, не пять, десять лет тому назад? С Вадимом говорить на эту тему было бессмысленно. Он пожимал плечами и говорил, что каждому овощу свое время. Белов всячески уходил от разговоров о внезапно пробудившемся таланте, открытии энергетического и информационного канала, о чем любила пофилософствовать Вероника Сергеевна. Валя только посмеивалась, слушая ее теории о высшем разуме, отмеривающем каждому землянину его долю способностей. Причем главным, по мнению Маковецкой, было поведение человека. Если оно не соответствовало определенным канонам, то информационный канал оставался навсегда закрытым для него и, быть может — будущих поколений. Белова эти рассуждения просто выводили из себя. Валя, посмеиваясь, наблюдала, как он раздраженно спорит с Вероникой Сергеевной. Конечно, ему не хотелось, чтобы ее теория нашла хоть малейшее подтверждение. С годами Валя убедилась в том, что поведение ее мужа далеко от идеала. У него были основания переживать о том, что его энергетические каналы так и останутся невостребованными.

Валя посматривала на часы, замечая, как убийственно медленно идет время в ожидании чего-либо. Давно была выбрана одежда для сегодняшнего торжества, продуман макияж, прическа. Валя решила, что не должно быть ничего лишнего. Она просто расчесала вымытые и пахнущие свежестью волосы, чуть закрепила их лаком. На лице — минимум косметики. Разве только губы яркие, сочные, подчеркнута чувственные. Брючный костюм стального

цвета и белая блуза, черные лаковые полусапожки на высоченной шпильке. Они-то и беспокоили Валу — она не представляла, как вы ходит на них все торжество. Вадим советовал ей надеть что-нибудь более удобное, но Валя решила, что сегодня она будет блистать.

Когда Вадим припарковал машину около здания галереи, Валя почувствовала слабость во всем теле. Она посмотрела на мужа, сына, ища поддержки. Оба ответили ей улыбками.

— Ну что, начался мандраж? — сжимая ее ладонь, спросил Вадим.

— Мягко сказано, — ответила Валя, не узнав своего голоса, и, опираясь на руку мужу, вышла из машины. — Включаю автопилот.

Навстречу вышел Закревский. Он выглядел тоже празднично, не скрывал волнения.

— Здравствуйте, не знаю, кто из нас больше переживает, — засмеялся он отрывистым нервным смехом.

— Лично я вот-вот снова закурю, глядя на вас, — заметил Вадим.

— Следуйте за мной! — наигранно строго сказал Андрей.

— Господи, помоги, — прошептала Валя.

Она почувствовала, что ее окутала сероватая дымка. Она стала своеобразным ограждением от всех, кто в этот вечер окружал ее.словно невидимый кокон, который не сковывал движения, предостерегая от нежелательных контактов. Все было реально и на грани фантазий. Вале казалось, что на какое-то время она поменялась местами с Вадимом. Вспомнилось открытие «Вивы», журналисты с камерами, многочисленные гости, атмосфера торжества и Вадим с Костей, довольно взирающие на плоды своего труда. Теперь настал ее черед. Валя давно не находилась на таком подъеме. Она разговаривала с совершенно незнакомыми людьми, которые просили ее автограф на выставочном проспекте. Практически каждый считал своим долгом сказать, что она еще очень молода, а так громко заявляет о себе. Валя поначалу смущалась, а потом, переполненная похвалами, добрыми пожеланиями, давала свое первое в жизни интервью. Местная журналистка задавала подготовленные вопросы, Валя мгновенно отвечала, замечая, что совершенно перестала волноваться. Переживания испарились, исчезли вместе с полупрозрачным коконом, видимым только Вaley. Она легко поплыла в этом светлом зале над созданными ею облаками, ощущая удовлетворение, радость.

Андрей, как ангел-хранитель, старался все время быть поблизости. После торжественного открытия Вадим и Димка, Галина Матвеевна и Петр Петрович прохаживались по залу, рассматривая ее работы. Для родителей Вадима выставка стала настоящим потрясением. Оба еще раз получили подтверждение тому, что рядом с их сыном наконец находится достойная женщина. Они с гордостью смотрели по сторонам, замечая на лицах незнакомых людей такое же восторженное выражение, а обрывки негромких разговоров, сливавшихся в монотонный гул, состояли из прилагательных в превосходных степенях.

Вороновы и Проскурины тоже были в числе приглашенных и с самого открытия затерялись в просторном зале. Они, не торопясь, рассматривали каждую работу, чтобы потом обменяться впечатлениями.

Не смогла приехать только Вероника Сергеевна — накануне она слегла с высокой температурой и очень переживала, что в такой важный для внучки день ее не будет рядом.

— С двойным праздником тебя, Валуша. Так хотелось обнять, поцеловать, посмотреть в твои глаза и увидеть в них радость, но не смогу. Прости меня, девочка, не вовремя я

заболела, — преодолевая невероятную усталость, вялость во всем теле, тихо сказала она, позвонив утром.

— Не за что извиняться, честное слово. Поправляйся, пожалуйста. Может быть, тебе что-то нужно? Лекарства, еда?

— Все есть, милая, не беспокойся обо мне. У тебя сегодня такой напряженный день. Поверь, все будет замечательно. Ты даже сама не знаешь. Потом позвонишь — расскажешь.

— Обязательно. И позвоню, и приеду проведать.

Валя вдруг поняла, что сегодня, в такой необыкновенный день рядом с нею нет самых близких, родных женщин — мамы и бабушки. Если утром она не видела в этом ничего трагического, то в какой-то момент почувствовала, что вот-вот расплачется. Она уже покусывала дрожащие губы, как кто-то крепко сжал ее локоть. Она медленно повернула голову — это был Андрей. Он не стал ничего спрашивать, просто посмотрел ей в глаза и улыбнулся. Валя ощутила себя маленькой девочкой, которую ласково погладили по голове, похвалили без слов — и стало легче.

Закревский не покидал ее, практически все время находясь рядом. Разве только когда общался с представителями прессы и телевидения. Он не скрывал, что очень доволен происходящим. Чутье не подвело — выставка открывала еще одного мощного мастера. Выставка обречена на успех! На несколько работ сразу нашлись покупатели. Закревский пока не сказал об этом Вале. Наверняка она не ожидает ничего подобного. Андрей бросил беглый взгляд на нее, сияющую, прекрасную, и понял, что в ее сегодняшнем празднике она парит, не задумываясь над тем, что будет дальше. Она счастлива сейчас — это очевидно. Закревский решил, что настал и его черед поздравить Валюшу с успехом.

— Ну, что чувствуешь? — подойдя сзади в очередной раз, тихо спросил он, склонившись над самым ее ухом.

— Я не хожу — летаю. Необыкновенно! Столько теплых слов! — восторженно ответила Валя, обернувшись. И тут же с опаской добавила: — Иногда мне кажется, что я сплю, а когда проснусь и приеду на свою настоящую выставку... О, там меня ожидает холод и отчуждение.

— Валюша, все замечательно, даже лучше, чем я мог предположить. Неделю твои работы будут выставлены на суд неподкупных зрителей. Им или нравится, или нет. Здесь нет третьего варианта, — Андрей осторожно взял Валину ладонь в руки и медленно поднес к губам. — Я целую руку мастера. Спасибо тебе.

— Ты преувеличиваешь, но мне чертовски приятно! — улыбнулась Валя. Нежное прикосновение показалось ей жарким, прожигающим насквозь.

— Спасибо твоему мужу, что он так вовремя вспомнил своего друга детства.

— Я никогда не забуду того, что ты для меня сделал, — прямо глядя в глаза Андрею, сказала Валя. Она снова не смогла поймать его ускользающий взгляд и заметила, как краска разлилась по его лицу. Он стоял перед нею, медленно поправляя безукоризненно завязанный галстук, руки его дрожали. Валя почувствовала, что ей доставляет удовольствие наблюдать его замешательство. Взрослый мужчина вдруг становился испуганным мальчишкой, когда ее серо-зеленые глаза смотрели на него. Это случалось не один раз во время подготовки выставки, наверняка он так же робел, разговаривая с нею по телефону, едва слыша ее голос. Валя представляла, как он нервно поводит головой, словно стряхивая с себя напряжение. Как его бледное лицо в один миг покрывалось краснотой, горячей, обжигающей. Он стыдился этого явного проявления эмоций.

— Ты очень талантлива, Валюша, — не глядя на нее, произнес Андрей. — Это

своеобразный крест. Раньше мне всегда казалось, что талантливый человек обязан быть счастливым. Но Божья благодать в одном награждает, другого лишает.

— К чему ты об этом сейчас? — удивленно подняла брови Валя.

— Когда же еще. Я хочу, чтобы ты знала — начнутся испытания, неожиданные перемены. Ты должна быть готова. Надеюсь, ты выстоишь.

— Мне становится не по себе.

— Нет, рановато. Пока что-то изменилось только на уровне эмоций, но не души. Я о другом, — Андрей многозначительно посмотрел на Валу. Впервые за время их знакомства он нашел в себе смелость не отвести взгляд. Он держал паузу, вкладывая в долгий взгляд все недосказанное. То, для чего трудно подобрать слова. Они витают вокруг и становятся как бы осязаемыми, касаются щек, губ, ускользая. — Мне так много нужно тебе сказать, Валуша.

— Здесь? — Валя испуганно посмотрела по сторонам, наткнулась взглядом на приближающихся к ним Вадима и Димку.

— Конечно нет.

— Мне кажется, я знаю, о чем ты хочешь говорить.

— Знаешь? Нет, нет, ты не знаешь! — Андрей покачал головой, повышая голос.

— Жаль, если я ошибаюсь, — Валя улыбнулась, понимая, что кокетничает. Это было с ней впервые за всю жизнь с Беловым. Ей понравилось это удивительное состояние, когда каждое твое словно, жест, взгляд важны, долгожданны. Это было когда-то, но очень давно. И хотелось снова попасть в такую романтическую струю. Она еще раз скользнула взглядом по остолбеневшему от изумления Закревскому, но подошедшие Вадим с сыном не дали ей возможности что-либо добавить.

— Мне очень понравилось, — сказал Вадим, целуя жену в щеку.

— Мне тоже, — малыш прижался к маме, с гордостью глядя на нее.

— Я рада, даже слов нет, как я рада это слышать! — Валя светилась от счастья. В этот миг в глазах Вадима она увидела тот огонек, который в самом начале их знакомства согревал, давал надежду на то, что между ними происходило что-то серьезное.

— А не нужно ничего говорить, — улыбнулся Белов. И обращаясь к Закревскому, развел руками. — Вот так живешь с человеком, думаешь, что знаешь его, иногда просчитываешь каждый шаг, а оказывается — ты ошибаешься.

— Жена становится прочитанной книгой, ты об этом? — Андрей подмигнул Вадиму.

— Даже будучи закоренелым холостяком, ты все очень тонко подмечаешь. Но это не о нас с Валею. Теперь я уверен, что она таит в себе столько способностей, о которых мы с Димкой и не подозреваем. Правда?

— Поживем — увидим, — улыбнулась Валя. — Кстати, закоренелыми холостяками становятся ближе к сорока. Насколько мне известно, вы, молодые люди, еще не перешагнули порог тридцатилетия.

— Можно и в двадцать иметь душу старика, — заметил Андрей. — Иногда мне кажется, что я прожил столько жизней и невероятно устал от всего. Иногда — будто только появился на свет и оправдываю этим совершаемые ошибки.

— О, да ты философ, — Валя едва коснулась руки Андрея мимолетным, неконтролируемым движением.

— И к тому же неисправимый романтик, — добавил Вадим. Он видел, с каким нескрываемым обожанием смотрит Андрей на его жену. Но ни чувства ревности, ни страха потерять ее не испытывал. Он наблюдал со стороны, как страдает его друг и ничего не замечает витающая в облаках Валя. А может быть, она не настолько наивна, какую хочет казаться?

— Скоро начнется фуршет в малом зале, — заметил Андрей. — Я пойду проверю, все ли там в порядке. Кстати, к вам идет одна из влиятельных дам нашего города. Я уже имел удовольствие общаться с мадам Орловой. Наверняка Вадим как деловой человек знаком с нею.

Белов медленно, словно невзначай повернул голову и сразу встретился с жестким взглядом приближающейся высокой брюнетки. Конечно он узнал ее: Костя познакомил их на открытии «Вивы». Внешность у этой преуспевающей деловой женщины была запоминающейся. Наверное, в молодости она была красавицей. Сейчас, несмотря на возраст, она излучала то, что называют шармом. Это или есть, или нет. На нее нельзя не обратить внимания. Вадим заметил, как Валя быстро скользнула взглядом по приближающейся к ним женщине и вопросительно посмотрела на него. Он подмигнул жене, стараясь ее ободрить.

Несколько метров разделяло Ангелину Севастьяновну и Беловых. Женщина так несла свое слегка располневшее, роскошное тело, словно ступала по подиуму. В каждом ее движении явно просматривалось желание получить восторженные взгляды. Этого всегда у нее было в избытке, но с годами аппетита росли. Желание эпатировать стало даже болезненным. Она ожидала только обожания и зачастую не отличала истины от откровенной лести.

Орлова прожила бурную молодость, не менее интересную зрелость, сменила трех мужей, последнего похоронила год назад и, кажется, с тех времен активно занималась поиском кандидата на освободившееся место. Если бы не пристрастие к спиртному и любовь к богемному образу жизни, она бы сохранилась лучше. При более близком рассмотрении были явно видны маленькие хитрости макияжа, способствовавшие желанию оставаться молодой. Несколько отечное лицо, слегка нависшие над густо накрашенными ресницами веки, губы, контур которых был максимально расширен при помощи карандаша, — все это только подчеркивало бесплодность желания вернуть былую свежесть. Никакие украшения, ароматы, одежды не могли скрыть возраста увядающей женщины. И чем тщательнее она пыталась это делать, тем более выставляла годы напоказ.

Ангелину Севастьяновну Орлову называли золотым сердцем Горинска. Она была добра, щедра, непредсказуема и имела славу лишенной скупости и черствости бизнес-вумен: поддерживала Горинский детский дом, спонсировала многие творческие проекты, занималась благотворительностью, потому что денег, которые она имела в своем обороте, могло хватить на любые капризы. Ангелина знала, что нужно время от времени совершать добрые дела, и желательно, чтобы об этом знали. В ее поступках был еще некий расчет, что вполне естественно для человека, который привык просчитывать каждый свой шаг. Правда, иногда Орлова изменяла себе. Касалось это ее сердечных приключений. В частности поговаривали, что, приближаясь к пятидесятилетию, Ангелина совсем потеряла голову — она тратила баснословные средства на развлечения с молодыми мальчиками, которых потом благородно не бросала на произвол судьбы. Она составляла из них своеобразную свиту. Каждый считал своим долгом ответить на проявленное внимание. Они были готовы в нужный момент отслужить, доказать, выказать уважение.

До Вадима давно, в самом начале его брака с Валею доходили слухи, что и Закревский не оказался исключением. Этим якобы объяснялся резкий поворот в его судьбе, связанный с галереей. Вадим не задумывался над правдивостью этой информации. В любом случае он бы не стал осуждать товарища — каждый волен выбирать себе путь к вершине. Но глядя в этот вечер на Андрея, Белов не мог представить, что между ним и этой железной леди что-то

могло быть.

— Добрый вечер, — глухой, неожиданно низкий голос Орловой застал Валью врасплох. Она едва смогла скрыть удивление.

— Добрый вечер, — робко ответила Валя.

— Добрый вечер, Ангелина Севастьяновна, — чуть наклонив голову, ответил Вадим. Он только хотел произнести несколько дежурных комплиментов, но женщина опередила его.

— Я не могла не выразить свое восхищение автору всех этих замечательных работ, — медленно проговаривая каждое слово, обратилась она к Вале. — Вы, милочка, превзошли самое себя, должна заметить. Так молоды и так талантливы. У вас столько впереди, поверьте.

— Спасибо. — Валя снова почувствовала неловкость. Эта женщина вела себя так, будто это был ее прием, на котором было позволено выставить свои работы никому неизвестному художнику. Будто она давала жизнь этим окружающим со всех сторон облакам, деревьям.

— Я могу позволить себе быть откровенной. Поверьте, вы молодец. И не только в живописи преуспеваете. Я вижу, что ваш муж — самый красивый мужчина на этом вечере. — Увидев, что Валя окончательно смутилась, Орлова добавила, бросив на Вадима похотливый взгляд: — Вы правы, таких можно удержать только своей неординарностью. Уж я знаю толк в сердечных делах.

— Это очень тонкая тема.

— У вас замечательный малыш. — Ангелина Севастьяновна, словно не слыша Валиного ответа, потрепала Димку по волосам. Потом грациозно повела головой — она сказала все, что хотела, и с царственной улыбкой двинулась дальше. Пройдя пару шагов, оглянулась. — Поздравляю вас обоих с успехом, несомненным и надеюсь — не последним. Увидимся.

Когда она отошла на достаточное расстояние, Вадим рассмеялся.

— Эта надутая гусыня слушает кого-нибудь, кроме себя? — тихо, но возмущенно произнесла Валя. — Зачем она подходила? Что это за дама?

— Госпожа Орлова. Умная, деловая, но одинокая женщина, вступающая в полосу неотвратимого климакса, — прошептал ей на ухо Белов, провожая Ангелину долгим взглядом. — Прости ее. Но это хорошо, что ей понравилось, поверь — ее слова имеют вес. С такими людьми лучше дружить.

— Оказывается, я живу словно под колпаком. Ничего не знаю, какие-то ранги, ступени, а тебе только предстоит карабкаться, да и то с разрешения сильных мира сего, — Валя покачала головой. — На самом деле ведь мне больше ничего не нужно.

— Ты хочешь казаться проще, чем на самом деле.

— Нет, я говорю от души. Люди благодарят, я доставила им радость. Конечно, это приятно, зачем лукавить? Но это все, что мне было нужно. Ты обещал мне признание — я его получила. Спасибо.

— Мне-то за что?

— За выполненное обещание. Однажды мне показалось, что ты забыл о случайно оброненной фразе по поводу выставки, своих связей. Для женщины очень важно, чтобы мужчина, которого она любит, держал слово. Это помогает поддерживать чувства в полной боевой готовности, — засмеялась Валя. — Знаешь, я так хочу, чтобы ты всегда смотрел на меня вот так, как сейчас.

— Да, Сергеевна. Даже в такой момент ты пытаешься обелить портрет своего эгоистичного супруга. Ты действительно идеальная жена, — Вадим снова поцеловал жену в

щеку.

Димка стоял совершенно счастливый. Он радовался тому, что мама в настроении, что они вместе, что люди улыбаются им.

— Мама, сегодня праздник? — спросил он.

— Да, дорогой, самый настоящий.

— Странно. А разве праздник бывает без торта? Тем более, что сегодня твой день рождения. Так нечестно! Все говорят о выставке, и никто не дарит тебе подарков, — удивленно произнес малыш, чем вызвал смех родителей. — Дедушка с бабушкой и все ваши знакомые — они ведь должны тебя поздравить!

— Будет тебе торт, — приседая к Димке, сказал Вадим. — Потерпи немного. Скоро дядя Андрей пригласит всех в другой зал. Там будет много вкусного и обязательно торт.

— А сколько на нем будет свечей? — не унимался мальчик.

— Женщины скрывают свой возраст, поэтому на моем торте будут только розы, милый, — ответила Валя.

— Твоя мама неисправимая кокетка — она напрашивается на комплимент, — заметил Белов.

— Ты о чем? — Валя смотрела в смеющиеся голубые глаза мужа, не понимая, как ему удается быть таким разным.

— О том, что ты слишком молода, чтобы думать о количестве свечей. Пойдемте, Закревский приглашает всех к столу. Готовься к очередной порции лести, дорогая.

— Я готова. Андрей сказал, что все только начинается.

— Хорошо. Только не очень высоко отрывайся от земли, ладно? — Вадим взял за руку Димку. — Пусть твои облака не уносят тебя на недостижимое расстояние.

— Перестань меня пугать. Сначала Андрей, теперь — ты.

— Я предупреждаю.

— Я готова к переменам. Ты не представляешь, насколько я готова, — Валя поправила волосы и взяла мужа под руку. — Вопрос в вас: готовы ли вы принять меня новую?

Вадим пристально посмотрел в ее глаза. Ответа на вопрос не прозвучало. В этот момент он понял, что рядом с ним не та наивная девушка, с которой он познакомился пять лет назад. Почему он почувствовал эти изменения только сейчас? Он так часто витает в своих мыслях, которые уносят его все дальше от семьи, дома, что не оставалось времени наблюдать очевидные перемены. Рядом с ним была красивая, сильная, умная женщина, нуждавшаяся в его любви, внимании. Он сам толкает ее на путь независимости, отрицания. Вадим почувствовал зарождающийся в глубине души страх, что в определенный момент она сможет обойтись без него. Она не будет изворачиваться, балансировать. Она исчезнет в один миг, как снежинка на горячей ладони из белоснежного, резного, хрупкого зимнего цветка превращается в крошечную каплю. Обычную, прозрачную, согретую теплом твоей руки — и это кажется обманом. Так не должно происходить — слишком краткий миг созерцания красоты.

А он разрушает уже пять лет. Наталкивается на невероятно мягкий и одновременно твердый характер жены, упрямо самоутверждаясь за счет ее бесконечной любви. Нет, ничего нет бесконечного. Даже небеса, в которых витает в своих работах Валя, и они где-то переходят во что-то иное. Нельзя человеческим умом объять то, чему нет конца. Так и Валино обожание, ее бескорыстное всепрощение когда-нибудь сойдут на нет. Это была новая разрушающая мысль, которая крепко засела у Белова в голове. Даже несколько

мгновений существования с нею показались непростыми. Вадим понял, что пауза и его долгий, застывший взгляд заставляют Валю нервничать. Он поспешил улыбнуться, зная, что при этом выражение его лица становится доброжелательным, открытым.

Марина жила последнее время, как во сне. Она просыпалась счастливая и ложилась счастливая. В ее жизни что-то начало изменяться, и все благодаря этой удивительной женщине. Валю Марина называла в мыслях не иначе как спасительницей. Однообразный цикл, в котором каждый день был похож на другой, сменился праздником, начинавшимся с пробуждением и заканчивавшимся поздним вечером.

Марина не ощущала усталости. Она летала, успевая сделать все, что делала и раньше, плюс занятия на курсах парикмахерского мастерства. Зингеры, узнав о них, крайне удивились.

— Мариночка, как же так! — в голосе Софьи Львовны сквозила нескрываемая обида. — Мы столько раз предлагали тебе это, зная твои способности, и натыкались на категорический отказ. Что же случилось теперь?

— Повзрослела, наверное. Не обижайтесь, пожалуйста. Порадуйтесь за меня, ведь больше некому. Ни отца, ни матери, Алиса далеко — хоть вы! Я так счастлива, что моя жизнь снова обретает смысл, — улыбалась Марина, и Софье Львовне было трудно продолжать сердиться на нее.

— Если ты так говоришь, мы, конечно, рады за тебя. Дерзай. Кстати, привет тебе от Лялочки. Недавно звонила. Говорит, что тебя никак не застанет дома. Скучает по тебе.

— Спасибо. Я действительно дома появляюсь поздно, так пусть, не стесняясь, звонит после десяти — самое время, — ответила Марина. Она зашла на минуту проведать Софью Львовну, отдать прочитанную книгу и взять что-то новое. Так повелось с самого детства — обширная библиотека Зингеров служила Марине своеобразным путеводителем по жизни. Алиса часто говорила, что завидует тому, с какой легкостью Маринка проглатывает одну книгу за другой. Ляля не понимала, что эти ровные строчки на порой пожелтевших от времени страницах заменяли подруге приключения, которыми изобиловала ее бурная жизнь. Оставшись в одиночестве, Маринка окунулась в чтение с еще большим рвением. Это был еще один повод зайти поболтать с Софьей Львовной, ненавязчиво узнать о том, как живет Алиса. Как она там, в роли столичной дамы? Так хотелось услышать, что у нее наконец все в полном порядке.

Марина до сих пор болезненно вспоминала отъезд подруги. После разоблачения Белова казалось, что улеглись страсти, все стало на свои места. Марина решила, что теперь уж надолго именно она будет занимать самое важное в сердце Ляльки место, но нет! Подруга распорядилась по-своему. Зачем она так спешила?

Марина ни секунды не верила в то, что заключается брак по любви, как о том трезвонили газеты, журналы. Телевидение сошло с ума, показывая счастливую молодую избранницу известного бизнесмена Молчанова. Софья Львовна не один раз пыталась вызвать Маринку на откровенный разговор. Мать хотела разобраться в безрассудном поведении дочери, узнать имя того, от кого убегала Алиса. Софья Львовна была уверена, что ее близкой подруге известно больше, чем ей, но натолкнулась на молчание. Девочки умели хранить секреты. Марине казалось, что прошел год, целый долгий год, а ей до сих пор не прощается это. Матери было нелегко признать, что единственная дочь предпочла раскрыть свое сердце подруге, оставив в неведении ее саму. Наивная женщина полагала, что это

первый подобный случай. Пожалуй, ей действительно было лучше ни о чем не знать.

Марина продолжала оставаться для Зингеров девочкой, о которой они привыкли заботиться. Почти дочкой, почти — потому, что девочка хотя и росла у них на глазах, с самого начала хотела и была более самостоятельной и независимой, чем их родная дочь. Марина боялась преступить черту, которую определила сама. С годами Софья Львовна поняла, что девочка была права. Марина не приближалась достаточно близко, чтобы позднее не только ее радости, но и ее неудачи не становились причиной ее разочарования. Иногда девушке хотелось забыть о принципах и, уткнувшись в плечо тети Сони, разреветься, но всякий раз она останавливала себя. Она никогда не знала, что такое материнская ласка, и невероятно скучала по тому, чего не пришлось испытать. Только глядя на отношения Алисы с родителями, Марина понимала, чего лишена. Она получала похвалы только от Зингеров. Родная мать так крепко втолковала ей, что она — тупая уродина, что забыть об этой характеристике она не смогла до сих пор. Она тайком плакала, считая несправедливым такое положение вещей. Отсюда возникали многие проблемы, ершистость, показная самоуверенность. Марина должна была доказать этому миру, что способна пробиться сама, что у нее масса талантов. Она избрала не самый короткий и удачный путь для достижения своей цели. Бывало, Софья Львовна разводила руками.

— Что ты так расстраиваешься, Сонечка, — успокаивал ее Захар Борисович, — мы делаем для нее больше чем кто-либо. Но несмотря на это, она никогда не будет считать нас родными. Это зов крови, пойми. У каждого он свой и здесь ничего изменить нельзя. Я не удивлюсь, если в какой-то момент она начнет пить, как ее мать, царство ей небесное. Лучше бы не дожить нам до этого, но все возможно, повторяю, все. Со своими детьми не всегда разберешься, а ты о чужих.

Софья Львовна умом была согласна с мужем. Он редко ошибался, но сердце женщины отказывалось многое понимать. Так хотелось, чтобы теперь, когда Лялочка далеко, Марина выказывала им чуть больше знаков внимания. Она не могла не понимать, насколько болезненно переживают они отъезд Алисы. Мариша ведь видела, какие близкие, доверительные отношения царили в их семье. Неужели не возникло желание восполнить эту потерю элементарным проявлением внимания? Но Марина, напротив, стала еще реже показываться на глаза Софьи Львовны. Со своей стороны, она не хотела, чтобы тетя Соня видела, как ей тяжело переносить разлуку с Алисой. Это сейчас она могла спокойно слушать и благодарить за переданные по телефону приветы из столицы, а раньше, еще месяц назад, подобные разговоры заканчивались горькими слезами в пустой квартире. Никто не видел этих слез. Марина расценила поступок Алисы как предательство по отношению ко всем, кто ее любил по-настоящему. Добровольное заточение в роскошном дворце, обладание всевозможными привилегиями и возможностями в обмен на очерстевшее сердце...

Марина не могла успокоиться, долго обвиняя себя в том, что произошло с подругой. Все-таки не стоило раскрывать ей тайны Белова. Рано или поздно узнала бы сама. Хотя Алиса всегда была максималисткой. Она отдавала всю себя, полагая, что получает взамен не меньше. Интересно: говорят, что любовь бедна, если ее можно измерить, а когда в ее основе обман? Любовь разрастается, пускает в сердце корни, обволакивает разум невидимыми сладостными грезами и все вокруг перестает быть важным. Весь мир сосредотачивается в глазах того, кого любишь. И вдруг оказывается, эти глаза лгут. Они смотрели столько раз на твое обнаженное тело, были свидетелями того, как наслаждение захватывало и подбрасывало к небесам, спускаться оттуда было так легко. Возвращение сулило встречу,

очередную встречу с бесконечной магией глаз любимого. Все оказалось обманом — Марина понимала, как тяжело было Ляльке пережить это, но, с другой стороны, ведь жизнь на этом не заканчивается. И никто не заставлял подругу доказывать, что она может быть любима, любима по-настоящему, без черновиков — начисто, набело, страстно, долгожданно.

Марину не покидало чувство, что Алиса долго не выдержит. Начать с того, что за год подруга не удосужилась ни разу приехать в Горинск — телефонные звонки и только. Марина дала этому свое объяснение — боязнь встретиться с Беловым. Лялька не забыла его, да и он наверняка не забыл. Поверить в то, что с такой роскошной женщиной, как Алиса, можно расстаться без сожаления, без подспудного желания все вернуть, Марина не могла. Наступило время, когда она перестала по-женски завидовать подруге. Жизнь Молчановой, покрытая пологом тайн и недомолвок, уже не казалась несбыточной мечтой. Марине гораздо больше нравилось ее теперешнее положение, когда чувствуешь себя свободной и каждый день встречаешь с удовольствием, настроением.

Будто и обои те же, когда-то наклеенные своими руками, и краска на панелях потускнела, в некоторых местах совсем отвалилась, открывая серые плешки штукатурки, но даже все это стало восприниматься по-другому. Ничего не изменилось — и изменилось все. Просто потому, что в душе нет места мрачному отчаянию. Когда ты снова за руку с надеждой, обязательно происходят чудеса. Марина была рада этим ощущениям. Только маленький горшочек с фиалкой, которая без устали цветет уже третий год, вызывает грустную улыбку. Марина поливает ее, внимательно осматривает, поглаживает шершавые листики и вдыхает едва уловимый аромат цветов. Мысленно обращается к этому дивному творению природы, спрашивая, правильно ли она поступила много лет назад, оттолкнув того, кто в один холодный вечер принес горшочек с крошечной фиалкой? Он столько раз дарил ей этот цветок во сне, и каждый раз она просыпалась со слезами на глазах. Она спугнула свою первую любовь: «Тимур Закиров, где ты, с кем ты? Как складывается твоя жизнь?» — Марина вспоминала о своем очень коротком романе, горько сожалея о том, что не смогла простить Тимуру ничего не значащей для него ночи с однокурсницей. Он любил только ее, это ясно читалось в его черных глазах. А она упивалась своим горем, не желая ничего слышать, видеть. Ревность сделала ее неспособной трезво мыслить. И где, у кого узнать, придет ли снова это необыкновенное чувство, когда весь мир в глазах любимого? Марина знала точно: то, что она тогда сочла предательством, сейчас смогла бы простить. Да, да, и Алисе нужно было простить. Никаких крайностей, каждая из них — шаг к пропасти. Сначала невидимой, а потом неизбежной.

Не было дня, чтобы Марина не думала о Ляльке. Прошло ощущение пустоты и животного страха. Пришло понятие, что нужно продолжать жить. Болезненная зависимость и желание всегда быть рядом с подругой сменились размеренным ожиданием новостей. Их было мало, скудные, сухие разговоры: поздравления с праздниками, днем рождения. Слова, в которых не было и не будет той близости, открытости, что связывала подруг с детства. Ни обид, ни зла, нет ничего, что могло их поссорить, но кажется, столько недосказанного всю жизнь будет терзать обеих. Маринка свыклась, пришло время Лялькиной истины, что нельзя все время жить чужими страстями. Так было всегда — романы Алисы проносились в возбужденном мозгу подруги, обрастая новыми подробностями. Пришло время найти себя, зная, что нет рядом единственной подруги. Нет и не будет. Ее новая жизнь как небо и земля отличается от той, что ведет Марина. И пускай! Лялька получила свое, а теперь ее очередь.

В один из весенних вечеров Марина задержалась после работы. Она не стала, как

обычно, спешить домой, на улице уже темнело. Помахивая сумочкой, Маринка шла, вспоминая, как удачно сегодня сделала укладку одной клиентке: на курсах окончились практические занятия, и она попала в один из лучших парикмахерских салонов Горинска. Это было решено еще неделю тому назад, и хозяйка салона торопила ее с устройством на работу. Она видела, что у этой маленькой, худенькой девушки явный талант. Марина была на седьмом небе от счастья! Наверняка попала она туда потому, что выделялась на фоне остальных скучающих девчонок. Многие из них только окончили школу, поступать в институт не хотели и для успокоения «предков» подались на курсы. Они явно с облегчением вздыхали, когда занятия подходили к концу, а Марина словно впитывала приемы, маленькие хитрости, ловила движения рук мастеров, старалась ничего не пропустить. Для нее два месяца учебы промчались, пролетели.

Девушка внимательно прислушивалась и присматривалась ко всему. Единственное, что удивляло ее преподавателей, то, с каким рвением она защищалась от их желания изменить что-то в ее собственном облике. Все наперебой твердили, что рыжие волосы не украшают ее. Ей доказывали, что она сама должна выглядеть безукоризненно, чтобы пришедшие к ней клиенты были уверены в том, что попали к мастеру, обладающему вкусом.

— Мариночка, ну посмотри на себя. Такая красивая девушка. К чему этот кич? — но она только посмеивалась. — В конце концов, нужно хотя бы изменить их оттенок.

Что они могли знать о ее жизни? Однажды обретя желанный цвет при помощи обыкновенной хны, Марина отказывалась что-либо менять. Став обладательницей рыжих волос, она занималась самообманом. Просыпалась и выдела рассыпавшиеся по подушке пряди, закрывала глаза и представляла, что это Алиса спит рядом. Так часто бывало в детстве, когда Софья Львовна забирала Марину от буйства пьяной матери. Подруга любила спать на правом боку, тихонько посапывая. Ее лицо Марина могла рассматривать бесконечно, такой красивой, совершенной казалась Алиса девочке. Но чаще всего от ее пристального взгляда Лялька просыпалась, недовольно хмурила брови, но тут же расплывалась в улыбке. Начинался короткий диалог — до появления на пороге детской Софьи Львовны:

— Машка, опять ты сверлила меня взглядом!

— Извини, — Марина виновато опускалась на свою подушку, подкладывая руки под голову.

— О чем ты думаешь?

— Хочу, чтобы время остановилось.

— Зачем? — удивленно спрашивала Алиса. — Впереди столько интересного.

— Оно разъединит нас.

— Опять ты о своем. Почему ты все время боишься этого?

— Я уже говорила, потому что я умру без тебя...

Сколько раз она произносила это, будучи совершенно уверенной в правдивости своих слов. И Алиса снова и снова принималась убеждать ее в том, что нельзя так думать. Марине было приятно слушать ее голос, в котором явно звучало беспокойство. Наверняка Софья Львовна была в курсе настроений Маринки, потому что всячески старалась подчеркнуть, какой самостоятельной и умной девочкой она растет.

— Наша Мариша добьется в жизни всего, потому что иначе она не умеет! — Марина улыбалась, слушая эти внушения. Как это было давно...

Кажется, она начинает воплощать в действительность то, о чем не уставала говорить

тетя Соня. Первый результат был получен. Марина вспоминала удивленно вытянувшееся лицо директора школы, когда она заявила ему об уходе. Он так смотрел на нее, как будто видел перед собою сумасшедшую. Марине было неприятно выслушивать его наставления о том, что в наше время не бросаются работой. Она слушала его монотонный голос, думая, что скоро уволится и из больницы. Ей давно опостылело таскать половые тряпки, разводить хлорку, выстирывать свой халат. Раньше она не задумывалась над этим потому, что рядом была Алиса. Ради нескольких дополнительных минут общения с нею Марина была готова на все, даже радовалась, что обстоятельства свели их в одной больнице. А теперь все это не имело никакого значения. Она делает крутой поворот в своей жизни, новой жизни, в которой Лялька за тридевять земель, и нужно набираться собственного опыта.

Так размышляя, Марина медленно добрела до дома. Не хотелось заходить в подъезд, снова оказаться одной в комнате с распахнутым окном. Запахи весны, блуждающие по улице, встречали Марину с порога — для этого и оставлялось открытым настежь окно. Подняв голову, девушка сразу нашла окна Зингеров — у них в гостиной горел свет. Наверное, Захар Борисович и Софья Львовна после ужина сидят в креслах, попивая горячий кофе, обсуждая прошедший день. Сколько раз в детстве Марина была свидетелем этой сцены, повторяющейся практически ежедневно. Глядя на них, девочка мечтала, что когда-нибудь и у нее будет семья, внимательный муж, много детей, которые повиснут на шее у отца, вернувшегося с работы. А она будет встречать его с ужином, держать полотенце, пока он моет руки, улыбаясь чуть устало.

Потом Марина перевела взгляд на свои окна — в них темнота, хозяйничает тишина и ожидание возвращения хозяйки. Вздохнув, Марина стала подниматься по ступеням подъезда. Она вдруг почувствовала горечь, что некому разделить ее радость обновления, первых шагов навстречу новой жизни. Зингеры, конечно, не останутся к этому равнодушными, но им было бы гораздо приятнее, если бы то, что происходило, было связано с их советами, помощью. А так еще подумают, что девчонка решила снова показать характер — мол, вот я какая, и без вас обошлась, радуйтесь! Марина остановилась перед их дверью, постояла с минуту и решительно направилась к себе, благо сделать нужно несколько шагов.

Дальше словно включался автомат. Сначала девушка закрыла окно, зябко повела плечами — майский вечер был достаточно прохладен. Запоздалая весна не баловала теплом. Потом зашла на кухню, поставила чайник на плиту. Переодевшись, включила телевизор. Смотреть на черно-белый экран было невыносимо, потому что в салоне, где она проводила достаточно много времени, был цветной телевизор с дистанционным управлением. После его ярких красок эта серо-белая картинка на экране не впечатляла. Запахнув недавно купленный халат, Марина запрокинула голову и сказала вслух:

— Все будет, надо немного подождать. Осталось совсем чуть-чуть!

После легкого ужина Марина поняла, кто сможет понять ее настроение. Она не злоупотребляла общением с этой женщиной, боясь навязывать свое общество. До сих пор Марине казалось чудом, что Валя смогла повлиять на нее, направить на совершенно иной путь.

Наверное, в этой удивительной молодой женщине есть невероятные внутренние силы. Именно они ненавязчиво, но упорно действовали и сделали свое дело.

Несколько раз они встречались. Каждый раз Валя выглядела немного усталой, но всегда улыбалась, с интересом слушала Марину. Она понимала, как это важно, когда есть кому тебя просто выслушать. Только в последний раз Белова была растерянной, но воодушевленной.

Она была на подъеме: подходила к концу выставка, многочисленные хвалебные отзывы посетителей, критиков, приглашения в столицу — все это свалилось ей на голову. Организационную часть взял на себя Закревский. Валя была благодарна ему за то, что его внимание было неистощимым. И, встретившись с Мариной, она слушала ее рассказ об учебе, о ее успехах, по правде говоря, не очень внимательно. Валя была поглощена собственными переживаниями, и они были связаны не только с вопросами выставки. Марина тогда заметила, что, несмотря на все ее старания, собеседница витает где-то далеко. Это означало, что ей действительно не до разговоров. Марина вспомнила, как долго провожала Валю взглядом, разглядывая ее невысокую, чуть полноватую фигуру, не делавшую ее неповоротливой, тяжелой. Она несла свое тело легко, казалось, что вот-вот воспарит и понесется над землей, на удивление проходим. Почему-то Марина подумала тогда, что такая походка может быть только у влюбленной женщины...

Желание поговорить с Валею нарастало. К тому же они давно не общались, а Марине есть чем похвастаться. Она взяла телефон на диван и набрала ставший знакомым номер.

— Слушаю вас.

Мужской голос она почему-то не ожидала услышать. Внутри что-то предательски сжалось, все слова вылетели из головы. Марина недовольно поджала губы и собралась положить трубку. Разговаривать с Валиным мужем она не хотела. Но в последний момент решила, что это будет нехорошо — Белов наверняка в курсе того, что Валя помогает ей. Почему же она так себя ведет?

— Добрый вечер, извините, Валентина Сергеевна дома?

— Нет, но она скоро придет.

— Понятно, — Марина представила себе, как Вадим держит трубку и смотрит своими пронзительно голубыми глазами. Она давно, очень давно не видела Белова, но его взгляд, брошенный однажды не нее мимоходом как на неодушевленный предмет, она не забывала никогда. Этот мужчина, не желая того сам, показал, насколько она его не привлекает. Еще бы! В его полном распоряжении находились две такие удивительные женщины. При чем же тут серая мышка? Не мешала бы под ногами. Тогда это Марину очень задело. Ей не хотелось становиться еще одной жертвой этого красавчика, но элементарного пренебрежения она забыть не могла. Впрочем, сейчас это было давно ушедшее в небытие воспоминание, такое же далекое, как и дружба с Лялькой. Ничего нельзя вернуть, никогда больше не будет, как прежде.

— Можете перезвонить или я могу что-то передать. — Вадим был зол, как черт. Придя домой, он обнаружил у зеркала в прихожей записку: «Ушла на встречу с Закревским. Димка у твоих». Белов был вне себя. Он не мог дождаться возвращения жены, чтобы прямо сказать ей о том, как его раздражают эти участвовавшие деловые встречи с Андреем. Выставка давно позади, какие теперь вопросы они могут вместе обсуждать? Он боялся, что звонившая женщина попросит уточнить, когда именно она может перезвонить, и тут он мог не совладать с собой. Это было бы идеально — сорваться на незнакомку, не имеющую к его проблемам никакого отношения. Белов взял себя в руки и насколько мог любезно переспросил, воспользовавшись замешательством на том конце провода. — Принимаю даже самую секретную информацию, как лицо приближенное.

— Спасибо, не нужно ничего передавать, — Марина поняла, что со своими воспоминаниями сделала слишком длинную паузу. Она не смогла оценить напряженный юмор Белова. — Я, пожалуй, перезвоню в другой раз. До свидания.

— Всего доброго.

Марина была недовольна собой. Она ведь могла говорить по-другому. Теоретически могла, а практически — никак. В конце концов, это на его деньги происходят такие колоссальные перемены в ее жизни. Почему ей так редко удается вовремя, к месту показать свою благодарность? В этом ведь нет ничего предосудительного. Вот Софья Львовна, наверное, обижается, зачем же умножать обиды. Марина покачала головой, резко поставила телефон на место. Настроившись на разговор с Валей, она теперь почувствовала пустоту. Ни родителей, ни подруг, ни любимого — одна.

Она давно привыкла к этому: одинокие праздники, дни рождения. Для двадцати пяти лет она несла слишком тяжелый груз нереализованных чувств, неиспытанной любви, недополученной ласки, чтобы мечтать о чем-то другом. Марина ощущала груз еще непрожитых лет, надеясь, что в них будет чуть меньше проблем и боли. Она не надеялась, что когда-нибудь все это несметное богатство, с которым многие обращаются так расточительно, достанется ей. Она однажды смогла только прикоснуться к нему. Это было словно в другой жизни.

В этой ей была нужна хорошая работа, деньги, относительное материальное благополучие, чтобы самой себя побаловать за все прожитые годы. Марина верила, что она на пути к исполнению своих желаний. Кому-то любовь, семья, дети, а ей... Каждому свое.

Андрей знал, что поступает неправильно. Знал потому, что с детства мать учила его: не укради. А он замахнулся, но не на чужой кошелек или драгоценности, на более важное, незыблемое. Это наверняка карается строже — он понял, что не может больше скрывать свои чувства к Вале. Решение признаться ей в этом пришло совсем недавно, хотя все относительно: Закревский созрел больше месяца. Сначала он просто носил чувство в себе, не собираясь ни единым словом даже обмолвиться об этом. Одна-единственная фраза, оброненная сгоряча матери, и только. Какие у него могут быть шансы? Зачем думать о том, что безраздельно принадлежит Белову, красавцу, везунчику Белову. Но в какой-то момент Андрей понял, что стоит попытаться счастья. Чем больше он общался с Валей, приглядывался к ней, тем больше чувствовал ее душевную пустоту. Хотя она всячески сводила их общение к деловым разговорам, не любила говорить о себе.

— В моей жизни нет ничего интересного, поверь. Рядовая судьба девушки из провинции, которая, быть может, занимает не свое место. В этом легче признаться, чем что-то реально изменить, — эта фраза, оброненная в самом начале их знакомства, заставила Андрея по-другому смотреть на жену своего товарища. Сама того не желая, она призналась в том, что перемены возможны, только нужно явственно увидеть их неизбежность. С тех пор Андрей разрешил себе не только мечтать, но и надеяться.

На выставке она была одновременно счастливой и несчастной, такой незащищенной, вопросительно заглядывавшей в глаза Вадиму. Тогда-то Андрей снова убедился, что у них не все в порядке. Зная взрывную, не вписывающуюся ни в какие правила натуру Белова, можно было догадаться, что женщине, идущей с ним рядом, было несладко. Она так молода и, кажется, не осознает, насколько прекрасна. Он откроет ей саму себя, настоящую, потерянную в той жизни, которая убивает в ней все лучшее.

Андрей мечтал именно о такой женщине. Он влюбился в нее с первого взгляда. И пусть не говорят, что такого не может быть. С ним вот случилось — какие еще нужны доказательства? И какая это адская мука, грезить о той, которая каждое утро просыпается в

постели твоего друга, дарит ему свою любовь. А ведь Вадим наверняка не знает, что с этим богатством делать. Он — баловень, воспринимающий заботу, внимание как нечто само собою разумеющееся. Оно должно быть и все, несмотря на то, что он не прикладывает к этому никаких усилий. Ведь не прикладывает — Андрей был уверен, что не ошибается. Слишком часто грустны ее глаза, натянута дежурная улыбка. Она сияет, но зачастую этот теплый, искрящийся свет едва теплится, едва заметен. Он едва выживает, задавленный холодом, равнодушием любимого человека. Это ведь пытка, самая настоящая! Андрей не мог позволить, чтобы эта женщина незаслуженно страдала. Она не получает и сотой доли того, на что вполне обоснованно может рассчитывать. Он должен дать ей понять, что она заслуживает гораздо большего.

Закревский придумал повод для встречи: якобы необходимо обсудить детали предстоящей поездки в столицу и кое-какие мелочи. «Мелочи» содержали в себе его признание в любви, признание, которое обжигало, рвалось изнутри. Конечно, Валя согласилась встретиться сразу. Все, что было связано с ее картинами, притягивало женщину магнитом. Хотя, слушая неуверенный голос Андрея по телефону, она чувствовала, что дело не только в ее работах. Она догадывалась, что в разговоре будет как бы официальная и неофициальная часть.

«Пусть так, я могу позволить себе посидеть в кафе или в ресторане с хорошим человеком. Конечно могу!» — Валя не долго уговаривала себя. Встречу Андрей назначил в небольшом ресторанчике в центре Горинска. Она ни разу не была там. Она вообще не любила всех этих посиделок, но на этот раз перспектива провести время именно в уютном полумраке небольшого ресторана радовала Валу. Она не узнавала себя, когда так спокойно готовилась к встрече, которую свободно можно было назвать свиданием. Ей было немного смешно, когда она дотошно рассматривала себя в зеркале перед выходом. Димка многозначительно поднял вверх большой палец.

— Ну, если тебе понравилось, значит, все в полном порядке! — улыбнулась Валя, потрепав мальчика за волосы. Она собиралась отвезти сына к родителям Вадима. Галина Матвеевна всегда была рада видеть внука, а Петр Петрович предвкушал шумный, веселый вечер с этим непоседой.

Вадиму Валя решила оставить записку, хотя могла позвонить на работу и сама обо всем сказать. Ей не хотелось услышать недовольный голос мужа. Это наверняка будет потом, так пусть «счастливые» минуты подобия ревности отодвинутся подальше, как раз к моменту ее прихода. От сознания того, что она впервые поступает с Беловым не как с идолом, Валентина почувствовала необыкновенный прилив энергии, настроения. С лица сошла постоянная задумчивость — молодая женщина шла навстречу забытой романтике. Она постаралась на эти несколько часов выбросить из головы домашние заботы, ворчание Вадима, удивленные глаза Галины Матвеевны, увидевшей невестку при полном параде, просьбы Димки не задерживаться и забрать его не поздно. Все это оставалось там, за порогом маленького ресторанчика, куда Валя забежала, взволнованно поглядывая на часы. Немного не рассчитав с транспортом, она опоздала к назначенному часу. В вестибюле она бросила последний взгляд на свое отражение в огромном овальном зеркале, обворожительно улыбнулась швейцару. Она так не любила опаздывать.

Пятнадцать минут, которые Андрей ждал ее, сидя за маленьким столиком у окна, показались ему вечностью. Ждать и догонять — два самых изматывающих занятия, когда от тебя мало что зависит. Закревский собирался нервно прикурить очередную сигарету, когда

на пороге появилась Валя. После приветственных слов официант тут же показал ей столик. Андрей поднялся, облегченно выдохнув.

— Здравствуй. Я боялся, что ты передумала, — улыбаясь, сказал он.

— Извини, терпеть не могу опаздывать, — Валя села на предложенный стул. Быстрым движением провела рукой по гладко уложенным волосам, расстегнула пиджак. — Отвыкла от выходов из дома.

— Отвыкла от свиданий? — хитро сощурился Андрей.

— Деловых встреч?

— Можно и так. Я не стал делать заказ без тебя. Я не знаю, что ты любишь, — Андрей протянул ей меню и увидел, как грустная улыбка скользнула по лицу женщины. — Я сказал что-то не то?

— Нет, просто меня никто не спрашивал, что я люблю. У меня нет определенных пристрастий ни в еде, ни в одежде. Я разочаровываю тебя?

— Отнюдь.

— Тогда давай полагаться на твой вкус.

— Хорошо. Сегодня пятница. День не рыбный, но я предлагаю дары моря. Идет?

— Согласна, — Валя нетерпеливо заерзала на стуле. — По правде говоря, я сегодня так заработалась, что с самого утра кроме чашки кофе у меня во рту ничего не было.

— Вот это мне нравится!

Когда официант поставил на их столик все заказанное, Валя развела руками.

— Какая красота. Эти омары — что-то невероятное. А что вот это?

— Фирменное блюдо: перепелиные яйца, фаршированные красной и черной икрой. Называется «Гнездо». Посмотри, вот зелень, вот и оно из картофеля-фри, сплетенное так мастерски.

— Красиво, даже жалко есть.

— Рад, что тебе понравилось. А есть мы все это будем. По Павлову — не только вкусно, но и красиво. Помнишь, в школе проходили?

— Помню, — Валя смотрела на Закревского, чувствуя, что нет никакой скованности. Она словно очень давно знала этого человека. Он тоже вел себя свободнее обычного и от этого выглядел намного привлекательнее.

— Приступим, — Андрей разлил по бокалам белое вино. — Как у тебя со временем?

— Почему ты спрашиваешь?

— Хочу продлить удовольствие: сначала просто вкусить еду, а потом — деловые разговоры.

— Мы сможем все это сочетать.

— Легко, — подняв бокал, Андрей пристально посмотрел Вале в глаза. — За тебя, за твой успех. За удачу! За «Вечность», в которой хотелось летать, парить вместе с твоими облаками.

— Спасибо.

— Кстати, почему ты назвала эти работы именно так?

— Небо — оно будет всегда, — улыбнувшись, ответила Валя.

Они едва притронулись к вину. Отдавая должное отменной кухне, поддерживали непринужденный разговор. Андрей не хотел ни о деле говорить, ни о своих чувствах. Он боялся спугнуть ту удивительную атмосферу, которая царила за столом.

— И все-таки давай сочетать приятное с необходимым. Хотя разговор о столице,

кажется, не сможет испортить нам аппетит, — заметила Валя.

— Хорошо. Ты не возражаешь, если я закурю?

— Кури.

— Я знаю, ты не любишь запаха табака.

— Да, когда он — единственное, что делает мужчину мужчиной, — отводя взгляд, ответила Валя. Быстро осмотрелась по сторонам. — Хотя, наверное, я не права. Вон сколько женщин с сигаретой. Одним словом, кури, пожалуйста.

— Ты так интересно говоришь. — Закревский покрутил сигарету в пальцах, разминая ее, но положил обратно в пачку. Валя подняла брови, а он молча поджал губы. Мол, вот так-то будет лучше.

Нескольких минут хватило на то, чтобы Андрей посвятил Валию в возможные перспективы. Он говорил о выставке в столице, о том, что нашел меценатов. Предлагал немного отодвинуть сроки открытия, чтобы подготовить серию новых работ, объединенных общей темой. Наконец Закревский рассказал, что несколько ее работ хотели купить еще в первый день выставки. Теперь настала Валина очередь реагировать на происходящее.

— Продать картины? — Она была искренно удивлена. — Я не ожидала, честное пионерское.

— Представь себе. Ты радоваться должна, а у тебя на лице недоумение переходит в испуг. Чего боишься?

— Не знаю. Это у меня радость так необычно вырисовалась.

— Хорошо. Поговорим чуть позднее конкретно о каждой картине и цене.

— Согласна. Только без твоей консультации мне не обойтись, — Валя отпила из бокала, но ставить его на столик не стала. Глядя на сверкающий хрусталь, она вращала в руках хрупкое творение человеческих рук. Янтарная жидкость равномерно покачивалась, стекая по прозрачным стенкам. Вале не хотелось отрывать взгляд от этой картины. Она словно увидела что-то сильно ее впечатлившее. Андрей молча наблюдал за Валентиной, боясь разрушить то состояние, в котором она сейчас находилась. Это примерно так же, когда человек глубоко задумается и уставится в одну точку. Только резкое движение может вернуть его обратно. Наконец Валя едва заметно вздрогнула и поставила бокал на стол. Заметив, что Закревский смотрит на нее, виновато улыбнулась. — Извини, размечталась.

— Не могу себе представить, о чем может мечтать такая женщина.

— Какая?

— В богатом русском языке нет слов, чтобы передать твою красоту и очарование, Валуша.

— Перестань. Не нужно преувеличивать. Я каждый день вижу свое отражение в зеркале.

— Ты привыкла к себе, только и всего, — тихо сказал Андрей. — Или просто не хочешь замечать очевидных вещей.

— Да, ты прав, — Валя не отвела глаза в ответ на прямой взгляд Закревского. — Не хочу!

— На выставке ты сказала, что знаешь, о чем я хотел бы говорить с тобой, — после небольшой паузы продолжил Андрей. Он осторожно подбирал слова, понимая, что от них все зависит. — Ты уверена, что не ошибаешься?

— Нельзя быть стопроцентно уверенным в чем-то. Это удел недалеких, слаборазвитых людей — уверенность в себе, близких, завтрашнем дне, — как-то неожиданно зло произнесла Валя. Потом спохватилась и сказала мягче. — Единственное, в чем я не

ошибаюсь, — вижу твое невероятное внимание ко мне и, надеюсь, ты — мою ответную благодарность.

— Давай поднимем бокалы за внимание и благодарность, которые перерастут в более серьезные чувства! — набравшись смелости, выпалил Андрей. Не дождавшись Валиной реакции, он быстро добавил вина в оба бокала, поднял свой и вопросительно посмотрел на свою собеседницу.

— Мне не нравится такая формулировка. Что-то очень размытое. Словно не хватило красок и дорисовали чем пришлось, — дуэль взглядов продолжалась. Валя чувствовала, что сейчас за столиком сидит совершенно другая женщина, которая говорит эти слова. Она внешне — ее копия, а в душе что-то происходит. И эти изменения приятным теплом растекаются по телу, делая его легким, послушным, любимым.

— Ты хочешь, чтобы я сказал прямо?

— Да.

— Ты права, сто раз права. Не стоит тратить время на недомолвки, — Закревский заметил, как дрожит его рука, с силой сжимающая тонкую ножку бокала. — Я люблю тебя, Валя Белова. Люблю с самой первой нашей встречи. Сначала я влюбился в твои облака, а потом — в тебя. Я помню тот вечер, когда я впервые пришел к вам в гости. Помню все, до самых мелочей: каждое слово, жест, взгляд. Я просто погиб и воскрес в тот вечер. Такое чувство, будто придавило так, что дышать нечем, и тут же — окрылило, хоть летай! Я счастлив, что жизнь подарила мне встречу с тобой. Я все понимаю, всю нелепость ситуации. Эти чертовы любовные треугольники — никогда не хотел быть их героем. Надеюсь, что не буду. Обманы не для тебя и не для меня.

Закревский проглотил мешающий говорить комочек, опустил глаза, чувствуя, что они влажнеют. Он ненавидел себя за то, что делал. Он понимал, что прямо или косвенно он способствует разрушению того, что дало трещину. Он наносит удары, от которых нельзя укрыться. И здесь нужно было быть честным до конца.

— Я бы не решился на этот разговор, если бы не чувствовал, что ты несчастна. Милая, милая моя, ты каждый день видишь в зеркале свои грустные глаза. Ты так привыкла к этому, что даже радость выражается у тебя через страх. Это несправедливо. Я предлагаю тебе другую жизнь.

— Другую?

— В ней не будет места обманам, недоверию. Мы будем дорожить временем, не растрчивая его на пустые разговоры, огорчения, недовольства. У нас много общего. Мы сможем быть счастливы. Только любовь, слышишь! — Андрей чувствовал, что щеки его горят, во рту пересохло. — Теперь мы можем выпить за это?

— За мечту, за то, к чему все стремятся, но не у всех получается, — тихо произнесла Валя, осторожно коснулась бокала Андрея и быстро выпила до дна.

Закревский последовал ее примеру. Оба молчали, не глядя друг на друга. Андрей мысленно ругал себя, что сказал больше, чем намеревался. Он хотел просто дать Валентине понять, что чувствует. Получается, он открыто предлагает разрушить семью. Да еще неплохо бы выглядеть при этом благодетелем! Андрей снова взялся за сигарету и на этот раз быстро прикурил, нервно шелкая зажигалкой.

Валя понимала, что должна ответить. Такими словами не бросаются. Ей было приятно видеть и слышать, как Андрей искренне волнуется, вкладывает всего себя в свой монолог. Он снова напомнил ей, что она может безумно нравиться, способна вскружить голову и

получить от жизни то, что необходимо каждой женщине — любовь и преданность. Эти понятия нельзя измерить, нельзя объяснить, откуда они возникают в сердце и куда потом исчезают, оставляя незаживающие раны в душе. Сердце, душа, любовь — Валя с детства впитала глубину этих понятий и бережно хранила их внутри себя. Там, куда может попасть только твой самый близкий человек. Валя думала, что таким человеком станет Вадим. Ее первое, сильное чувство должно было вызвать такой же светлый отклик в душе Белова. Она искренне верила в это, но с каждым прожитым годом убеждалась в обратном. Она позволяла ему стать близким, исключительным, но он не стремился к этому. Белову нужно другое...

Валя потеряла озябшие руки. Она так нервничала, что кончики пальцев стали совсем холодными. Андрей следил за ее движениями, не в силах думать о том, что она ему ответит. А Валя, глядя на Закревского, испытывала противоречивое ощущение: она прониклась к нему симпатией, благодарностью, уважением, но не было ничего похожего на сердечный трепет. Напротив сидел чужой мужчина, который сегодня выглядит лучше обычного. Любовь окрыляет, делает сильнее, выше, красивее. Наверняка что-то подобное произошло и с Андреем. Он сам ощущал эти перемены. Но даже того обаяния, которое он излучал, не было для Вали достаточно. Она понимала, что пауза затянулась. Пора что-то ответить и так, чтобы не обидеть, не обнадежить, не ранить.

— Спасибо, Андрюша, — протягивая руку, наконец сказала Валя. Андрей мгновенно отреагировал, взяв ее ладонь в свои. — Я так благодарна тебе, даже слов не подберешь. Но пока мне больше нечем тебе ответить, прости.

— За что ты просишь прощения? Это я — глупец, разве можно вот так обрушивать свои чувства. — Андрей выпустил длинную, плотную струю дыма в сторону.

— Ты такой замечательный...

— Не надо, прошу тебя. Я чувствую себя обреченным больным, которому внушают, что он поправится, — Андрей почувствовал, как тонкие пальчики зашевелились в его ладонях, и отпустил их. Валя положила руки на колени и села неестественно прямо, вытянувшись, как струна. — Оставь мне чуточку надежды, если можешь.

— Я ни с кем не обсуждаю свою личную жизнь, но ты правильно заметил, что у нас с Вадимом есть проблемы. Они так давно, неотступно идут с нами по жизни, что иногда мне кажется, я свыклась с их существованием и перестаю их замечать. Иногда — весь мир теряет краски, становится черно-белым, мрачным. Тогда мне не хочется открывать утром глаза, но кроме моих желаний и эмоций существуют потребности еще одного, очень дорогого человечка. Порой только они придают мне силы. Я смотрю в его глаза и воскресаю, понимаешь?

— Ты говоришь о сыне?

— О Димке. Ему будет пять лет. Практически мы с ним не расстаемся. Только когда я усиленно готовилась к выставке, я часто отвозила его к родителям Вадима, бабушке. Ему это не нравилось, но самое главное, что я спокойно относилась к разлуке. Раньше полдня без него казались пыткой, а тут... — Валя повела плечами. — Извини, я говорю совсем не то, что ты хочешь слышать.

— Ты говоришь от души, я все понимаю.

— Андрюша, я хочу, чтобы ты знал: мое присутствие здесь, сейчас уже означает мое равнодушное отношение к тебе. Признаюсь, я шла не на деловую встречу — на свидание. Я давно забыла эти ощущения и хотела снова побыть в роли настоящей женщины. Ты подарил мне удивительный вечер, — Валя немного расслабилась. Ее поза уже не была такой

напряженной, как несколько минут назад. — Я бы не хотела, чтобы наши отношения дали трещину.

— Кто-то говорил о расплывчатых формулировках, — усмехнулся Закревский.

— Не забывай, что я — замужняя женщина. Мне простительно.

— Я ни на минуту не забывал, что ты — жена моего друга.

— Твои слова и ранят, и врачуют. Мне хочется вскочить и убежать. Я не делаю этого, чтобы не выглядеть глупо и чтобы не разорвать ту нить, которая связывает нас. Давай не будем пока торопиться. Просто я буду знать, что у меня есть друг, человек, на которого я могу положиться.

— Как скажешь. Разве можно настаивать, — Андрей снова наполнил бокалы. Он чувствовал себя совершенно разбитым. Ему тоже хотелось выбежать из полумрака маленького зала, оставив за спиной недоуменный взгляд Вали, ее недосказанные слова, фактический отказ. — Самое время перевести разговор на другую тему.

— Не мешало бы, — согласилась Валя.

— Тогда еще один вопрос о твоих картинах, — Закревский налил вино в бокалы. — Почему ты рисуешь небо?

— Между нами только небо, — задумчиво ответила Валя. — Между мной и мамой, между мной и родителями. Они смотрит на меня оттуда, а я стараюсь приблизиться, ощутить их присутствие. Так я соединила нас троих, чего не случилось, пока они были живы. Мне их очень не хватает.

— Не думал, что ты ответишь так.

— Опять разочаровала? Все просто, просто и сложно. Важно, чтобы картины трогали сердца, касались самого сокровенного. Я рисовала их для себя, поверишь? Теперь я знаю, что их увидит огромное число людей, и испытываю боязнь: достучусь ли? — Валя подняла бокал. — Давай еще по чуть-чуть. За что на этот раз?

— За тебя, за твое счастье, за исполнение желаний. Они снова коснулись бокалов друг друга, медленно, смакуя, выпили искрящееся вино. Легкий хмель расслабил Валу. Она чувствовала необъяснимую грусть, хотя на душе было легко. Она не хотела смотреть на часы. В который раз за последнее время она делала что-то для себя, только для себя. Она была удивлена, что не испытывала угрызений совести на этот счет. Она ничего не отнимала ни у мужа, ни у сына. Ей был нужен этот вечер, глаза Андрея, его слова. Она не могла до конца понять, что происходит. Наверняка все идет так, как должно. Она не делает ничего плохого, Андрей — тоже. Просто встретились два одиноких человека. Ведь и в кругу многочисленного семейства можно чувствовать себя одинокой. Каждодневная суэта не оставляет времени на размышления, но стоит остановиться, как разоблачающие мысли лезут в голову. Отбрасывая любовь и привязанность к сыну, Валя не стала снова обманываться — она одинока. Материнская любовь — это одно, непонимание любимым человеком — другое. Поэтому она здесь. Поэтому она не станет спешить домой. Эти несколько часов свободны от всех обязательств.

Валя улыбнулась, заметив, как пристально наблюдает за нею Андрей. Ей хотелось, чтобы у него не осталось неприятного осадка после этого вечера. Он столько души вложил в свое нелегкое признание. Она должна как-то выразить ему свою благодарность. Словно отвечая ее мыслям, Закревский снова взял ее руку в свои.

— Спасибо тебе. Теперь у меня столько воспоминаний останется. Не думал, что я еще не совсем очерствел, — Андрей оживился. — Нам предстоят великие дела, Валя Белова. Я

всегда буду рядом. Я больше не стану говорить о своей любви. Только ты, пожалуйста, не забывай, что мое сердце открыто для тебя, для тебя и Димки. Мой дом — твой дом. Не забудешь?

— Обещаю, — тихо ответила Валя.

— А теперь пойдём танцевать?

— С удовольствием. Сто лет не танцевала.

— Прекрасно. Я — тоже, — Андрей поднялся, не выпуская руку Вали. Улыбаясь, она следовала за ним на середину танцевальной площадки.

Медленная музыка, плавные движения, взгляды, когда не нужно ничего говорить. Его руки нежно касались Вали, она обняла его за шею, закрыла глаза. В какой-то момент она почувствовала, что заплачет. Стало так больно, что такие счастливые минуты дарит ей не Вадим. Неужели в их жизни этому нет больше места? Валя открыла глаза, мгновенно встретив вопросительный взгляд Андрея. Вале показалось, что его зеленые глаза излучают какой-то только ей видимый свет. От него стало так тепло, уютно. Она почувствовала себя защищенной, воздушной, сказочно богатой. Улыбнувшись, Валя чуть крепче обняла Андрея.

— Мне так уютно, так хорошо, — прошептала она ему на ухо.

Белов не хотел идти домой. Он не был уверен, что там его ждут. Такое положение сложилось за последние месяцы. Можно было прийти и снова обнаружить записку вместо домашних. Димка слишком часто за последнее время остается у родителей не только на день, но и ночевать, а он и Валя ложатся спать, стараясь не касаться друг друга. Четко разложенное одеяло, пограничная линия между двумя телами, чтобы даже тепла не ощущать. Самое трудное — делать вид, что уже спишь. Он чувствует, что Валя подолгу смотрит на него, потом все-таки осторожно опускается на подушку и засыпает. Спальня превратилась в самое тихое, бесстрастное место в квартире. В гостиной, на кухне хотя бы изредка происходит выяснение отношений, в детской шумит Димка, а здесь — тяжелая тишина, едва улавливаемый ритм дыхания.

Последняя ссора произошла пару недель назад. Деловая встреча Вали с Закревским разъярила Белова. Едва Валя переступила порог квартиры, он обрушился на нее, полный негодования. Правда, Вадим сразу пожалел том, что был так безосновательно груб. Валя недоуменно смотрела на него, слушала обвинения, но в конце концов пожала плечами и гордо отправилась спать в детскую на Димкин диван. Она не стала оправдываться, что-то доказывать, просто жестом прервала его безумный словесный поток. Говорить вслед, в спину он не мог и только раздосадованно кусал губы, оставшись в одиночестве с невероятным желанием закурить.

Белов решил, что все дело в звонке Галины Матвеевны. Она, что называется, подлила масла в огонь.

— Вадюша, я не пойму, что у вас там происходит? — Вадим как раз нервно поглядывал на часы, отмечая, что жене пора бы и вернуться с деловой встречи.

— Ты о чем, мама?

— Раньше Валя, отдавая нам Димку на выходной, сто раз звонила, беспокоилась. Да и получить внука в полное распоряжение было непросто. Что случилось теперь? Мне кажется, мальчик стал вам мешать.

— Оставь, мам, просто вы так хорошо справлялись со своими обязанностями, что Валя перестала беспокоиться, — едва сдерживая раздражение, ответил Вадим. — Вы ведь так

долго этого добивались.

Вспоминая, что говорила еще Галина Матвеевна, он испытал неприятное, переворачивающее все внутри чувство ревности. Он не мог представить, что в Валиной жизни может появиться другой мужчина. Ведь именно к этому вела мама.

— Я знаю — у нее больше не осталось сил. Это очень щекотливый момент, когда дома нет взаимопонимания, и неожиданно появляется человек, который думает, говорит, чувствует так же, как ты. Происходит внутренняя переоценка. Ты можешь все потерять, сын. Пойми, я сомневаюсь, что снова смогу понять тебя.

— Да о чем ты говоришь? — Вадим перешел на повышенные тона.

— Не кричи, пожалуйста. Разберись в том, что происходит в твоём доме. Прошу тебя, милый. Подумай не только о себе.

— Договорились, я буду думать обо всем человечестве.

— Твои комментарии ни к месту.

Он анализировал этот разговор. И на душе становилось все паршивее. Барахтаясь в собственных противоречиях, он терял то, что, казалось, принадлежит ему пожизненно, без вариантов. Мама наивно полагает, что открывает для него истину. Он давно перестал быть откровенным с кем-либо, даже с родителями, всё знающей мамой. Так что советы со стороны казались ему ненужной информацией. Кто может знать, что творится в его душе? Кто лучше него разберется с собой?

Вадим ни минуты не сомневался в Вале, но то, как она постепенно, шаг за шагом, планомерно отдаляется, не заметить было трудно. Она становилась все менее беззащитной, зависимой, неуверенной. На место наивного, хрупкого создания, обидеть которое можно не просто поступком, словом — взглядом, пришла совершенно другая, уверенная в себе женщина. Она уже не настолько нуждалась в нем, как в первое время их семейной жизни. Незаметно ушла ее восторженность, всепрощение, открытость. И Вадим не был уверен, что эти изменения его радуют. Гораздо проще, спокойнее было общаться раньше, когда каждый твой жест важен, каждое произнесенное слово становится изречением. Так было, только Вадим никак не хотел понимать, что было очень давно. Все изменилось. Постоянно уделяя время только собственным переживаниям, он упустил момент превращения юного, зависимого создания в нуждающуюся в настоящих чувствах женщину.

Он никогда не анализировал ее поступки, не пытался понять, что она чувствует. У него не было на это ни времени, ни желания. Все эти годы он пользовался ее нерешительностью, боязнью потерять его расположение, ее деликатностью. Он удивлялся ее умению держать все под контролем в самых критических ситуациях. Белов был уверен, что Валя всегда чувствовала, когда он начинает отдаляться. Всегда знала, какая причина этому: работа, стрессы, другая женщина. Ему было приятно видеть, как она старается быть деликатной, давая ему возможность разобраться в себе, своих желаниях. Но он не подумал о том, что любому терпению приходит конец. И самая великая любовь может разбиться о стену равнодушия, непонимания, истощиться от редких подачек, подтачивающих душу.

Кажется, Валентина вспомнила о том, что и сама может чего-то хотеть? Сын уже достаточно вырос для того, чтобы его мать могла заниматься чем-то для себя. Муж в очередной раз испытывает на прочность ее чувства, находясь в состоянии физического присутствия, исключая нормальное общение. Осталось рисование и Закревский. Эти новые возможности заполнения душевной пустоты появились недавно, но сразу потеснили привычные, сложившиеся ориентиры. Вадим чувствовал, что его место в жизни Вали

постепенно теряет ту прочность, основательность, незыблемость. Его все больше оттесняли ее сокровенные желания. Белов был вне себя: она позволила себе быть к нему менее внимательной, менее влюбленной, не нуждающейся в нем каждодневно, ежеминутно!

Весна за окном благоухала сиренью, жасмином, свежей зеленью листьев и трав. Ожило все — только в душе у Белова было невыносимо холодно и грустно. Его состояние настолько не вязалось с окружающим великолепием, что Белову хотелось вывернуться наизнанку. Он подставлял лицо солнечным лучам, надеясь, что они помогут растопить ту ледяную глыбу, которая обжигала все внутри. Вадим не находил себе места. Он не мог долго находиться без привычного, стопроцентного внимания. А как же насчет сердца, которое он держит в своих руках? Кажется, ладони ничего не ощущают, никакого груза.

Он чувствовал себя чужим в собственном доме. Этого ощущения не было даже тогда, когда он возвращался сюда после очередного свидания с Алисой. Продолжая чувствовать вкус губ рыжеволосой красавицы, прямо смотрел в глаза жене. Она ни о чем не спрашивала. Ее улыбка и задорный смех Димки, его возглас: «Папа!» — все это казалось незыблемым. Белов не думал тогда о том, как это важно: возвращаться туда, где тебя ждут.

Сейчас настали тяжелые времена. Вадим спрашивал себя: «Не напридумывал ли я все эти проблемы? В самом деле, жена просто нашла отдушину, которая помогает ей чувствовать себя особенной. Это так важно для женщины, почему не принять эти перемены всем сердцем?» Нет, он понимал, что дело не только в выставке, которая с успехом прошла в Горинске, не только в будущей поездке с новой серией работ в столицу. Главное, что раздражало Вадима, — с марта имя Андрея звучало из уст Вали слишком часто. Это происходило каждый день, изматывая Белова, хотя внешне он оставался спокойным.

Костя тоже заметил, что с компаньоном что-то происходит. Проскурин привык к резкой смене настроения товарища, но это стало сказываться на работе: Вадим мог опоздать на совещание, проигнорировать деловую встречу, молча отсиживаться, когда речь шла о новых подходах в расширении их бизнеса. Он находился где-то далеко от задач их бизнеса.

— Послушай, Петрович, тебе еще интересно получать хорошие деньги? Прости, что напоминаю, но кроме витания в облаках ты должен работать! — однажды Проскурин не выдержал и выпалил это в глаза Вадиму. Тон, которым все было сказано, не оставлял надежд на то, что Костя будет и дальше закрывать глаза на провалы в деловой активности своего компаньона. — Дружба дружбой, а служба службой. Соберись, прошу тебя. И не жди, что я отправлю тебя в очередной отпуск. Его нужно заработать!

Вадим перенес этот выпад легко, что называется, пропустил мимо ушей. Только отметил про себя, что все сговорились добить его: мама, Валя, теперь Костик. Он как всегда отшутился, чем не успокоил Проскурина, а привел в еще большее недоумение, и в этот же день отпрашился с работы пораньше.

— Я завтра отработаю сверхурочные часы, — уже в дверях с улыбкой заверил он Проскурина.

— Завтра выходной день, Вадим, — иронично заметил Костя. — Иди без всяких отговорок. Все равно ты только сидишь и сверлишь меня невидящим взглядом. Что с тобой, черт возьми?

— Весна, весна...

— Ты невыносим, иди с глаз моих, — нарочито сердито сказал Проскурин.

— Ухожу. До встречи, — Белов медленно закрыл за собой дверь. Длинный коридор

показался ему бесконечным лабиринтом. Наконец, попрощавшись на выходе с охранником, он выдохнул с облегчением.

Сев в машину, он понял, что на самом деле ему некуда спешить: на кафедре началась очередная пора экзаменов — занятия сменились консультациями в первой половине дня. Скоро ему предстояло выслушивать зазубренные ответы студентов, ловить кокетливые взгляды юных длинноногих красавиц, почувствовать себя на время вершителем судеб. Белов не представлял, что в таком состоянии способен нормально что-либо воспринимать. Последнее время ему казалось, что кафедра мешает плодотворной работе на фирме, а фирма — нормальной работе на кафедре. Ему перестала доставлять удовольствие способность четко планировать время и успевать все. Какая-то внутренняя лень, апатия пожирала его изнутри.

Белов остановил машину, откинувшись на сидение, закрыл глаза. До дома оставалось несколько минут езды. Вадим понял, что не вынесет, если, позвонив в дверь, снова не услышит в ответ ни звука. Такое могло быть — последнее время Валя не обременяла себя звонками на его работу, чтобы предупредить о своих планах. И будто не делала она ничего плохого, и Андрей по-прежнему свободно, открыто смотрел ему в глаза, но что-то саднило в душе. Белов прочно связал цепь: картины — Андрей — Валя — успех. Ему здесь не было места. Он понял, что привык всегда быть на первом месте, только не ценил того, когда к нему именно так и относились, возводили на пьедестал. Он почувствовал себя обманутым, брошенным.

Вадим открыл глаза. Где он? Белов выглянул в окно автомобиля и обомлел: он остановился у центрального гастронома. За ним большой, старый двор с до боли знакомым домом, подъездом, окнами. Желание снова оказаться там было сильнее доводов рассудка, умолявшего не делать этого. Быстро выйдя из машины, Белов решительно направился к дому, где раньше жила Алиса, где в квартире ее лучшей подруги они были так беззаботны и счастливы. С каждым шагом его походка становилось менее легкой, пружинистой, ноги словно прилипали к асфальту. Отступить Вадим не хотел. Совсем недавно он уже проявил непростительную трусость, когда передумал встречаться с Алисой. Белов поморщился, вспоминая, как за нею закрылась дверь магазина. Закрылась, навсегда лишая его надежды, вырывая из сердца последние ее ростки...

Стоя перед знакомой дверью, обитой все тем же дерматином, Вадим неестественно выпрямился. Он снова закрыл глаза, вспоминая, как она открывалась и на пороге стояла улыбающаяся Лиска. Воспоминания были опасными: от них дышать стало трудно, сердце застучало очень быстро. Вадим прижал руку к груди, чувствуя каждый удар. Казалось, грудная клетка вздымается, едва выдерживая натиск.

Сверху кто-то стал спускаться по лестнице. Белов понял, что может оказаться в глупом положении. Он не подумал, что случится, если он нажмет кнопку звонка. Рука сама потянулась к маленькой коричневой точке — раздался звонок. Вадим придал своему лицу спокойное выражение, мысленно желая, чтобы в квартире никого не оказалось. Но чуда не произошло. Дверь открылась, и у Вадима перехватило дыхание. В первый момент он едва поверил своим глазам. Напряжение и нарастающее волнение было тому виной — рыжие волосы Марины привели Вадима в замешательство. Он не видел ничего, кроме этого рыжего пятна, разрастающегося и размывающего все остальное. Ничто больше не имело значения. Вадим пришел в себя и заметил огромные округлившиеся зеленые глаза Марины. Она смотрела на него, борясь с желанием юркнуть за дверь и запереться на замок. Она не могла

понять — что этот мужчина делает здесь? Именно об этом Марина и спросила.

— Что вам нужно?

— Вместо приветствия звучит здорово. Приятно, что вы меня сразу узнали, — прячась за привычный ироничный тон, ответил Вадим. Правда, сразу спохватился, ведь дверь могла снова закрыться. Поскольку Вадим ничего не планировал, он соображал на ходу, как вести себя дальше. — Извините, пожалуйста. Боюсь, моя просьба покажется странной, но не отказывайте сразу, хорошо?

— Что вам нужно? — Марина повторила свой вопрос другим тоном. Ушел страх, остались усталость и нетерпение.

— Можно мне зайти?

— Зачем?

— Для меня это очень важно...

— Чепуха, — Марина нервно провела рукой по волосам. Она собралась было закрыть дверь, но что-то такое промелькнуло во взгляде Белова, после чего она молча показала, что он может войти.

— Спасибо, — тихо сказал Белов и шагнул внутрь.

— Проходите в комнату, — Марина пропустила нежданного гостя вперед. Он вошел, осторожно ступая, словно боясь разбудить спящего звуками скрипучего пола.

В комнате ничего не изменилось. Вадим удивился, до чего точно он помнил обстановку, каждую мелочь. Тот же плед, стол, черно-белый телевизор, обои, пожалуй, немного выгорели, даже запах. Вадим был уверен, что улавливает тонкий, едва уловимый аромат духов, когда-то подаренных им Алисе. Он настолько четко почувствовал его, что покачал головой — наваждение.

Открытый балкон выходил во двор. Вадим подошел и поправил гардину. Теперь только эта прозрачная ткань отгораживала их от внешнего мира. Мира, которого словно и не существовало. Все казалось призрачным, нелепым, нереальным: его приход, ее разрешение войти. Оглянувшись, Белов увидел, что Марина внимательно наблюдает за ним, сложив руки под грудью. Такие худенькие руки, и она сама такая стройная, даже слишком. Бледное лицо с огромными глазами, пристально смотревшими на него. Он почувствовал себя настолько неловко от этого взгляда, что не смог его выдержать. Тяжело опустился на единственный стул, забыв о правилах хорошего тона. Ему было не до этикета.

Марина удивленно подняла брови. Происходящее больше напоминало нелепый сон, в котором у нее есть возможность высказать обидчику своей подруги все. Сколько раз она делала это, просыпаясь в слезах. Хотя что это могло изменить? Алиса избегает общения, сторонится всего, что напоминает ей о прошлом. Ей нет дела до чьих-либо страданий, потому что своих хватает с головой. Марина чувствовала, что Алиса утопает в них и некому протянуть ей руку помощи. Разве можно что-то исправить? О чем говорить, какие вопросы задавать? На что повлияют ее эмоциональные обвинения? Неожиданная встреча. Теперь он так близко, прячет глаза и с трудом подбирает слова, чтобы объяснить свой приход сюда.

Белову действительно было не по себе. Он ругал себя за то, что поддался минутному порыву и вернулся в прошлое. Здесь время словно остановилось. Еще мгновение — откроется дверь и на пороге появится Алиса... Но вместо нее на диван присела невысокая хрупкая женщина с невероятно яркими рыжими волосами, рассыпавшимися тонкими прядями по плечам. Что она могла думать о нем? Наверняка все зависело от того, насколько Алиса посвятила ее в подробности их романа. Кажется, Марину Лиска считала самой

преданной подругой, готовой ради нее на все. Значит, его приход для нее — приход наглого подлеца, обманщика, предателя. Это черным по белому написано на ее лице, презрительно сжатых губах. Белов несмело взглянул на хозяйку, сразу же пожалев об этом: казалось, она хочет испепелить его.

— Долго мы так будем сидеть? — спросила она, закинув ногу за ногу. Обтянутые ярко-зелеными лосинами, они показались Вадиму неестественно худыми.

— Мне нужен хотя бы ее телефон, — неожиданно для себя произнес Вадим. Вообще говорил не он, кто-то другой, сидящий глубоко внутри, заставлял произносить какие-то звуки.

— Интересно, — растягивая слово, Марина закусила губу. — Мне кажется, при желании за год она могла его вам дать. Если этого не произошло — простите, ничем не могу помочь.

— Вы не понимаете, о чем говорите! — устало откинувшись на спинку дивана, сказал Вадим. — Вереница ошибок должна закончиться. У меня никогда не было девушки на один день, ночь. Все было очень страстно, от всего сердца. Полюбил — женись, строгое правило, которое срабатывало три раза. На Алисе я сломался. Я никогда не чувствовал ничего подобного, но больше не хотел перемен. Она просто должна была быть в моей жизни — без обязательств, уз брака, самых невинных обещаний. Я и сейчас не знаю, к чему бы мы пришли... Я остался ни с чем. Везде разлад. Жизнь одна, а мы размениваемся на ненужные доказательства собственной значимости. Кому и зачем это нужно?

— Действительно, зачем? — Марина покачала головой. Она внимательно слушала его откровения, боясь оборвать эту полную нескрываемой горечи речь. — Как странно, что вы вообще решили зайти ко мне. От такой внутренней боли не помогают никакие средства. Дайте времени вылечить вас. А здесь вам делать нечего — бессмысленная трата времени. Да и нервы свои же пощадите, если прошлое вам так дорого, как вы пытаетесь мне внушить.

— Не обвиняйте меня ни в чем. Не надо. Я сам делаю это более изощренно, — Белов закрыл глаза, провел ладонью по мягкому ворсу пледа. Ощущения вернули его в те дни, когда этот старый скрипучий диван был для него с Лиской самым райским местом на земле. Сколько нежных, страстных слов слышали эти стены, сколько стонов утонуло, приглушенных мягким движением ладони... — Я хочу говорить о ней. Я не делал этого с того самого дня, как мы поссорились. Я не мог найти слова, чтобы выразить тот трепет, который охватывал меня при одной мысли о ней. Так было, поверьте. Три месяца между небом и землей. Дома — реальность, семья, молчаливый упрек жены, а с Лиской... Скажите, откуда она узнала, что я женат?

— Вы думаете, я должна знать?

— Да, ведь вас она считала самой близкой подругой.

— Все в прошлом, Вадим.

— Не для меня.

— Хорошо, я отвечу, — зеленые глаза Марины сверкнули вызывающе. — Она бы еще долго доверчиво поглощала все новые порции лжи, но на то я и преданная подруга, чтобы раскрыть глаза. Надо отметить, что я дала вам достаточно времени, чтобы самому расставить все на свои места.

— Значит, это сделали вы... — обреченно произнес Вадим, стараясь понять, что он теперь чувствует к этой женщине. На удивление, ничего, похожего на ненависть, не ощутил. Напротив, ему показалось, что теперь он понял, почему она это сделала. Наверняка из ревности. Она пыталась получить в свое полное распоряжение любимую подругу, конечно,

именно так.

— Да, и телефон Алисы я не дам.

— И не нужно, — улыбнулся Вадим. На удивленный взгляд Марины добавил: — Он мне не нужен. Звонка от меня она не ждет. Я с ней не так давно виделся. Случайная встреча показала, что меня в ее жизни больше нет. Мое место занял идеальный муж с кошельком, вес которого наверняка превышает его собственный. Вообще обстоятельства для Алисы Захаровны сложились более чем удачно. Она родилась, чтобы сверкать! Я при всем желании никогда не смог бы так скоро обеспечить ей райскую жизнь. Я рад, что она оказалась в раю уже при жизни.

Удивление Марины росло. Теперь она совершенно не понимала, зачем Белов оказался в ее доме. К чему эти воспоминания? Если с Алисой он окончательно выяснил отношения, то его появление можно объяснить только тоской по утраченной любви, бессилию что-либо изменить. Но чем она-то может помочь?

— Ладно, психолог, — Марина поднялась и подошла к Вадиму. — Посидел, повспоминал и довольно. У меня на субботний вечер были другие планы.

— Да нет у тебя никаких планов, — резко перейдя на «ты», заметил Белов. Он взмахнул руками, имитируя движение крыльев. — Находишься в свободном полете, так что не будем врать. Я и так уже собирался уходить.

Он медленно встал и вдруг снова явственно почувствовал запах духов Алисы. Он был совсем рядом. Белов подался в сторону, оглядывая комнату безумным взглядом.

— Что случилось? — оставив без внимания последние слова Вадима, спросила Марина.

— Я, кажется, схожу с ума, — прошептал Белов, глядя ей прямо в глаза.

В один миг произошло что-то необъяснимое: перед ним стояла не Марина. Зеленые глаза стали темными, почти черными, рыжие волосы поглотили окружающее пространство, тонкий холодный запах, казалось, окутал их невидимым облаком. Оно сделало размытым очертания комнаты, и Вадим видел только расширенные зрачки, которые становились все ближе, ближе. В какой-то миг они тоже исчезли, а губы встретили горячую, податливую влагу поцелуя. Марина попыталась выскользнуть из неожиданных объятий, но тщетно...

Все произошло очень быстро. В какой-то момент Белов понял, что произошло непоправимое. Он уже не мог ничего изменить, отмотать назад. На него смотрели испуганные, полные слез глаза цвета яркой травы, омытой дождем. Смотрели не мигая, прожигая его насквозь. Он не мог отвести взгляд, но и выдерживать его скоро не стало сил. Вадим пытался что-то сказать, но слова не шли с языка. Он открыл рот и, глотая воздух, пытался издать хоть звук — тщетно. Он подумал, что нелепо смотрится со стороны, и почувствовал, как лицо заливают румянец. Лицо Марины было, напротив, бледным, словно ушла жизнь из этого маленького, хрупкого тела. Ушла вместе с отчаянным криком, который разрезал гнетущую тишину нелепого, скорого обладания.

Этот крик не остановил Вадима. Он молча, подавшись ритму собственных ощущений, бесстыдно брал эту женщину. Он ничего не испытал, ничего, подобного наслаждению, приходящему всякий раз в конце любовной игры. Не открывая глаз, он давил, мямл, разворачивал уже податливое тело, чередуя нежность с грубостью. Попытки сопротивления были сломлены в первые мгновения. Это было сделать легко — неравные силы, predetermined исход. Первый опыт насилия оказался не таким уж страшным. Вадим чувствовал знакомый холодный запах и, закрыв глаза, пытался поймать ускользающие ощущения. Ни единого слова, ни ласкового, ни бранного. Без имен, нежных прозвищ или

неподдающихся контролю возгласов. Тяжелое дыхание мужчины и страшный скрип старого, оцепеневшего от происходящего дивана. Казалось, стены подались вперед, делая крохотную комнату еще меньше, теснее. Будто у них появились глаза, и так не терпелось увидеть поближе: неужели это происходит с их хозяйкой? Не может быть!

Наконец безумие кончилось. Марина оттолкнула Вадима, высвобождаясь из-под него. Вадим приподнялся на локте, посмотрел ей вслед: она мигом выскочила из комнаты, а вскоре из ванны раздался размеренный шум душа. Вадим откинулся на спину, с силой прижал ладони к лицу. Он словно только сейчас пришел в себя. В его тело снова вернулся тот Белов, который не мог так поступить с женщиной. Он взял ее силой. Оглядевшись, не понимая до конца, как такое могло произойти, Вадим старался найти оправдание своему поступку. На полу валялась разорванная футболка Марины, под головой оказались ее ярко-зеленые лосины. Белов посмотрел на свою измятую рубашку, спущенные до колен брюки и, застонав, снова закрыл глаза. Предстояло самое страшное — встретиться с ней взглядом, услышать ее слова. Пусть они будут невероятно грубыми, матерными, пусть она выгонит его прочь, обозвав самыми последними словами. Он примет их как должное, он будет только благодарен!

Шум воды стих. Вадим вскочил, застегнул брюки. Он хотел пригладить волосы, но рука не повиновалась, оставшись безжизненно висеть, словно плеть. В проеме двери показалась Марина. Она надела длинный махровый халат, поясok которого яростно перебирали ее тонкие пальцы.

— Ванна в твоём распоряжении, — тихо сказала она и вышла из комнаты. Он даже не успел рассмотреть выражение ее лица.

Белов опешил. Тяжесть от гадливости к себе заставила его снова сесть на диван. Он опустил голову и почувствовал быструю, сильную пульсацию крови в висках. Казалось, что тонкая кожа может не выдержать такого давления. Белов почувствовал головокружение, сухость во рту. Поборов дурноту, он поднялся и медленно побрел в ванную. В коридоре он почувствовал запах табака — Марина курила, стоя лицом к окну. Он видел белый столбик сигареты, дрожавший в длинных пальцах, серые клубы дыма, окутавшие беззащитное тело. Вадим быстро отвел взгляд, боясь, что женщина сейчас повернется, и ему придется встретиться с нею взглядом. Все равно ведь этот момент неотвратим. Белов хотел отодвинуть его хотя бы еще на несколько минут и юркнул в ванную.

Когда он осторожно открыл дверь, то уловил в воздухе, кроме сигаретного запаха, аромат свежесваренного кофе. Нужно было выйти и что-то говорить в свое оправдание. Марина услышала звук открываемой двери и выглянула из кухни. Вадим остановился и оперся о стену в коридоре.

— Я хочу курить, — преодолевая спазм, произнес он. В этот момент он понял, что если не почувствует вкус табака — просто умрет. Его сердце остановится, не выдержав того накала самобичевания и презрения, которое он обрушил на себя.

— Сигареты в кухне на столе, — ответила Марина. Она чуть посторонилась, когда Вадим прошел мимо. Внимательно наблюдала, как он достал сигарету, потом взглядом нашел спички, прикурил и глубоко затянулся, прикрывая глаза. — Это, конечно, не «БТ», но...

Марина подошла к столу, присела на стул. Вадим не оборачиваясь стоял у окна. Высокий, красивый мужчина, ее первый мужчина, к которому она не испытывала ничего, кроме жалости. Они не были нужны друг другу. Та, которая смутила его разум сегодня,

давно живет в другом городе, в другой жизни. Это у нее должны остаться эти мелкие синяки. Марина посмотрела на свои запястья, стараясь заставить себя возненавидеть его, так бессовестно и грубо овладевшего ею. Но ничего похожего не возникало. Она смотрела на Вадима, со страхом понимая, что не может грубо обращаться с ним. Что же должно происходить в его душе, чтобы он сорвался на такой поступок? Прикурив еще одну сигарету, Марина отбросила волосы за спину.

— Кофе, пожалуйста, — сказала она, пододвигая к Вадиму чашку с горячим напитком. Из второй отхлебнула сама.

— Прости меня, ради бога, прости, — не оборачиваясь, Белов нашел в себе силы сказать это. — Я — свинья. Меня кастрировать мало. Не знаю, что на меня нашло. Прости, пожалуйста. Что я могу сделать для тебя?

— Пустяки. Я и мечтать о таком не могла: самый красивый мужчина Горинска наконец-то лишил меня девственности, — Марина не ожидала от себя такой смелости. Несколько минут назад она едва нашла в себе силы выйти из ванной комнаты, а теперь может иронично говорить о том, что произошло. Она увидела, как удивленно смотрит на нее Вадим, силясь сообразить: издевается она или говорит серьезно. — Я не шучу. Когда-нибудь это все-таки должно было произойти.

Белов медленно сел на стул, резко затушил остаток сигареты. Он выглядел, как человек совершивший преступление в состоянии аффекта, а теперь явившийся с повинной. Он пытался объяснить Марине и прежде всего самому себе, что он не настолько прогнивший, аморальный тип, как справедливо можно было подумать. Время шло, а нужные слова не приходили. Вадим прижал холодные ладони к чашке с остывающим кофе. Приятное тепло согревало, успокаивало.

— Не мучайся, Вадим Белов, — усмехнувшись, произнесла Марина. В тоне ее мелькнула ирония: она успокаивает его, не смешно ли? — На самом деле ты сделал мне подарок: я была на ее месте. У меня ее волосы, ее духи, ее мужчина только что был со мной близок. Хотя зачем обманываться — ты представлял ее, ты вымещал всю свою досаду на ней. Я просто оказалась под рукой — грубовато, но меня это не оскорбляет. Не о чем говорить. Я не держу на тебя зла. Только у меня есть просьба.

— Да, да, проси, сделай одолжение! — Вадим оживился, отхлебнул кофе и приготовился слушать.

— Я больше не хочу тебя видеть. Никогда! — металлические нотки в голосе Марины больно резанули слух Вадима. Он поставил чашку на стол и поднялся. Марина поправила полы халата, крепче подтянула поясок. — Я однажды говорила эту фразу любимому человеку. Сегодня — чужому, далекому, слабому. Слова те же, а в сердце ничего не встрепенулось, как тогда...

Вадим кивнул головой. Он не чувствовал ничего, едва переставлял ноги, хотя внешне все выглядело так, что ему не хочется уходить. Замедленные движения, сутулые плечи, ожидание последних слов становилось невыносимым.

— Марина, — открыв входную дверь, он позвал ее. Раздалось шарканье тапочек, и Марина остановилась в двух шагах. — Скажи, ты когда-нибудь обманывала?

— Станный вопрос, но у меня на него конкретный ответ: никогда. Я всегда была слишком правдива. В моей жизни не было места притворству, обману. Это нелегко.

— Так что же мешает жить: правда или ложь?

— Ложь, даже та, которая во спасение. Даже умирающему нужно говорить правду, а не

кормить его баснями, — Марина удивленно смотрела на Белова — недавний румянец сменила бледность, такая, что казалось, он близок к обмороку. — Не знаю, к чему ты клонишь, но я не собираюсь рассказывать кому-либо о том, что произошло. Можешь быть спокойным. У тебя такая замечательная жена. Она заставила меня посмотреть на мир другими глазами, она изменила мою жизнь. Я не могу быть неблагодарной — от меня она не получит такого сюрприза. Наверняка уже настрадалась, хватит.

— Женская солидарность во всей красе, — заметил Вадим, пытаясь изобразить улыбку, но мышцы лица отказывались повиноваться. Губы подрагивали, брови сошлись на переносице. Он был готов подойти и встряхнуть эту маленькую, хрупкую женщину, которая так достойно держится. Они все гораздо выше него: Валя, Алиса, Марина. Три женщины его жизни, такие разные и такие одинаковые. Он губит их, а они выживают. Словно удивительный цветок, который становится сильнее, выше, красивее, когда приходится начинать все сначала. Наверняка, расставаясь с ним, и Регина, и Марьям нашли достойное место под солнцем. Алиса сбежала без обвинений и упреков — она вознаграждена. Марина тоже найдет свое счастье — она ведь говорит, что ее жизнь меняется, осталась Валя... Она уже не так близка, как раньше. Он чувствует, как расстояние между ними становится непреодолимым. Виноват он, только он, но разве от сознания этого становится легче? Все предопределено.

— Перекрась волосы. Сделай их такими, как были. Ты ведь другая, так будь собой, — вдруг тихо сказал Белов. — Вспомни, как мама гладила тебя по голове и приговаривала, какая красивая у нее девочка.

— О, я хорошо все помню. Она трепала меня за мои соломенные хвостики и кричала, что я — тупая уродина, из-за которой у нее все неприятности в жизни, — странно улыбаясь, ответила Марина.

— Прости, прости, я не хотел, — прошептал Вадим и быстро оказался за дверью. Он услышал, как Марина провернула два раза замок и, не в силах двинуться, медленно опустился, скользя спиной по недавно покрашенной стене.

Прошло пару минут, и снизу послышались чьи-то шаги. Вадим продолжал сидеть, не мигая глядя перед собой. Тусклый свет лампочки где-то над головой отбрасывал мелькающие тени мотыльков. Их беспорядочное кружение лишь в первый момент заняло внимание Белова, а потом стало слишком однообразным, скучным — Вадим отвел глаза и уставился в стену напротив. Ему было безразлично, что кто-то может его увидеть, что его присутствие здесь в таком виде может вызвать вопросы. Он знал, что не станет отвечать на них. Он онемел, оглох, перестал что-либо ощущать. Только внутри беспощадно терзало невероятных размеров чувство вины. Оно отвоевывало себе все больше места, вытесняя сердце, легкие, не давая крови совершать свой безостановочный бег. Вадим не мог пошевелиться. Он не знал, что способно вывести его из этого состояния оцепенения. Словно превратился в бестелесную, безмозглую субстанцию. Еще несколько мгновений — и у двери напротив остановилась пара немолодых людей, внимательно смотревших на Вадима. Высокий, грузный мужчина в строгом темно-сером костюме открывал замок, одновременно глядя на странного неподвижно сидящего молодого человека. Женщина оказалась более решительной. Она собралась было завязать с незнакомцем разговор, но ее спутник мягко остановил ее и, открыв дверь, сам подошел к нему.

— Молодой человек, вам плохо? Что с вами? Помочь? — Захар Борисович склонился над Вадимом, заметив, что тот продолжает смотреть прямо перед собой. — Ответьте, прошу

вас.

— Захар, я сейчас принесу воды для начала, — засуетилась Софья Львовна, не закрывая двери, направилась на кухню и быстро вернулась со стаканом воды. — Сделайте пару глотков.

Вадим мгновенно вышел из состояния ступора. Он понял, что перед ним родители Алисы. Их встревоженные лица были совсем близко. Рука с широким обручальным кольцом протягивает ему воду. Прозрачная жидкость чуть колеблется, и смотреть на это становится пыткой. Вадим медленно поднялся, машинально поправляя волосы и, ни слова не говоря, откуда и силы взялись, стремительно бросился бежать вниз, перепрыгивая ступеньки, держась за перила.

— Кажется, у нашей Маринки появился возлюбленный, такой красавчик, — победоносно улыбаясь, как будто в этом была и ее заслуга, сказала Софья Львовна. Она выпила воду и тронула мужа за рукав. — Пойдем. Надо будет сказать Алисе об этом, а то она очень переживает, что оставила свою близкую подругу в полном одиночестве.

— С чего ты взяла, что он имеет отношение к Марине? — удивленно поднял брови Зингер. Он тяжело опустился в кресло, стоящее в гостиной.

— Я чувствую. Только почему он был так бледен? Поссорились, не иначе. У Марины характерец еще тот.

— Ладно тебе. Теперь ночь спать не будешь и завтра девочку вопросами забросаешь, — нарочито недовольно произнес Захар Борисович.

— Не наговаривай на меня. Маринка ведь нам не чужая.

— Не спорю. Я буду только рад, если в ее жизни все сложится достойно.

Софья Львовна улыбнулась и перевела взгляд на фотографию Алисы. В ее глазах разлилось море грусти, смешанной с тоской.

— Я тоже. Если бы можно было знать наверняка, что для них означает «достойно», — задумчиво сказала Софья Львовна и перехватила тревожный взгляд мужа. — Они совсем другие.

Захар Борисович поднялся и, подойдя к жене, нежно обнял ее за плечи. Софья Львовна благодарно сжала его руку. Она была счастлива с этим человеком уже почти тридцать лет. Она не представляла никого на его месте, никогда не жалея о своем выборе. Они вырастили прекрасную дочь, и теперь, когда она была далеко, близость понимающего, заботливого, любимого мужа не давала ей впасть в отчаяние от разлуки. Он всегда находил нужные слова, а иногда вот так, без слов, одним прикосновением давал понять, что он рядом. Софье Львовне так важно было чувствовать себя защищенной. Так воспитывала ее мать: муж — опора, непререкаемый авторитет, друг.

Такого союза хотела она и для Ляльки. Своенравная дочь была совершенно не похожа на свою покладистую мать. И иногда Софье Львовне казалось, что она не знает истинных желаний своего единственного чада. Она отгоняла от себя мысли о том, что давно нет между ними той близости, когда каждым событием хочется поделиться, и трудно держать в себе самую крохотную радость. Сжимая руку мужа, Софья Львовна смотрела на портрет Алисы: улыбающаяся длинноволосая красавица с искрящимися карими глазами. Этот задорный, самоуверенный взгляд оживляет фотографию, кажется, она вот-вот заговорит. Алиса всегда была бойкой, смелой, прекрасной. Такой ее видели родители и только такой необыкновенной, насыщенной жизни желали они ей. Желали всем сердцем, при необходимости могли пожертвовать всем ради этого. Никто не требовал жертв, все будто бы

и складывалось словно в сказке. Но не было покоя на душе у Софьи Львовны. Она с детства знала, что не во всех сказках все заканчивается хорошо.

Алиса стояла ошарашенная, совершенно раздавленная. Она не могла до конца осознать того, о чем ей сказали минуту назад. День начался так замечательно. Гарик в приподнятом настроении умчался по делам, обещая быть к обеду. Она собиралась позвонить маме — та давно заждалась и скучала по ней. Столько планов на предстоящие выходные и вот... Это не могло случиться с нею, это ошибка! Она оглянулась, словно ища поддержки, желая увидеть что-то, доказывающее, что происходит нелепый, жестокий розыгрыш. Но коридор больницы, больницы в которую она ехала, до последнего не веря в то, что ее там ждут страшные вести, был полон собственных забот, и никому не было до нее дела.

Увидев, как старательно прячет глаза доктор, как медленно произносит слова, смысл которых не сразу доходит до ее взволнованного, потерявшего равновесие сознания, Алиса сразу поняла, что случилось что-то непоправимое. Этот мужчина в белом халате, должно быть, сошел с ума! Что он говорит? Гарик был всегда здоров, полон сил, энергичен, никогда ни на что не жаловался. Он шутил, что у него внутри нет органов, которые могут болеть. И поэтому сообщение о том, что Гарик находится в тяжелом состоянии в больнице, что он на операционном столе и врачи борются за его жизнь, привело Алису в состояние полного разлада. Она выключила мобильный телефон, глухо ответив: «Сейчас буду».

Ее тело била мелкая дрожь, руки дрожали, а сигарета заканчивались через три затяжки. Уже несколько дней Алиса ездила сама на подаренной Гариком в день ее рождения машине. Она выбрала ее сама. Гарик открыл каталог и сказал: «Выбирай себе подарок».

Она, не глядя на цены, практически сразу показала на черный джип-«мерседес». Алиса вспомнила, как муж удивленно присвистнул и улыбнулся.

— Не ожидал! — восторженно произнес он. — Почему он?

— Это же классика, ничего лишнего. Ты согласен? Строгие формы, дизайн на все времена. Такой автомобиль должен быть чудом в управлении. Я уверена, что он для меня, — ответила Алиса, закрыв глаза. Она уже представляла себя за рулем этого красавца.

Молчанов не ожидал от жены такого выбора, но беспрекословно выполнил свое обещание. Джип пришелся ей сразу по душе. Она чувствовала эту машину. Ей было уютно, удобно за рулем, словно она — водитель с многолетним стажем. Однако сегодня от ее уверенности не осталось и следа. Она не могла представить, что сможет следить за дорогой, автоматически переключать скорости, реагировать на движущиеся в потоке автомобили. Благо Славик все еще находился при ней, только теперь в качестве пассажира. Это было очень кстати, потому что сесть за руль в этот раз Алиса попросила его. Она нашла его в гараже, перебирающим ворох мелких деталей. На удивленный взгляд Славы она протянула ему ключи от машины и попросила: «Быстрее в Первую больницу, как можно быстрее! С Гариком беда...»

За всю дорогу она не проронила ни слова. Только количество выкуренных сигарет явно превысило ее обычную суточную норму. Слава, обычно подшучивавший над ее манерой театрально держать сигарету в длинном коричневом мундштуке, молчал, искоса наблюдая за хозяйкой. Он был понятливый мальчик — с Молчановым случилось что-то страшное. Но какого черта! Он видел его здорового и невредимого пару часов назад, когда тот сел в свою машину и умчался куда-то...

Гарик не всегда сообщал о своих планах — Алиса привыкла к этому. И не знала, куда он

уехал. Находясь в полном недоумении, она только нервно ерзала на сиденье всякий раз, когда приходилось останавливаться на красный сигнал светофора. Едва автомобиль затормозил во дворе больницы, Алиса резко открыла дверь и помчалась к ступенькам, ведущим ко входу. Славе она на ходу крикнула, чтобы ждал ее на улице.

Из краткого телефонного разговора Алиса знала, что искать врача нужно в отделении травматологии. Она не была в состоянии анализировать это, не задавала вопрос «что это может означать?» Алиса стремительно шла по длинному коридору, когда ее остановил уже знакомый голос. Она навсегда запомнила этот тембр и те слова, которые он произносил. Теперь предстояла беседа глаза в глаза.

— Здравствуйте. Вы Молчанова, — не спрашивая, а констатируя, сказал доктор. — Меня зовут Виктор Павлович.

— Алиса Захаровна, Алиса, — нервно ответила она.

— Вы быстро приехали.

— Что с ним?

Из слов доктора следовало, что Гарик не справился с управлением самолета, осваивать который он начал в начале весны. А то, что он вообще остался жив, было похоже на чудо. Алиса почувствовала, как пол начинает медленно уходить из-под ее ног, вынуждая найти опору. Холодная крашеная стена помогла удержать равновесие, а через мгновение крепкая рука доктора сжала ее локоть. Оказавшись в светлом, залитом солнечными лучами кабинете, Алиса обхватила голову руками. Волосы беспорядочно рассыпались по плечам, спине, спадали, переливаясь под ярким светом. Она сидела и монотонно раскачивалась, едва слыша то, что продолжал говорить доктор.

К чему еще слова? Все ясно. Не зря ей с самого первого знакомства с новой «игрушкой» мужа было не по себе. Это был тот самый сюрприз, который Молчанову хотелось поскорее преподнести ей. Тогда, в марте она стояла на небольшом аэродроме, смотрела на взволнованно-радостное лицо Гарика и слушала о его планах показать ей с высоты птичьего полета строительство их нового загородного дома. Алиса только улыбалась, удивляясь тому, какой, в сущности, ребенок ее деловой и всемогущий муж. Он хочет все время удивлять ее, вызывать восхищение. Ему так важно, чтобы она смотрела на него восторженными глазами. Почему же он не поймет, что ей не нужно всего этого! Ей было стыдно признаться даже себе, что Гарик не становился ближе и роднее, несмотря на растущее количество тех сумасшедших подарков и поступков, которые он периодически совершал ради нее. Единственная ее мечта — ребенок — пока оставалась недостижимой. Это изводило ее, приводило к мыслям о ненужности своего существования, о том, что слишком много грехов совершила она в жизни и теперь получает заслуженное наказание. Может быть, природа нарочно подвергала ее испытанию временем, чтобы она смогла определиться в своих желаниях до конца? Хотя какое это имеет значение, если Гарик не поднимется больше.

Теперь, после того, как до нее все-таки дошел смысл произнесенных доктором слов, она пожалела, что рядом нет Славы. Ей просто необходимо было внимательно посмотреть в его глаза и увидеть их привычное насмешливое выражение. Он всегда словно подвергал сомнению каждое слово. Сначала эта манера раздражала Алису, а потом понравилась. Сейчас ей не хватало именно такой реакции — он бы осмеял слова врача, на что она была неспособна. Он придал бы ей сил. Конечно, так бы и было, ну почему она оставила его в больничном дворе?

— Алиса Захаровна, мы делаем все возможное, но травмы очень серьезны. Сотрясение

мозга, многочисленные переломы ребер, а главное... Мы не знаем, сможет ли Эдуард Михайлович передвигаться, как раньше. Позвоночник — это самое неприятное в этой истории. Прогноз не очень обнадеживающий, — сказал доктор и посмотрел на Алису так, что ей стало понятно: Гарик парализован. Зачем они спасали его? Неужели они не понимают, что для него это хуже смерти. Ему с его энергией стать беспомощным бревном — немыслимо!

— Я могу попасть к нему? — выдавила из себя Алиса.

— Нет, он без сознания в реанимации. Его только что привезли из операционной. Вам не нужно здесь оставаться. Мы позвоним, когда потребуется ваше присутствие. Я просто не мог говорить такие вещи по телефону, — буравя Алису почти черными глазами, продолжал доктор. — Молодой, здоровый организм найдет силы бороться, обязательно найдет.

— Я никуда не поеду. Я подожду, пока он придет в себя. Я хочу быть первой, кого он увидит, когда вернется, — упрямо проговорила Алиса. — Для него это очень важно, понять, что я рядом!

— Дорогая Алиса Захаровна, не нужно бессмысленного геройства. Вам еще понадобятся силы, очень много сил и терпения. Так что не разбрасывайтесь ими. Поезжайте домой. Надеюсь, вы с водителем? — Алиса кивнула, не в силах больше произнести ни слова. — Тогда мужайтесь. Мы сделаем все возможное. Пойдемте, я провожу вас.

Доктор довел Алису до выхода из отделения. Оглянувшись, она увидела оставшийся позади длинный узкий коридор, по которому медленно передвигались пациенты в пижамах и быстро мелькали люди в белых халатах и шапочках. В конце коридора горела маленькая красная лампочка рентгеновского кабинета. Алиса внимательно посмотрела на эту красную точку, нахмутив брови: и в ее жизни сейчас включился красный свет — стоп, остановка неопределенный период времени. Кстати, а насколько неопределенный?

— Скажите, Виктор Павлович, — обратилась она к доктору, — сколько длится реабилитация после таких тяжелых травм?

— Трудно ответить однозначно: от полугода до нескольких лет.

— Лет? — В глазах Алисы застыл ужас.

— Да, Алиса Захаровна, мужайтесь. Судьба решила послать вам одно из самых нелегких испытаний. Сочувствую, сделаю сам все, что в моих силах. Я знал вашего мужа как самого порядочного человека, неочерстневшего, понимающего чужое горе. Ирония судьбы — знаете, благодаря кому наше травматологическое отделение было переоборудовано по последнему слову техники в прошлом году? Благодаря щедрой финансовой поддержке Эдуарда Михайловича. Как вы понимаете, наша благодарность теперь выразится в том, что мы уделим ему максимальное внимание, максимальное! Хотелось бы, чтобы все было по-другому, но, увы, повороты судьбы непредсказуемы.

— Да, это точно, — тихо сказала Алиса. — Спасибо, не нужно меня дальше провожать. Внизу меня ждет машина. До завтра.

— Внизу уже ожидают журналисты. Не знаю, как им удастся обо всем узнавать так быстро.

— Это их профессия, — Алису не могли испугать вспышки фотоаппаратов и микрофоны, которые обычно приближаются слишком близко к лицу.

— До завтра, Алиса Захаровна.

— Всего доброго.

Алиса спускалась на первый этаж. В голове стучали слова доктора, и от безнадежной

перспективы в ногах была слабость, каждая ступенька давалась с трудом. За стеклянными дверями у крыльца стоял Славик, а у самих дверей — трое высоких парней с камерами и микрофонами. Слава нервно курил сигарету, скользя взглядом по окнам больницы. Увидев Алису, он сразу подбежал к ней, вероятно, решив выполнять в такой момент обязанности не только ее водителя, но и охранника.

Журналисты в мгновение ока оказались рядом с ними, черный микрофон застыл у самого лица Алисы. Сквозь какую-то пелену, мешающую реально воспринимать происходящее, она слышала вопросы, смысл которых сводился к просьбе прокомментировать происшедшее с Эдуардом Михайловичем и его состояние на данный момент. Алиса медленно обвела взглядом молодых застывших в ожидании ее слов парней и выдавила из себя:

— Без комментариев, — после чего, в сопровождении Славы подошла к машине и спряталась за тонированными стеклами джипа. Разочарованные журналисты смотрели вслед быстро удаляющейся машине.

— Хреновые дела, — сделал заключение один из них.

— Нужно не расслабляться и подключить все связи, чтобы узнать его состояние, — добавил другой. — Это нужно сделать сегодня.

— В чем проблема? — прикуривая сигарету, заметил третий. — В больнице столько хорошеньких медсестер. Надо действовать, включив все мужское обаяние...

Алиса устало откинулась на спинку сиденья. Автомобиль уже давно миновал огромный больничный двор, вскоре здание больницы осталось позади. Только теперь Слава позволил себе задать вопрос:

— Как дела, Алиса Захаровна? Что сказали?

— Плохо, Слава, очень плохо. Я не могу сейчас об этом говорить, мне кажется, я умру, если еще раз произнесу то, что сказал доктор. Я должна свыкнуться с услышанным. Поехали домой, пожалуйста, побыстрее.

— Конечно, конечно, — Слава уверенно вел джип и время от времени вглядывался в бледное лицо хозяйки; опустившиеся уголки подрагивающих губ выдавали внутреннюю борьбу. — Он справится, Алиса Захаровна, он обязательно справится.

— Без вариантов, он — да, — подтвердила она, прикуривая очередную сигарету. Пока она не увидела Гарика после катастрофы, образ сильного, энергичного мужчины вытеснял тот, который соответствовал истине. Алиса не представляла, как рано или поздно войдет в его палату и увидит... Про себя она решила, что Всевышний не мог наказать ее более жестоко, поставив перед фактом существования рядом с беспомощным мужем, которого она так и не смогла полюбить всем сердцем. Чувство долга не позволит ей оставаться равнодушной, но какая же это пытка. Алиса понимала, что ей предстоят долгие месяцы ухода за Гариком, который будет заглядывать ей в глаза, ловить их выражение. Какой талантливой актрисой она должна стать, чтобы не усугубить его состояния, не дать поселиться в его болезненном воображении убийственным мыслям! Она решила, что это несправедливо: нужно было ей оказаться на его месте, конечно ей. Тогда все было бы правильно. Гарик бы проявлял свою любовь, а она — пожинала плоды обмана. Так было бы справедливо. И если бы он, мужчина, не выдержал испытания, она не стала бы держать на него зла. Она бы посчитала, что получила по заслугам.

Алиса задумалась и не видела мелькающего за окном пейзажа, не слышала, как Слава обращается к ней в который раз, потому что звонит ее мобильный, а она никак не реагирует.

Наконец она достала из сумочки телефон.

— Алло, — безучастно сказала она.

— Лялечка, доченька, здравствуй! — Софья Львовна опередила дочь, не выдержав долгого перерыва в общении. Радостный голос матери раздражал Алису. Она не могла перейти в ответ на такой же восторженный тон и тяготилась разговором с первой секунды общения. — Ты так давно не звонила, милая, как ваши дела?

— Все нормально, — так же бесцветно, глухо ответила Алиса, не желая пока рассказывать Софье Львовне об истинном положении вещей. Еще будет время.

— Я отвлекаю тебя от дел?

— Нет, нет. Я еду домой.

— Ты за рулем?

— Нет, мам, Славик. Что у вас нового, как здоровье? — стараясь проявить вежливое внимание, спросила Алиса.

— Мы с папой молодцы. Скоро собираемся в отпуск, через пару недель, в начале июля, — Софья Львовна сделала короткую паузу, во время которой надеялась услышать что-то вроде: «Приезжайте к нам обязательно вдвоем, а то я папу так давно не видела и вообще — соскучилась по вам». Но на другом конце связи было неожиданно тихо и, чтобы сгладить ситуацию, Софья Львовна добавила: — У папы большие планы, он хочет путешествовать. Ты же знаешь, как его трудно отговорить от задуманного.

— Это замечательно, мамочка. Ты не отказывайся. Новые места, впечатления — не нужно лишать себя этого, — скороговоркой произнесла Алиса. Она не хотела, чтобы, пока ситуация не станет более-менее ясной, кто-то находился в доме кроме нее. Ей просто было необходимо знать, что она найдет уединение в собственной квартире, когда не нужно поддерживать разговоров, заботится о трапезе, выглядеть гостеприимной, радостной.

— Ты всегда соглашаешься с отцом, — раздосадованно сказала Софья Львовна.

— Я на стороне справедливости. Вам нужно отдохнуть.

— Хорошо, хорошо. Да, Лялечка, с тобой очень хотела бы поговорить Марина. Она не может позволить себе переговоры. Я предлагала присоединиться к моему разговору, но она отказалась. Набери ее, пожалуйста, вечером. Она теперь работает в салоне красоты, так что приходит поздно.

— Новая работа? Она ничего не писала.

— Да она тебе сама расскажет. Совсем другая стала.

— Лучше или хуже? — Алиса задавала вопросы автоматически.

— Другая. Ладно, доченька. Звони почаще.

— Не обижайтесь. Я обязательно позвоню Машке и на следующей неделе вам. Пока, целую.

— Целуем тебя, Лялечка.

Мобильный снова оказался в сумке. Слава остановился у подъезда дома Молчановых, обернулся и внимательно посмотрел на Алису.

— Чем я могу помочь?

— Сделай, пожалуйста, так, чтобы я в любой момент могла найти тебя. Я не смогу сесть за руль в ближайшее время, — ответила Алиса, выходя из машины. — Поставь ее в гараж, ключи оставь у себя.

— Хорошо. Я в вашем распоряжении. Буду дома, телефон знаете.

— До завтра. Утром пораньше поедем в больницу. Я не усужу дома.

— В девять у подъезда?

— Да, договорились. И сделай одолжение, — Алиса достала из кошелька деньги, — купи блок сигарет, я не буду до завтра выходить из дома, чтобы снова не нарваться на вездесущую прессу.

— Хорошо, куплю. Держитесь, Алиса Захаровна. Все станет на свои места.

— Спасибо, Слава. Будет так, как predetermined, что уж поделаешь... — Молчанова медленно поднялась по ступенькам крыльца. Она шла, считая их, потому что загадала: сколько ступенек, через столько месяцев поднимется Гарик. Одна, две, три... восемь... Внутри все сжалось: готова ли она к этому. Все переворачивается с ног на голову. Она сможет, обязательно сможет, в благодарность за любовь и желание сделать ее счастливой. Недаром в ее жизни был Сенечка Равкин, первый муж, к которому она испытывала столько уважения и благодарности за чистые чувства, что не раздумывая разделила с ним тяготы последних месяцев его пребывания на земле. Она не считала, что совершила подвиг, просто не могла поступить иначе. Тогда это, по ее мнению, искупало совершенный грех, непростительный грех.

...Алиса снова и снова возвращалась к этому — обои в мелкий цветочек, полированный стол, на котором, страшно раскинув ноги, лежит обнаженная девушка, и скоро на ее место предстоит лечь ей. Привычные движения незнакомого мужчины, для которого она — молодая, безответственная деваха, мечтающая избавиться от ненужного плода тайных развлечений. Минутная слабость — пожизненное обвинение. Она убила в себе едва зародившуюся жизнь и столько лет безуспешно пытается забыть об этом. Сколько непростительных ошибок совершила она, наказывая себя за эту слабость. Сейчас ее ребенок мог бы уже ходить в школу — Алиса открыла входную дверь, с шумом закрыла ее и, отшвырнув сумочку, бросилась в гостиную. Упала на диван и разрыдалась. Она не сдерживала слез, слыша причитания безутешной женщины, тщетно старающейся подобрать слова для облегчения души. Кто это так противно, разрушительно воет? Она не сразу поняла, что все эти слова попеременно с рыданиями она произносит вслух. Перевернулась на спину, вытирая слезы, посмотрела вокруг: какая убийственная роскошь, она заставляет находящегося в ней чувствовать себя невзрачным дополнением. И никакого удовлетворения, радости от сознания того, что ты все-таки здесь хозяйка. Почему она подумала об этом сейчас? Разве это имеет значение?

Медленно поднявшись, Алиса села, поджала ноги, обхватила колени руками. Она всегда искала успокоения в этой позе. Еще маленькой девочкой она часто сидела вот так на огромном кожаном диване в кабинете отца, пытаясь разрешить свои такие важные

проблемы. Алиса усмехнулась, каждая мелочь тогда казалась такой важной, жизнеопределяющей. Во всем хотелось добраться до истины, все объяснить. Хотя почему она сейчас считает мелочью то, что не давало ей покоя в семь, десять, двенадцать лет? Для каждого возраста существуют свои самые важные вопросы. Может быть, в свое время она так и не ответила на многие из них?

Полуоткрытые жалюзи задерживали яркий солнечный свет, покрывая окружающее пространство узкими желтыми полосами. Глядя на четкие линии, Алиса подумала, что и в жизни все вот так поделено: на узкие полосы счастья, пусть даже призрачного, а в основном — серое, невзрачное ожидание и тоже, в сущности, самообман. Ты надеешься, ждешь, а в итоге получаешь не то, что тебе нужно. Все потому, что забываешь о том, что за время ожидания меняешься и ты, а желания упрямо остаются идиллическими, подогнанными в когда-то созданные рамки.

Алиса усмехнулась, вытирая мокрые щеки. Она вспомнила, как, еще занимаясь в школе, сделала запись в дневнике: привела длинный список достоинств любимого человека. Она гордилась тем, что в ее понимании понятие идеального спутника жизни включало более десятка определений. Девчонки обменивались дневниками, отвечая на вопросы друг друга, и Алиса четко помнила, как Маринка когда-то сделала приписку в конце своих излияний: «Лишь бы честный и непьющий, а остальное не так важно...» Сейчас Алиса понимала, что Марина оказалась самой искренней из всех, кто оставил запись в ее дневнике. Всем хотелось покрасоваться, поднять себе цену, придумывая несуществующих идеальных любимых, а Марина так четко провела под всем этим черту.

Сколько лет прошло, и, сидя сейчас в полуосвещенной комнате, испытывая страх перед будущим, Алиса пыталась уязвить себя: «Твой идеальный избранник обладал даже теми качествами, которые ты не считала важными. Ты ценила его? Любила? Теперь получишь его беззащитного, нуждающегося в ежеминутной заботе, близкого к срыву. Ведь он никогда не сможет смириться с тем, что стал слабым. Он будет пожирать себя за то, что ты будешь свидетельницей его немоги. Ни у тебя, ни у него ничего нет! Даже деньги, которые потекут широкой, бурной рекой, пытаясь спасти своего хозяина, станут тебе противны, ведь они не принесли счастья. Да разве может принести его то, что отвергает душа?» Алиса вздохнула. Одиночество явно не пойдет ей на пользу — слишком много остается времени для копания в собственных мыслях и поступках. Нужно чем-то занять себя, иначе она додумается до чего-то разрушающего, чего доброго снова начнет глотать таблетки. Второй раз отказаться от них будет еще сложнее. Алиса понимала, что сейчас нужно пытаться собрать всю волю в кулак и приготовиться к долгой борьбе. Голова четко работала, стараясь дать правильный ход мыслям, но ноющее, грызущее чувство страха сковывало, мешало дышать. Впервые Алиса ощущала себя такой раздавленной. Она не хотела признаваться, что не была готова к такому повороту в своей судьбе. Она должна была уйти раньше, еще в тот день, когда снова увидела Вадима и поняла, что так и не забыла его. Тогда она избавила бы Гарика от необходимости постоянно, снова и снова удивлять, завоевывать ее. Не было бы этого самолета, этих мальчишеских желаний и сегодняшнего финала.

Алиса встала, раскрыла жалюзи, потому что ей стало казаться, что она задыхается без света. Не без воздуха, а именно без яркого, до слез в глазах света, дарящего жизнь всему, что так нуждается в нем. Благодатное лето давно вступило в свои права и, согревая долгожданным теплом после долгой, холодной весны, властвовало. Алиса смотрела на ярко-зеленые листья кленов на аллее возле дома, вспоминая о том, как они планировали с

Гариком провести жаркое время далеко от этих мест. Сколько раз она смотрела в горящие глаза мужа, когда он обещал показать ей мир. Он был горд, что может позволить себе воплощать в реальность мечты любимой женщины. Париж — пожалуйста, Мальдивы — обязательно увидишь, Мельбурн — полетим в начале января. У него были мгновенные ответы на все вопросы. Как же он будет чувствовать себя теперь, когда все планы превратятся в каждодневную борьбу с самим собой, с непослушным телом. А его желание поскорее стать отцом... Алиса потерла пальцами виски: она даже это не смогла вовремя сделать. От одной мысли о предстоящей близости с мужем она едва не впадала в истерику. Внутренний судья с удовольствием кольнул ее в самое больное место: «Что же ты не радуешься? Теперь ты надолго освобождаешься от обязательного ненавистного исполнения супружеского долга. Ты можешь не беспокоиться, что он будет ждать твоего выхода из ванны, отбрасывать одеяло и смотреть на тебе горящими глазами. Ему не до тебя, милая, утешься!»

Алиса быстро вышла из гостиной в коридор, открыла сумочку и достала почти пустую пачку сигарет. Закурив, она увидела, как дрожат руки, и сигарета, зажата в губах, словно исполняет замысловатый танец. Серое облако дыма переместилось на кухню. Алиса села на подоконник, прижалась лбом к теплomu стеклу. Она должна перестать думать о том, что будет дальше, о том, что было. В прошлом она уже не в силах что-либо исправить, в будущем — должна постараться не наделать новых, непоправимых ошибок. Она постарается загладить свою вину перед человеком, который открыл для нее свое сердце. Ведь это так важно — знать, что ты не только любишь, но и любим, — это живительный бальзам. Она будет говорить ему о том, какой он прекрасный и любимый так же часто, как делал это он. Ей придется быть упрямой и искренней. Она поможет ему снова стать прежним. Она должна поступить так не ради Гарика или самой себя — во исполнение своей изначальной первоначальной роли. В их семье обязательно появится третий, самый главный человек. Ради этого им обоим нужно постараться перетянуть выскальзывающий канат судьбы на свою сторону. Вместе это сделать легче, они справятся.

Разрываясь между больницей и домом, Алиса не замечала времени. Говорили, что днем было очень жарко — может быть. Ей это не известно, потому что с самого утра и до вечера она была рядом с Гариком. Его давно перевели из палаты интенсивной терапии в отдельную, просторную, с окнами на восток, но проводить мужа она смогла не так давно.

Молчанов тяжело переживал происшедшее. Несколько раз он выдергивал иглу системы, когда медсестра, дежурившая в реанимации, отлучалась. Он видел только такой выход из сложившегося положения. Ему казалось, что он готов ко всему, но случившееся показало, что он ошибался. Состояние апатии, безразличия и безразличности, которое он испытывал длительное время, с момента возвращения в сознание, стало его спутником. Он отворачивался от врачей, медсестер, отказываясь поддерживать обычный разговор, просил не пускать к нему родителей и жену, угрожая что-нибудь сделать с собой, если к его просьбе не прислушаются. Врачи настояли на том, что было важным для Молчанова. Они убедили родственников быть терпеливыми, понимающими. Спокойствие Гарика было для них важнее эмоций негодующей Алисы и родителей Гарика, примчавшихся из Горинска, чтобы помочь своему сыну. А он не хотел никого видеть, не хотел, чтобы его увидели таким: в гипсовом корсете, с синяками, отекающей переносицей. Его упорство почти через полтора месяца пребывания в больнице удалось сломить пожилой санитарке, которая убирала у него

каждое утро. Однажды, как всегда, протирая подоконник, она покачала головой. Молчанов заметил это.

— О чем это вы? — спросил он, следя за ее выражением лица. Воспользовавшись тем, что за долгий промежуток времени пациент вступил в разговор, она решила действовать.

— Да все о том, что жена твоя какой день в вестибюле проводит. пожалел бы ее — на ней лица нет, одно страдание осталось. Вон с сигаретой стоит у березки, кто кого тоньше, уж и не знаю.

— Увидит она меня и обрадуется, сразу счастливое лицо станет, так, что ли? — зло бросил Гарик, отворачиваясь к стене.

— Дураки вы, мужики, хоть богатые, хоть без копейки, — выжимая тряпку, ответила няня. — Не прибавлял бы ты ей горя, милый человек. Родные, поди, друг другу-то. Или вы так договаривались, чтоб вместе только в радости?

— Не было такого договора.

— Тогда вот что я тебе скажу. Зови медсестру, и пускай она жену твою приведет поскорее. Болезнь, она пройдет, а вот память о твоих слабостях остаться может нехорошая. И не испепеляй меня глазищами-то, прислушайся. Я тебе в бабки гожусь. Плохого не посоветую. Хватит испытывать терпение женское. Не хотела бы остаться рядом, так время было укатить куда подальше, — санитарка подошла, улыбнулась, отчего ее лицо покрыла густая сеть мелких морщин.

— Не могу я таким перед ней предстать, — сквозь зубы ответил Молчанов, бессильно сотрясая в воздухе кулаком.

— Глупости это, Эдуард Михайлович. Вот увидишь, как и самому легче станет.

— Твоими бы словами...

— Да, так и будет. Все перемелется. Зови жену, не прибавляй ей страданий, не изводи.

Молчанов долго лежал, глядя в потолок. Там солнечные блики прыгали, резвились, заставляя Гарика морщиться от бессильного желания хотя бы приподняться. Он понимал, что это состояние надолго, и не мог смириться с тем, что эту беспомощность не скрыть. Его попытки предстать перед глазами Алисы прежним — сильным, благополучным, жизнерадостным — разбивались о неумолимую реальность. Прошло почти два месяца после злосчастливого полета, а продвижение к выздоровлению выражалось только в том, что стала меньше болеть голова, не так ныла грудная клетка, перестав причинять боль при каждом движении. Однако ноги и нижняя половина туловища не подчинялись его командам. Они словно стали жить своей жизнью, в которой им совершенно не хотелось двигаться. Гарик сначала не мог поверить, что это происходит с ним. Он шевелит пальцем правой ноги, а ничего не происходит, левой — аналогично. О попытках встать просто лучше не вспоминать. Лицо Гарика почернело от негодования. Неужели теперь это его удел?

Желание увидеть Алису становилось все сильнее. Жена приходила к нему в снах, манила улыбкой, кружась в замысловатом танце. И от ее движений рыжие пряди волос заводили хоровод, оплетая гибкое, стройное тело женщины. Гарика так хотелось прикоснуться к этой неземной красоте, вдохнуть знакомый запах волос, от которого кружится голова. Просыпаясь среди ночи, Молчанов со злостью вытирал слезы, катившиеся из глаз. Он не мог сдержать их. Никто не увидит его таким — хлюпающим носом, с опухшими глазами, оплакивающим свою потерянную мужскую силу. Кому он нужен такой? Гарик боялся задавать себе вопросы, но все-таки желание увидеть Алису, как-то успокоить родителей все же победило отчаяние и апатию.

В одно солнечное августовское утро, после того, как медсестра привела его в порядок, Молчанов попросил принести зеркало. Глядя на свое отражение, он не узнавал себя в этом похудевшем, постаревшем мужчине. На гладко выбритом лице появились морщины, на висках — блеснули седые пряди. Рука с зеркальцем опустилась, и медсестра подошла поближе, боясь очередной вспышки неконтролируемой ярости больного, что случилось не раз. Но Молчанов приятно удивил ее.

— Спасибо, — возвращая зеркало, сказал он. — Пожалуйста, пропустите ко мне жену и родителей, когда они придут снова.

— Хорошо, — улыбнувшись, сказала взволнованная девушка, поправляя белоснежный халат.

Через полчаса Алиса уже сидела на краешке его кровати, смахивая с лица слезы. Они бежали тонкими прозрачными струйками, несмотря на то, что Алиса все время пыталась улыбаться и говорила о том, как она рада, что он разрешил ей быть рядом. Она вообще много говорила в тот свой первый приход. Гарик удивлялся ее красноречию: кажется, за всю совместную жизнь она произнесла меньше слов, чем в первые минуты этой встречи.

— Глупый, глупый, как ты мог так долго держать меня на расстоянии? Я места себе не находила, — приглаживая отросшие волосы Гарика, твердила Алиса. Волнение мешало ей сосредоточиться, и получались какие-то банальные фразы, а совсем не то, что она собиралась сказать. У нее было достаточно времени, чтобы подготовить настоящую речь, но все слова куда-то подевались, когда она вошла и встретилась с Гариком взглядом, увидела его потухшие глаза.

— Мы сделаем все, чтобы все было, как раньше, — уверенно произнесла она, сжимая прохладную ладонь мужа. В ответ он покачал головой. — Не спорь, прошу тебя. Я не сказала, что это будет сделать легко.

— Я всегда реально смотрел на вещи. У меня отнялись ноги, а не мозги, так что не будем о грустном, — Гарик осторожно высвободил руку. — Рад тебя видеть.

Алиса вытирала слезы, стараясь успокоиться. Она понимала, что сейчас время не сопли распускать, а уверенно говорить о том, что все будет хорошо. Она старалась вспомнить те слова, которыми напутствовал ее Виктор Павлович, но слова не складывались в убедительные фразы. Медицинские термины она произносила словно заученный урок, а Гарик смотрел на нее и посмеивался. Пока Алиса напрягала память, в палату вошли родители Гарика. Конечно, мать бросилась к сыну, целовала, причитала. Отец был более сдержан, но тоже волновался.

— Мой мальчик, мой мальчик, — быстро, отрывисто целуя Гарика, повторяла Екатерина Викторовна.

— Ну, все, все, мама, все нормально, — улыбаясь, ответил Гарик.

— Ты поднимешься и...

— И все будет как раньше, — перебил ее Гарик, отворачиваясь к стене.

— Да, хотелось бы, как раньше, — медленно выговаривая слова, произнесла мать и бросила уничтожающий взгляд на Алису. Та съежилась, сразу зябко повела плечами и непроизвольно отступила от кровати к двери. — Вернуть бы время назад, я бы по-другому вела себя, настояла на некоторых вещах.

— Ты о чем, мам? — Гарик внимательно посмотрел на нее.

— Наверное, вам хочется побыть наедине, — натянуто улыбаясь, сказала Алиса. — Я приду завтра около десяти. До свидания, Гарик.

Она послала ему воздушный поцелуй и поспешила выйти из палаты. Она не могла выносить убийственные взгляды свекрови, которая даже не пожелала остановиться у них в доме, а поселилась в гостинице с Михаилом Эдуардовичем. Ненависть Екатерины Викторовны, которая пришла на смену презрению и неприятию невестки, так и сквозила в каждом мимолетном взгляде, брошенном на Алису. Свекор был настроен более миролюбиво, он принял выбор сына и старался изо всех сил сглаживать поведение жены. Однако ему пришлось прожить эти полтора месяца в гостинице, вместо того, чтобы остановиться в доме Гарика.

— Я не переступлю порога этого дома, пока там хозяйничает эта рыжеволосая шлюшка! — кричала Екатерина Викторовна.

Увидев, в каком состоянии находится Гарик, она вообще перестала владеть собой. Неприязнь, которую она чувствовала по отношению к Алисе, стала открытой. Не желая идти на обострение — не самое подходящее время, — Алиса решила оставить родителей наедине с сыном, а впредь приходить к Гарику до или после их посещения. В конце концов об этом можно было заранее договориться по телефону.

Алисе казалось странным, что в такой критический момент Екатерина Викторовна не может сосредоточиться на главном — выздоровлении сына. Какие могут быть счеты? Неужели за то время, что она носит фамилию Молчанова, она сделала что-то недостойное, порочащее ее? Кажется, все отмечали, что Гарик стал гораздо спокойнее, увереннее. А то, что произошло... У каждого свой рок, как тут предугадать? Главное, приложить все силы, чтобы он поднялся, снова почувствовал счастье обладания своим телом и ощутил те каждодневные радости, на которые порой перестаешь обращать внимание.

С того дня, как Гарик позволил навещать его, прошло две недели. Дни пролетали с головокружительной скоростью. Утром Алиса готовила что-нибудь необычное Гарику, приводила себя в порядок, ожидая звонка от Славы. Он подъезжал к подъезду и сообщал об этом или коротким сигналом или звонком по мобильному. По дороге в больницу он обычно старался не спрашивать ее о Молчанове, потому что накануне вечером она и так достаточно подробно все ему рассказывала. Потом он ожидал ее в больничном дворе. В обязанности Славы также входило оповещать Алису о приезде родителей Гарика. Заметив их, он набирал номер телефона Алисы и коротко говорил: «Родственники». Тогда Алиса не спеша начинала собираться. Гарик не задавал лишних вопросов — он все понимал без слов. Поцелуй на прощание и просьба позвонить вечером. Молчанов согласно кивал и провожал Алису долгим, тревожным взглядом.

Врачи начали поговаривать о том, что близится выписка и нужно определиться с дальнейшей программой реабилитации. Алиса давно готовила квартиру к возвращению хозяина: одну из комнат полностью переоборудовала для занятий лечебной гимнастикой. Она просмотрела массу статей на эту тему, консультировалась с несколькими известными специалистами в области восстановления после таких травм. Все они твердили о терпении и вере в свои силы, убеждали, что упорство и труд обязательно поднимут Гарика. Главное — вселить в него эту уверенность и дать понять, что с ним рядом есть близкие люди, ожидающие результатов.

Алиса смотрела на большую комнату, которая превратилась в своеобразный тренажерный зал, едва сдерживаясь, чтобы не описать ее Гарику. Он должен знать, что она ни на минуту не забывает о нем, что она продумала каждый шаг, каждый новый этап на пути к выздоровлению. Каково же было ее удивление, когда Гарик заявил, что не хочет

возвращаться из больницы в городскую квартиру. Со слов Алисы он знал, что строительная фирма закончила отделочные работы в их загородном доме. Когда он услышал об этом, то сразу не сказал ничего, и только через несколько дней попросил приготовить для него комнату там.

— О чем ты говоришь, Гарик? — недоумению Алисы не было предела. — Какой загородный дом? Тебя ждет оборудованная комната в нашей квартире. Там все сделано так, чтобы ты мог отдыхать, заниматься, принимать посетителей с работы. Зачем тебе этот дом? Мы будем приезжать туда на выходные.

— Свежий воздух — лучший лекарь. К тому же у меня теперь все дни выходные, — иронично заметил Гарик.

— Не хочу ничего слышать об этом. Я жду тебя дома. Газеты и телевидение давно развели нас, обзывая меня пиявкой, присосавшейся к всемогущему человеку и бросившей его при первых же трудностях. Если ты не вернешься домой — это будет очередной повод поливать грязью наш брак. Ты этого хочешь?

— Ты прекрасно знаешь, что нет. Я читаю газеты и мне так же неприятны все нападки. Хочешь, я подам на них в суд? Я в состоянии разорить любую газету, любой телевизионный канал. Хочешь, я сделаю это?! — в Гарике проснулась дикая злоба на весь мир. И на Алису в первую очередь.

— Мне плевать на эти грязные статейки, если ты перестанешь говорить глупости. Мы должны вернуться домой. В дом, в котором мы жили. Это логично, пойми. И свежий воздух я тебе обеспечу. Я буду вывозить тебя на прогулки в коляске, — сказала Алиса и, увидев, как почернели глаза мужа, добавила: — В первое время, пока ты не начнешь двигаться самостоятельно.

— Нет ничего более постоянного, чем что-то временное, дорогая. Это очень старая истина. Странно, что ты так удивленно смотришь на меня. Неужели ты думаешь, что я верю во все те сказки, которые вы мне в три голоса поете? Ты, отец, мама особенно старается! Перестань, хоть ты перестань! Я только начинаю свыкаться с мыслью, что стал инвалидом, а ты пытаешься снова и снова зародить во мне надежду. Это жестоко, Алиса!

— Жестоко? Как ты несправедлив!

— Ради бога, оставь высокие слова, — Молчанов обреченно махнул рукой. — Я не хочу вот таким попасть в нашу квартиру. Это обитель любви, а не...

— Не сдавайся так скоро, прошу тебя. Иначе у меня тоже не будет смысла жить дальше, — тихо произнесла Алиса.

— «Тоже»? Вот видишь, наконец ты сказала правду. Нет смысла...

— Не придирайся к словам.

— И не думал даже, — полусидя, опершись о высокие подушки, Гарик вдруг закрыл лицо руками. — Уходи, Алиса, уходи от меня навсегда, слышишь?

— Ты что говоришь?

— Ты молода, красива, должна быть счастлива. Я больше не смогу быть для тебя волшебником, а обузой — не хочу! — голос Молчанова срывался, он говорил, не открывая лица, словно стыдясь своих слов, самого себя. — Я дам тебе развод. Ты не останешься без средств: в твоём распоряжении окажется достаточно большая сумма, чтобы долгие годы ни о чем не беспокоиться. А за это время... Тебя нельзя не заметить, ты — сам свет... Только не мучай меня больше, я каждый день вижу, как ты играешь в беззаботную, несгибающуюся под тяжестью случившегося женщину. Это выше моих сил. Ты знаешь, как я люблю тебя. Я

всегда любил только тебя. Оставь мне воспоминания о моей любви, а не о том, как ты возишься с беспомощным калекой.

Алиса подошла к кровати Гарика и встала на колени рядом. Она отняла его руки от лица, ласково провела кончиками пальцев по исхудавшему лицу.

— Глупый, какой ты все-таки глупый. И как я могла выйти замуж за такого человека? Ты думаешь, мне нужны долгие годы благополучия без тебя? Нет. Если ты скажешь, что разлюбил, — я уйду в тот же день, без выходного пособия, — она поцеловала его в прохладный лоб. В этот момент она искренне верила в каждое произнесенное слово. — Мы справимся с этим испытанием. Наверное, оно послано нам за то, что мы посчитали себя всесильными. Это наказание. Примем его достойно. Я уверена, что мы сможем.

— Я люблю тебя, Алька, — Гарик благодарно смотрел на жену.

— Я знаю, — тихо сказала Алиса и поцеловала его.

— Я скажу маме, чтобы перестала меня терроризировать: она говорит, что останется ухаживать за мной.

— А ты что?

— Я отвечаю, что у меня есть жена.

— Это верно. Жена, которая никогда не оставит своего мужа в беде.

— Мне кажется, что один твой голос способен излечить меня, — улыбаясь, заметил Гарик.

— Все может быть.

— Ты устала, под глазами черные круги.

— Ерунда.

— Прошу тебя, иди сегодня пораньше, отдохни. Вот-вот придут родители — они не дадут мне скучать до самого сна. Я должен набраться энергии, чтобы выдержать очередную волну материнской заботы.

— Хорошо, я приду завтра сразу после завтрака, — Алиса поправила легкое одеяло, выровняла все складочки на нем, вспоминая, как в детстве изводила родителей этим: каждый вечер укладывалась в постель, педантично разглаживая любую неровность одеяла. Она успокаивалась только тогда, когда постель напоминала гладкий ледовый каток. Высоко поставив подушку, она ложилась, успев до сна несколько раз приоткрыть глаза, чтобы удостовериться в качестве своей работы.

— Спасибо, — сказал Гарик, когда его постель выглядела безукоризненно, а Алиса продолжала критически осматривать ее.

— Ну, пока. Позвони вечером, если будет настроение, — Гарик редко звонил по мобильному.

— Договорились, пока.

Алиса вышла из палаты, услышав мелодию своего телефона, требующего хозяйку на связь.

— Алло, — произнесла она.

— Родственники, — привычно произнес Слава.

— Спасибо, я уже выхожу из отделения, — усмехнулась Алиса, подумав, что сегодня они что-то рановато.

— Лето вот-вот закончится, — заметил Слава, подъезжая к дому.

— Да, планы были грандиозные, но имеем то, что имеем, — покусывая губы, ответила Алиса.

— Ничего, наверстаете. Еще поездите, позагораете, поплаваите, — обнадеживающе добавил Слава. — Приехали. Во сколько завтра?

— Как обычно. Может быть, я попробую сама сесть за руль. Ты уже устал, с утра до вечера на ногах. Невесты, наверное, твою работу недолюбливают, — улыбнулась Алиса.

— Настоящая — поймет, а остальных удерживать не станем.

— Ух ты! Масштабы у тебя!

— А то! — засмеялся Слава.

— Ладно, спасибо, до завтра.

Алиса вышла из машины и стала не спеша подниматься по ступенькам крыльца. Она даже не посмотрела вслед джипу, что делала всегда. Гарик был прав — она слишком устала. Уже устала, а все только начинается. Так думала она, автоматически отвечая на приветствия выходящих из подъезда людей. И вдруг резко обернулась, услышав голос:

— Лялька, привет, — Марина поднялась с лавочки возле подъезда и шагнула навстречу Алисе. — Не ожидала?

— Марина? Здравствуй, честно говоря, не ожидала. У меня даже ноги подогнулись. Я не люблю таких неожиданностей. Что же ты не позвонила, я бы тебя встретила, — Алиса спустилась на несколько ступенек, разглядывая подругу. Прежде всего непривычными были ее длинные рыжие волосы, подобранные в замысловатый узел на затылке.

— Мне вернуться в Горинск и сделать все по правилам? — поджав губы, спросила Марина.

— Ты молодец, — обнимая подругу за плечи, сказала Алиса и поцеловала Марину в щеку, стараясь сгладить впечатление от прохладного приема вначале. — Твои рыжие волосы сбивают меня с мыслей. Я не могу сразу привыкнуть к тому, что ты теперь такая.

— Какая?

— Другая. Пойдем. Ты даже не представляешь, как ты здорово сделала, что приехала ко мне.

— Да? Ты сняла с меня непосильный груз незваного гостя.

— Перестань, — они поднялись на нужный этаж и, открывая дверь, Алиса взглянула на небольшую дорожную сумочку Марины.

— Я на один день, — перехватив ее взгляд, сказала та. — Мне тоже есть о чем поговорить с тобой. Я просила тебя позвонить, но не дождалась.

— Извини, Машуня. Обстоятельства сложились так, что мне было ни до чего. У меня в жизни произошли изменения.

— Какие? — настороженно спросила Марина.

— Проходи, — пропустив Марину вперед, Алиса закрыла входную дверь, сняла босоножки и устало опустилась на низкий пуфик. — Не очень приятные, подружка. Я еще пока никому о них не говорила. Но давай сначала ты отдохнешь от дороги, а потом поговорим. Ты ведь у меня не была ни разу. Пойдем, покажу тебе наши хоромы...

Через полчаса Марина принимала душ в ванной, размеры которой превышали габариты всей ее квартиры. Потом она надела белоснежный махровый халат и остолбенело уставилась на туалетный столик, заставленный невероятным количеством кремов, лосьонов, бальзамов для тела и волос. Она ни в одном магазине Горинска не видела такого сказочного разнообразия. А из кухни раздался голос Алисы:

— Ты что там уснула, Машка? Ужин стынет.

— Иду-у!

Просторная кухня со всеми новомодными приспособлениями тоже впечатлила Марину. Она медленно поглощала содержимое своей тарелки, успевая осматриваться по сторонам.

— Красота у тебя, Лялька, — отрезая очередной кусочек от отбивной, констатировала Марина. — Я бы из такой кухни не вылезала.

— Ко всему привыкаешь, да и не главное все это, — грустно произнесла Алиса, добавляя в бокалы красного вина. — Внешний лоск не всегда способен заглушить внутреннее убожество.

— Ты о ком или о чем?

— Мысли вслух. Я, знаешь, за последнее время частенько сама с собой разговаривала.

— Что так? А Гарик почему компанию не составлял? — удивленно спросила Марина.

— У Гарика большие проблемы. У него, а значит — и у меня, — тихо ответила Алиса, отпивая из бокала. Она избегала смотреть Марине в глаза, почему-то испытывая странное состояние беспокойства от одного ее присутствия.

— Я ничего не знаю об этом.

— Никто не знает кроме меня и его родителей.

— Да не рви душу, выкладывай, что у вас произошло? — нетерпеливо произнесла Марина.

Когда Алиса закончила рассказ, Марине показалось, что пройдет несколько секунд, Алиса улыбнется и скажет, что это была шутка. Правда, шутка неуместная, словно проверка на реакцию давней подруги на подобные обстоятельства. Но Марина напрасно ждала такого поворота в разговоре — Алиса сидела напротив с усталым, побледневшим лицом, и, пожалуй, только теперь бросалось в глаза то, как она подурнела, измученная горем.

— Его скоро выпишут. Я и рада, и боюсь этого, — призналась Алиса. — Все так неожиданно произошло. Я не была готова к этому.

— Разве можно подготовиться к несчастью? Что ты такое говоришь?

— Да, ты права. Но я привыкла за то время, что рядом был Гарик, что от жизни буду получать только подарки. Вот меня и приземлили немножко.

— А если он не поднимется? — дрожащим голосом спросила Марина.

— Я даже не хочу говорить об этом. Он должен и все тут! Мы приложим все усилия. Господи, ему ведь нет тридцати! — Алиса запрокинула голову, словно стараясь вернуть обратно непрошенные слезы.

— Ляля, милая, я сочувствую тебе, если бы ты знала, как мне больно за тебя, — пододвинувшись, Марина обняла подругу за плечи. Почувствовав, как та тихо плачет, закусил губу. Она поняла, что не сможет рассказать о том, ради чего приехала. Слишком много проблем у Алисы, чтобы забивать ей голову еще и своими. Да ведь и исправить ничего уже нельзя. Нужно было срочно придумать несуществующий повод для своего неожиданного появления. Марина грустно усмехнулась: называется приехала поплакаться, а получается все наоборот. Вот жизнь...

— Ты не жалеяй меня, Машуня, — высвобождаясь из объятий подруги, сказала Алиса. — Каждый получает то, что заслуживает. Бесспорная истина. За все свои обманы, показную гордость, жажду легкого благополучия, за предательство — это еще воздалось не по всем «заслугам»! Так что я готова и не к такому, теперь точно готова.

— Ты сильная, Лялька, и всегда оставайся такой, хорошо? — заглядывая Алисе в глаза, тихо произнесла Марина. — Я готова помочь тебе, только скажи, что я должна сделать?

— Спасибо, ничего не нужно. Вот ты приехала и немного развеяла мое одиночество. Я

не привыкла быть одна, без Гарика, без постоянных телефонных звонков. Приезжаю из больницы, отключаю телефон и словно от всего мира отключаюсь. Не нужен он мне сейчас, понимаешь. А тебя увидела и засомневалась — как же я живу без тебя, без каждодневных разговоров с мамой, без мнения отца, которое всегда было важно, как? — Алиса заметила, что Марина поглядывает на часы. — Я не отпущу тебя так скоро.

— Мне завтра на работу во вторую смену. Я не так давно устроилась, не могу подводить хозяйку, — улыбнувшись, ответила та.

— Это несправедливо. Столько не видеться и уехать так быстро! Я ведь со своими проблемами так и не услышала, о чем ты хотела мне рассказать. Выкладывай, Машуня, а я пока сварю нам кофе.

— Я не пью кофе, если можно — чай, — сказала Марина, поправив распахнувшиеся полы халаты. Она сделала это слишком поздно. Алиса улыбнулась, включая электрический чайник. — Что ты увидела смешного?

— Смотрю, что ты немного поправились. Все бегала: кожа да кости. А сейчас, тьфу-тьфу, хорошо выглядишь, честно, не смотри так, как будто я подлизываюсь.

— Да, начала поправляться, но я скоро это исправлю.

— Брось, все эти диеты яйца выеденного не стоят, — заметила Алиса, снова усаживаясь напротив подруги. — Так о чем ты хотела рассказать?

Марина опустила глаза. Всю дорогу в поезде она готовила свою речь, которую намеревалась начать словами: «Не буду ходить вокруг да около, потому что кроме тебя об этом сказать мне некому...» Но что-то мешало рассказать о том, что случилось, и могло в корне изменить ее жизнь. Могло, только Марине не нужны были такие перемены. Она недавно получила работу, о которой не могла и мечтать: хозяйка парикмахерского салона приняла ее с распростертыми объятиями. Трудолюбивая, ответственная, талантливая девушка приглянулась ей еще во время стажировки. Да и деньги, которые теперь получала Марина, не шли ни в какое сравнение с копеечной зарплатой уборщицы. Нужно было работать, нарабатывать клиентуру, наконец появлялась возможность что-то планировать, а не доживать от зарплаты до аванса с вечно пустым желудком. Потерять перспективу стать более-менее обеспеченной хозяйкой своей жизни означало для Марины полный откат назад, полный и непоправимый.

— Что же ты молчишь? Совсем я тебя своими проблемами огорошила, да? — улыбнулась Алиса, поставив на стол чашку чая для Марины и кофе для себя. — Крепкий кофе — самообман, прилив сил в первый момент и полная разбитость после. Но это лучший допинг, чем что-либо другое. Как думаешь?

— Тебя волнуют странные темы, — заметила Марина.

— Нет, последнее время только одна.

— Какая?

— Если бы у меня был ребенок, мне было бы гораздо легче пережить все эти трудности. Не физически — морально, — убирая мешающую прядь волос за ухо, ответила Алиса.

— А вот у меня противоположная ситуация: мне было бы гораздо легче не иметь ребенка, чем теперь избавляться от него, — прижимая холодные пальцы к горячей чашке с чаем, загадочно произнесла Марина.

Алиса застыла и удивленно подняла черные дуги бровей. Она чуть отпрянула, вжавшись в спинку стула, продолжая смотреть расширенными глазами на подругу. Лицо Марины покрыл легкий румянец, она пыталась изобразить улыбку, но губы не слушались и

оставались крепко сжатыми.

— Что ты хочешь сказать, Машуня? — выдавила из себя Алиса. Она видела неподдельный испуг, поселившийся в зеленых глазах подруги, но не могла до конца осознать то, на что она так прозрачно намекнула.

— Я беременна, — тихо сказала Марина. — Это стало для меня такой сногшибательной новостью, что я до сих пор нахожусь в состоянии невесомости. Не думала, что это происходит так скоро.

— Объясни по порядку.

— Какой, к черту, порядок! Это настолько не вовремя! Мне не нужен этот ребенок, он разрушает все мои планы. Я только начала жить так, как должно. Я не могу сейчас становиться матерью, понимаешь?

— Нет.

— Да кому я буду нужна такая красавица писаная, да еще с ребеночком? — Марина покачала головой. — Это ужасно, почему так случилось?

— Ты так говоришь, будто будущему отцу ничего не известно или он отказывается от тебя. Объясни, пожалуйста, — Алиса не могла поверить, что они обсуждают такую тему. Это не могло быть правдой, это не могло произойти с Мариной. Не с ней, она так настрадалась за свою недолгую жизнь! — Он знает, что ты в положении?

— Нет и не должен узнать.

— Почему? Сладко — вместе, а горько — врозь?

— Это моя проблема и я уже знаю, как решу ее, — Марина сдавила виски руками. — Ой, Лялька, не знаю, зачем я тебе все это говорю. Ни с кем не могла поделиться, поняла, что только тебе скажу, да и то не всю правду.

Алиса пристально посмотрела на подругу. Марина казалась такой беззащитной, так хотелось обнять ее, успокоить, придать уверенности и переубедить, заставить изменить свое решение.

— Машенька, милая, ты не понимаешь, что задумала. Пойми, в тебе зародилась жизнь. Не смей посягать на нее, слышишь? — Алиса сдвинула брови и крепко сжала руку Марины. — У тебя есть я, мои родители. Неужели ты думаешь, что осталась со своими проблемами одна?

— Но ты же осталась? — зло ответила Марина, резко выдергивая руку. — Хотя что тебя может выбить из колеи? Твой муж парализован, а ты при полном макияже, от тебя духами пахнет, волосы уложены!

— А как я должна, по-твоему, выглядеть? Ты думаешь, я делаю это для себя?

— Для кого же еще! Ты несгибаемая, железная леди! Ведь ты у нас принцесса была и королевой стала, такая всемогущая, а я, кто я такая — начинающая парикмахерша, без году неделя, десятков клиентов, присматривающихся к каждому моему движению. Где была ты все это время? Погружалась в свою сказочную жизнь, и каждый раз то одно, то другое мешало нам общаться, как прежде!

— Остановись! Ты не то говоришь.

— Не округляй на меня свои прекрасные миндалевидные глазки! Я отвечу за тебя — у каждого свои проблемы. Я на время забыла, что мы живем в разных измерениях. И прости, что я по старой памяти решила поделиться с тобой своими... — Марина не договорила, поднялась и быстро вышла из кухни.

Она вбежала в гостиную, сбросила халат и начала одеваться дрожащими руками. Она

ругала себя за то, что явилась сюда. Что она хотела услышать? Какие слова могли бы изменить то, что случилось? Она понимала, что время идет и нужно поскорее определяться с выбором, но в том-то и дело, что это выбор давался так трудно. Она не могла оставить ребенка и избавиться от него не могла. Хотелось закрыть глаза, открыть их и понять, что не было в ее жизни того вечера. Не было Вадима, не было отчаянного обладания, не могло быть... Какая нелепость, что она носит в себе ребенка, зародившегося от первой, единственной и совсем не желанной близости с мужчиной. Она не в состоянии признаться Алисе в этом. Трудно было представить ее реакцию на подобное известие. Пока она смотрит на нее с жалостью, пытается утешить, помочь. Конечно, она хочет помочь, ведь не могла же она за какой-то год забыть все то, что связывало их с детства. Столько радости и печали разделили они пополам, и становилось так легко — как же это было давно, словно в другой жизни. А сейчас все по-другому, на ином уровне, и не становится легче от того, что поделился своей бедой. Это можно было понять не приезжая, не пытаясь вернуть прошлое, не цепляться за тонкую чудесную спасительную соломинку. Чуда не будет...

Марина злилась на себя и решила поскорее убраться из этой вдруг ставшей ненавистной квартиры, пока с ее языка не сорвались слова еще более обидные. Она успела надеть платье и пригладить взъерошенные волосы, когда в проеме двери ее остановила Алиса.

— Сядь и не пори горячку! — властно сказала она, подталкивая Марину к креслу. — Села, отдышалась, пришла в себя? Беременность лишила тебя разума, что ли?

— Мне не нужны нотации.

— А что тебе нужно? — закричала Алиса. — В чем твоя проблема? Залетела не в нужный момент? А когда он, по-твоему, будет, нужный-то? Какая работа, Марина?! Я бы тысячу работ отдала взамен на то, чтобы стать матерью, миллион!

— Я не могу останавливаться сейчас, когда появилась нормальная работа с человеческим заработком, новые знакомые, другая жизнь. Я так давно мечтала об этом. Я могу начать жить своей, а не твоей жизнью, Лялечка! Я не могу больше быть твоей тенью, ведь и ты этого всегда хотела! Я так устала представлять себя на твоём месте, слушать рассказы о мимолетных романах, переживать крушение настоящей любви. Не могу больше смотреть на тебя и испытывать отвращение к себе. Не могу! — Марина колотила кулаками по мягкому креслу. — И семья мне не нужна. Я привыкла к одиночеству. Мне не нужен мужчина, который рано или поздно предаст! С меня довольно предательств, слышишь? Я столько вижу их вокруг. И какая я мать? Ну, какая я мама, Алиса, когда меня выворачивает от одной мысли о пеленках, распашонках, режиме кормления!..

— Послушай, что ты говоришь?

— Я наконец говорю то, что думаю. Это лучше, чем родить ребенка и потом всю жизнь упрекать его в своей неудавшейся жизни. Я сыта этим по горло! Вспомни, как кончила моя мать.

— Ты не убьешь этого ребенка, — тихо произнесла Алиса, присаживаясь на пол рядом с креслом. Она обняла ноги Марины, прижав к ее коленкам пылающее лицо. — Ты не представляешь себе тех угрызений совести, той боли, которую будешь испытывать через год, два, три, глядя на розовощеких карапузов. Ты будешь смотреть на них, думая, что твоему ребенку исполнилось бы... Одним словом, не делай этого, прошу тебя. Боль будет невыносимой.

— Тебе-то откуда это известно?

— В моей жизни это было, давно, очень давно. Но до сих пор я не могу забыть того дня.

Я жалею о своей слабости, страхе показать всем, какая я на самом деле. Если бы вернуть все назад, я бы поступила иначе.

Марина откинулась на спинку кресла. Она чуть свысока смотрела на сидевшую в ее ногах подругу, испытывая некоторое злорадное удовлетворение. Она сама от себя не ожидала такой реакции, но это было именно сладостное удовольствие. Ее идол, ее кумир, та, для которой она всегда была готова совершить невероятное, сейчас выглядит такой жалкой, беспомощной. И никакая она не железная леди. Жизнь постоянно устраивает ей проверки, испытывает ее на прочность. Почему? Быть может, Алиса сама притягивает такие ситуации своим поведением, желаниями, мечтами. Она получает то, чего заслуживает: краткие, ускользающие мгновения счастья и долгое терзание, уничтожающую реальность. Она уже сгорбилась от предстоящих серых дней ожидания, ожидания того, что может никогда не произойти. И останется она с мужем, общение с которым будет каждодневной пыткой, мукой, которую она будет скрывать от всех. А главное — это внутренняя, изматывающая боль, осознание того, что все могло сложиться по-другому. Убийственная память будет возвращать ее в те дни, когда Гарик был здоров, а она не считала это чем-то выдающимся, жизнеопределяющим и продолжала страдать, существуя в придуманном мире. Наверняка она изводила его своими капризами, холодностью, храня в сердце воспоминания о том, кто бессовестно использует всех, кто любит ее... Она не допускала к себе настоящего мужчину, который был готов на многое только ради ее улыбки, хорошего настроения. Она сама поселила в нем надежду и каждый день убивала ее. И не случилось бы этой страшной трагедии, если бы Гарику не нужно было постоянно доказывать Алисе свою любовь, выпрашивать знаки внимания, ожидать блеска в счастливых глазах.

Марина почувствовала, как губы расплываются в злорадной усмешке. Она словно забыла о своей проблеме, растворившись в океане печальных глаз Алисы. В них не было привычного превосходства, всегда выдаваемого за желание поделиться опытом, наставить на путь истинный. Теперь обе снова стояли на одной ступени. Однажды Марина уже ощущала что-то подобное, когда Алиса сидела у нее на кухне раздавленная, униженная, потерявшая веру в любимого. Тогда подруга вызывала желание защитить ее, обогреть, не дать никому в обиду. Марина смотрела на Алису, не замечая, что машинально гладит ее мягкие блестящие волосы. Получалось, что ей снова предстояло открыть Ляльке глаза, показать, на что способен Вадим Белов. Может быть, эта кажущаяся невозможной правда поможет ей навсегда излечиться от любви к нему? Снова Марина оказалась перед выбором: утаить или раскрыть?

— Послушай, Лялька, я тебе не все сказала, — начала Марина. — Сядь рядом, я не могу смотреть на тебя вот такую.

Алиса послушно села в кресло, стоящее рядом. Она выпрямила спину и положила ладони на колени — этакая послушная девочка, всем видом показывающая свое внимание.

— Я не знаю, как начать. Долгое вступление ничего не изменит. Я хочу, чтобы ты знала: это сумасшествие, затмение, минутная слабость.

— Боже, как сложно, — Алиса откинулась на спинку кресла, провела рукой по волосам.

— Сложнее, чем ты можешь себе представить, подружка. Мне трудно говорить об этом, но я должна. Я скажу ради того, чтобы между нами, как всегда, не было ничего недосказанного.

— Говори, я слушаю.

— Горечь от потери может быть только тогда, когда речь идет о желаемом ребенке. У

меня не такой случай. Все дело в том, что отца этого ребенка ты очень хорошо знаешь, — Марина подалась корпусом вперед, сократив расстояние между собой и Алисой до минимума. — Это Вадим, Вадим Белов. У нас не было романа, никакой романтики. Просто однажды он пришел туда, где был счастлив с тобой. Пришел и сошел с ума. Наши силы были неравны, и в конце концов я сдалась... Он любил тебя в тот вечер, понимаешь, тебя, а я просто на свою голову покрасила волосы в рыжий цвет. Мы все пытаемся вернуть тебя, кто как может. И ни у кого не получается... Ну, я призналась. Больше об этом никто не узнает. Что ты скажешь теперь?

Алиса поднялась, снова подошла к дверному проему. Прислонилась к стене, качая головой. Ей показалось, что это очередной дурной сон. Сколько их было — не счесть, а теперь они материализовались в этот кошмар! Алисе не верилось в то, что она услышала. Она никогда не могла представить себе такого. Нонсенс, несусветная чушь, злой розыгрыш! Но Марина не может поступить с ней так жестоко. Теперь Алиса поняла, что подруга приехала к ней снять чувство вины, терзавшее ее с тех пор, как стало известно, что она ждет ребенка от Вадима. Наверняка их близость осталась бы для нее тайной, если бы не ее последствия.

— Кстати, — спросила Алиса, продолжая течение мыслей, — когда это случилось?

— Тебе точное число? — иронично усмехнулась Марина, но опустила глаза, не выдержав взгляда подруги. — Уже больше восьми недель, ждать больше нельзя. Нужно поскорее решаться: или оставлять ребенка, или без промедления избавляться от него.

— Ты столько времени раздумываешь? — ужаснулась Алиса.

— Да ладно тебе. Можно подумать, я знала, что происходит. Работала, работала, а потом в один прекрасный день поняла, что в прошлом месяце у меня не было наших привычных критических дней. Я ведь не думала, что это может произойти вот так. Господи, да мне в самом кошмарном сне не могло такое привидеться!

— Да уж, — Алиса вышла из комнаты, оставив Марину в недоумении.

Тишина давила на барабанные перепонки. Марина сидела и чутко прислушивалась к шорохам: вот раздался едва слышный щелчок, а вскоре в комнату просочился запах дыма от сигареты. Поднявшись, она взяла сумочку, сиротливо лежавшую на полу возле кресла. Машинально открыла ее, нашла свою ярко-оранжевую помаду и без зеркала привычным движением быстро накрасила губы. Она делала это лишь потому, что должна была как-то занять руки и подсознательно оттягивала момент прощания. Конечно, Алиса больше не хочет видеть ее. Однако то светлое, доброе, что связывало их долгие годы, не позволяет ей разгневанно обрушиться на подругу, лишившую ее последних иллюзий. Нужно поскорее убираться отсюда. Марина спрятала помаду, осторожно застегнула молнию на сумочке, прижала ладони к щекам: зачем она снова сунулась со своей правдой? Кому она была нужна? Кому стало легче? Никому, только проблем прибавилось. Она лишила себя единственной подруги — только и всего. Разве сможет Лялька общаться с нею как прежде после услышанного?

Марина не могла сделать и шагу. Все тело сковали незримые силы, которые крепко держали ее в своих железных объятиях. Сколько прошло времени, Марина сказать не могла, наконец она вышла из оцепенения и осторожно выглянула из комнаты. В конце длинного коридора на кухне лицом к открытому окну стояла Алиса и курила. Она часто выпускала серое облако дыма, окутывавшее ее на мгновение и уносимое дуновением воздуха. Марина снова остановилась, вглядываясь в силуэт подруги. «О чем ты думаешь, Лялька?» — Марина

до боли закусила губы. Она смотрела на прямую спину, длинные густые волосы, спадавшие тяжелыми прядями, словно хотела оставить для себя в памяти вот такую подругу — отвернувшуюся, но не опустившуюся до грязного выяснения отношений, истерики.

А Алиса чувствовала себя почти так же, как тогда, когда ей сообщили о Гарике. Та же беспомощность что-либо исправить, нежелание принимать такие жизненные обстоятельства. Она получила очередное доказательство тому, что мир бывает очень зол, и противостоять ему зачастую просто не хватает сил. Никогда не знаешь, откуда получишь следующий удар. За то время, что Алиса стояла у окна, перед ее глазами промелькнула вся ее недолгая жизнь. Она не видела обожженной солнцем травы на газонах, прохожих, прикрывающих глаза от яркого света, жадно пьющих воду, изнуренных жарой и горячим ветром. Они мечтают о прохладных каплях дождя сейчас, а потом будут недовольно открывать зонты и кутаться в плащи, спасаясь от осенней непогоды. Да, совсем скоро все это закончится, небо затянут серые тучи. Дожди напоят уставшую от зноя землю, станет прохладнее. И надевая осенние одежды, природа неспешно совершит очередной цикл. Багряные, желтые, пурпурные листья деревьев в последний раз порадуют глаз незабываемой красотой увядания и оголятся перед наступлением суровых зимних дней. Промчатся они — и снова молодая, сочная зелень привычно ляжет салатным ковром и воздушными гирляндами убранства деревьев.

Алиса горько усмехнулась — только в ее жизнь вряд ли придут благостные перемены. Чего ей ждать? Нет желаний, нет радости — есть горькая перспектива превратиться в бесчувственное дополнение, скрашивающее существование мужа-инвалида. Кажется, вечный холод зимы поселился где-то глубоко внутри, обжигая колючими иголочками, больно ранящими, не дающими покоя. Она должна найти себе отдушину, что будет изо дня в день отогревать ее замерзшую, истосковавшуюся по чистой, настоящей любви душу. Она должна найти выход своей заложенной природой бесконечной жажде обогреть и чувствовать ответную нежность. И вдруг мгновенно ее озарила мысль, показавшаяся сперва полным абсурдом, а еще через миг — спасением.

Услышав за спиной шаги, Алиса не оборачиваясь крикнула:

— Марина, не уходи, пожалуйста, — не услышав ничего в ответ, она бросилась в коридор и увидела стоящую посреди просторной прихожей бледную, дрожащую от волнения подругу. — Подожди, я, кажется, нашла самый лучший выход для всех нас.

Марина стояла, не поднимая глаз, только облизывала сухие губы и поправляла падающую на глаза прядь волос. Она не могла поверить, что Алиса обращается к ней таким тоном: спокойно, словно ничего не произошло. Ожидая ощутить на себе всю силу отчаянного гнева подруги, Марина вдруг почувствовала слабость в ногах. Выронив сумку, она обняла Алису, прижалась к ней всем телом и, по-детски всхлипывая, расплакалась. Ей стало невыносимо стыдно за то, что несколько минут назад она испытала злорадное удовлетворение, увидев Алису раздавленной, слабой. Марине хотелось упасть на колени и просить прощения. Она не смела так поступать, не должна была снова приносить ей боль.

— Успокойся, Машка, — не обнимая в ответ, но и не отталкивая ее, произнесла Алиса. — Пойдем, все станет на свои места. Нужно только немного подождать. Ты готова слушать?

Марина вытерла слезы и в ее зеленых глазах яркой искоркой мелькнула надежда...

Алиса улыбалась, заметив, как рад Гарик ее приходу. Она присела на краешек его

кровати и, поглаживая его теплую руку, наблюдала за выражением лица мужа. Последнее время они часто вот так молча смотрели друг другу в глаза. Со дня на день предстояла выписка Гарика из больницы. Виктор Павлович был с Алисой откровенным, не обещая быстрого и окончательного выздоровления.

— Упорные тренировки под наблюдением опытного специалиста, массаж, диета, соответствующий режим и положительные эмоции — вот самое главное, — прямо глядя в глаза Алисе, говорил он. — Предстоит долгая, нелегкая работа. Это испытание для вас обоих. Мужайтесь, девочка. Он очень нуждается в вашей любви и заботе. Будем надеяться на лучшее, но в любом случае это произойдет не скоро.

Это был один из последних разговоров Алисы с врачом, когда она уже достаточно спокойно воспринимала все им произнесенное. И дело было не только в том, что она свыклась с обрушившейся бедой, а и в том, что внутри ее зародилась надежда даже в такой ситуации изменить их жизнь к лучшему. То, что она задумала, требовало взвешенного, продуманного решения. Со своей стороны она была готова к таким переменам, но все зависело не только от нее.

Каждый день она приходила к Гарикку, намереваясь начать этот трудный разговор. Она невнимательно слушала его рассказы о процедурах, о смешных казусах с медперсоналом, визитах коллег. Алиса видела, что кризис миновал — Гарик уже не отворачивался к стене, не молчал часами, мрачно и безнадежно разглядывая стены и потолок. Он снова был готов жить, работать, бороться с переставшим подчиняться телом. Алиса ждала подсказки свыше, ждала, боясь ошибиться в выборе момента для того, чтобы рассказать о задуманном. Но медлить было нельзя, к тому же Гарик сам подвел ее к разговору на тему о детях.

— Где, ты говоришь, сделала тренажерный зал? — вдруг спросил он, когда Алиса уже собиралась уходить. Слава еще не позвонил, чтобы предупредить о приближении родителей Гарика, с которыми Алиса лишь изредка перезванивалась. Однако она почему-то засуетилась и сказала, что хочет сегодня проехаться по магазинам в поиске еще одного тренажера. Именно после этого Гарик задал свой вопрос.

— Пришлось переоборудовать столовую, — снова сядя на стул напротив мужа, ответила Алиса.

— Почему ты так решила?

— Не знаю, мне показалось это самым логичным. Все остальные комнаты нам нужны в большей степени.

— Особенно детская, — закрывая глаза, тихо произнес Молчанов. Алиса заметила, как его пальцы смяли одеяло, с силой сжимая мягкую, податливую ткань.

В этот момент Алиса поняла, что час настал.

— Кстати, я не могла найти повод, чтобы заговорить об этом, но раз уж ты сам начал... — Алиса перевела дыхание и села на кровать. Она положила руку поверх руки Гарика, заставив его выпустить смятое одеяло. — Гарик, нам нужно поговорить на очень серьезную тему. Еще несколько дней назад подобный разговор показался бы мне бредом сумасшедшей, окончательно потерявшей ощущение реальности женщины. Но я смею предположить, что за последнее время я стала тебе более близка, нежели раньше. Надеюсь, ты понимаешь, что я никогда не собиралась оставить тебя с твоими проблемами. Этого не могло произойти потому, что я не разделяю проблемы на «твои» и «мои». В семье должно быть только так, тогда это навсегда, тогда это отношения близких людей.

— Я согласен, — воспользовавшись короткой паузой, сказал Гарик. Он видел, как

волнуется Алиса, и тщетно пытался найти этому причину. — Ты, пожалуйста, успокойся. Я готов выслушать все, что угодно.

— Гарик, Гарик, наверное, я превзойду все твои самые смелые предположения, — запрокинув голову, произнесла Алиса. Она улыбнулась, скользя взглядом по освещенному солнечным светом потолку, и снова посмотрела мужу в глаза. — Хватит вступлений... Мы с тобой взрослые люди и реально смотрим на ситуацию. Мы прожили вместе почти полтора года. Раньше твоя работа и моя хандра часто разъединяли нас, а теперь — болезнь выставляет высоченную преграду: толстые, с трудом пробиваемые ворота, которые нам придется брать штурмом. И это не на месяц, два, может быть, не на один год.

— Я знаю, знаю, — нетерпеливо перебил ее Молчанов.

— Извини, что я вынуждена снова говорить об этом. Просто я пытаюсь подвести тебя к тому выходу, который я нашла в сложившейся ситуации. Я хочу сделать нашу жизнь более наполненной, не лишенной обычных житейских радостей и трудностей, чего нам не удалось сделать до сих пор. Не будем сейчас говорить о том, кто виноват, что было сделано, сказано не так. — Алиса провела тонкими пальцами по пылающим щекам Гарика. Он блаженно закрыл глаза, но через мгновение отвел ее руку. — Да, да, я перехожу к главному. Ты всегда мечтал, чтобы у нас родился сын. Я чувствую ужасный, непосильный груз вины, что я лишила тебя этого.

— Теперь мы меняемся местами, — заметил Молчанов, продолжая буравить Алису взглядом.

— На днях ко мне приехала моя подруга. Я рассказывала тебе о ней: Марина Светина. Мы жили на одной лестничной клетке. Мои родители практически вырастили нас обеих. Мы даже не подруги — сестры, пусть и некровные. Мы с ней разные и, честно говоря, она всегда отчаянно нуждалась во мне, в гораздо большей степени, чем я. Я раньше не понимала, как тяжело ей было. Так вот, у нее сейчас проблема, которую мы с тобой можем помочь ей безболезненно разрешить.

— Безболезненно для кого?

— Для всех: тебя, меня, Марины и... ее будущего ребенка, ребенка, от которого она хочет избавиться, убить, а я мечтаю оставить ему право родиться, жить и расти в нашей семье. Я говорила с Мариной. Она согласна подписать все бумаги об отказе от малыша. Главное сейчас — твое согласие. Мы сделаем так, что никто не узнает об усыновлении. Я все продумала. Срок ее беременности захватывает время до аварии. Она уедет из Горинска раньше, чем признаки беременности станут видны. Я поселю ее в нашем загородном доме. Частный врач будет наблюдать ее. А потом она уедет. Уедет навсегда.

— Ты все действительно продумала, — задумчиво произнес Молчанов. — Странно, что я ничего не услышал о деньгах.

— Конечно, она получит сумму, которая позволит ей жить припеваючи. Мы оговорим ее в том случае, если я услышу твой положительный ответ. Гарик, я не смею настаивать и приму любое твоё решение, зная, что ты поступаешь только по велению своего сердца.

Гарик не сводил с Алисы глаз. Он вдруг только сейчас окончательно понял, что никогда не сможет подняться, никогда не станет тем, кем хотел стать для Алисы, и его удел — инвалидная коляска и заботы созданной им фирмы, да и то до тех пор, пока он будет в состоянии держать ситуацию под контролем. Его жизнь превратится в изматывающую борьбу с могучим, непобедимым противником и каждый день рядом будет Алиса, надеющаяся на чудо. Он не сможет сделать ее счастливой, никогда не оправдает ее

ожиданий. Гарик до боли, до скрежета сжал зубы: до чего же ей одиноко, невыносимо тяжело, если она готова усыновить чужого ребенка, до какой последней черты дошла она. Молчанов закрыл глаза и вспомнил свое возвращение из очередной командировки, когда застал Алису без чувств лежащую в их спальне, нагло тающуюся снотворного... А ведь он струсил тогда, сделав вид, что поверил ее объяснению, что одна-единственная таблетка смогла ввести ее в такое состояние. Нет, он никогда не хотел замечать того, что ей всегда было с ним одиноко, холодно. Она принимала его любовь, чего-то ждала, а может, кого-то? Того, от кого она сбежала, не раздумывая согласившись стать госпожой Молчановой. Она и сейчас не собирается оказываться от него. Она готова превратиться в терпеливую сиделку, только с условием, что рядом будет еще одно существо, которое она будет по-настоящему любить. Гарик осторожно взял руку Алисы в свои, поглаживая ее тонкие пальцы, чуть задержался на прохладном бугорке обручального кольца, снова поднял глаза.

— Гарик, милый, прости, я никогда не думала, что...

— Не нужно, Аля, не оправдывайся. Я готов ответить сейчас. Только ты прежде спроси саму себя: нужна ли тебе такая жизнь? Я лишаю тебя стольких радостей, тех, которые мы обычно принимаем как должное и даже не задумываемся, как они важны. Ты молодая, красивая, умная — ты не представляешь, на что обрекаешь себя.

— Ты снова гонишь меня. Послушай, речь идет только о том, чтобы скрасить нам с тобой то нелегкое время, пока все не станет на свои места, понимаешь? — Алиса старалась говорить убедительно. Она волновалась, потому что понимала, какую огромную ответственность возлагает на себя, Гарика. Она вспомнила последний вопрос Марины.

— Скажи, — уходя, вдруг спросила та, — если бы это был не его ребенок, ты предложила бы мне то же самое?

Алиса оставила вопрос без ответа. У нее мурашки побежали по коже, ведь она знала, что было главным мотивом ее поступка. Ей было и стыдно, и легко предлагать Гарика усыновить ребенка, отца которого она когда-то любила. Она спокойно говорила об этом в прошедшем времени, потому что всегда существуют обстоятельства, после которых возврат в прошлое категорически исключается. Алиса знала, что никогда не захочет ощутить его прикосновения, сладость поцелуя, увидеть, как мир замирает в его глазах. Но и отказать в себе в том, чтобы тайно от всех получить частичку того безумного, обжигающего прошлого, она не могла.

Алиса встряхнула головой, попыталась улыбнуться, но, встретив серьезный, полный страдания взгляд мужа, сдержалась. Она положила голову ему на грудь, в какой-то момент решив, что поступает нечестно, все-таки она должна быть откровенна до конца.

— Я согласен.

— Что? — Алисе показалось, что его сердце остановилось и больше не бьется. — Что ты сказал?

— Я согласен, — тихо повторил Молчанов, — это окончательно и мне не нужно время на размышление. Чем занимается твоя подруга?

— Она недавно устроилась работать в парикмахерский салон. У нее талант, — не понимая, к чему клонит Гарик, быстро ответила Алиса.

— Тогда нужно дать ей столько денег, чтобы она смогла открыть свой салон и занималась любимым делом. В другом городе, разумеется. Сумму определишь сама, — Гарик устало вздохнул. Он никогда не думал, что слова могут отнимать столько сил. Он чувствовал себя выжатым, словно после тяжелого, напряженного рабочего дня. — А теперь

иди домой. Я хочу отдохнуть перед приходом родителей.

— Да, конечно, — Алиса резко поднялась.

— Надеюсь, что ваши с мамой отношения улучшатся после того, как я ей сообщу, что она скоро станет бабушкой, — глядя в сторону, сказал Гарик.

— Надеюсь, — коротко ответила Алиса.

— Она давно хочет внуков.

— Они у нее будут.

— Они? — Гарик грустно усмехнулся.

— Именно.

— Договорились.

Алиса медленно подошла к двери и, взявшись за ручку, обернулась.

— Гарик, я люблю тебя, слышишь? И спасибо тебе, — не дожидаясь ответа, она быстро вышла из палаты.

— Я так хотел услышать это раньше, много раньше... — произнес Молчанов, чувствуя, как комок подступает к горлу, а вокруг все сливается в мутное изображение.

Машинально расправляя руками складки на одеяле, Гарик боролся с тем, что творилось у него внутри. Он боялся задавать себе вопросы, предоставив быстротечному времени расставить все на свои места.

Валя придирчиво рассматривала свое отражение в зеркале. Кажется, новая прическа изменила ее до неузнаваемости. Что это за женщина смотрит на нее? Длинные волосы спадали ступеньками, обрамляя похудевшее лицо светло-русыми локонами. Отражение в зеркале едва напоминало женщину, около получаса назад севшую в это кресло. А сзади, довольная своей работой, улыбалась Марина.

— И как это ты решилась? — удивленно восклицала она все время, пока колдовала над роскошными волосами Валентины. В ответ та лишь загадочно улыбалась. — Наверное, на тебя повлияло мое сообщение об отъезде?

— Теперь я точно скажу, что напрасно не сделала этого раньше, — поднимаясь, сказала Валя.

— Всему свое время. Пришло время измениться, и ты почувствовала это.

— Да, Мариша, ты права. Спасибо тебе. Ты действительно мастер, да еще какой! Жаль, что ты уезжаешь. Мне даже не верится, — грустно глядя в зеленые глаза Марины, заметила Валя. — К кому же я буду ходить стричься, кто так заболтает моего Димку, что он забудет о стрижке и не проронит ни звука?

Марина опустила глаза. Она изо всех сил старалась общаться с Валею свободно, приказывая мукам совести спрятаться подальше. Столько раз она доказывала самой себе, что ни в чем не виновата. В конце концов она не собиралась уводить ее мужа и никогда не раскроет ей тайну своего неожиданного отъезда. Отъезда, который огорошил хозяйку салона, мгновенно предложившую ей увеличить оклад. Как будто деньги были причиной ее решения уехать из Горинска. Она отшучивалась, говорила, что, может быть, когда-нибудь вернется. Хотя возвращаться ей не хотелось. Здесь никто и ничто не удерживало ее. Все, что происходило с нею за эти годы, в этом городе не стоило того, чтобы храниться в памяти. Появлялась возможность начать жизнь с чистого листа, и Марина решила воспользоваться этим.

— Ничего, Валюша, свято место пусто не бывает.

— Это уж точно, но все-таки грустно, — Валя вздохнула, надевая кожаный плащ.

Первый осенний месяц заявил о себе с первых дней, обрушив на отвыкших от холода людей бесконечные потоки дождей и пронизывающего ветра. — Надеюсь, что у тебя все устроится так, как ты того хочешь.

— И я надеюсь, — благодарно глядя на Валю, сказала Марина. — Спасибо. Я никогда не забуду того, что ты для меня сделала.

— Не стоит.

— Если бы человеку воздавалось за все его добрые дела при жизни, то я бы для тебя попросила бесконечного счастья и любви. Ты такая красивая, необыкновенная, — Марина вкладывала всю душу в свои слова. Она не понимала, как может мужчина, живущий рядом с такой красотой, мечтать о другой? — Тебя бы окружить любовью так, чтобы ни одна самая невинная обида, горечь не попала внутрь.

— Кажется, я смогу все это скоро получить, — продолжая загадочно улыбаться, ответила Валя.

— Ты о чем? — Марина увидела, как вспыхнули щеки Беловой. Она осторожно кивнула головой в сторону в вестибюля.

— Знаешь, в моей жизни происходят перемены. Я осторожно отношусь к ним, потому что вместе с ними разрушается то, что мне казалось незыблемым. Я еще ничего не решила. Только, милая Марина, даже самая великая любовь может разбиться о стену равнодушия и предательства. Сколько ни закрывай глаза, а все равно невозможно не заметить.

В этот момент в зал снова заглянул приятный мужчина, которого Марина заметила сразу, как только Валя села в ее кресло. Он как-то удивительно тепло смотрел в их сторону, но лицо Вали оставалось безучастным к этому. Она слишком волновалась, наблюдая за движениями Маринкиных рук, чтобы отвлекаться. Но на этот раз ответом на его появление стала улыбка Вали и жест с просьбой подождать еще немного. Мужчина кивнул и снова скрылся за прозрачной дверью.

— Ты уходишь от мужа? — Марина почувствовала слабость в ногах и оперлась о высокое кресло. — Уходишь или ушла?

— А не от кого было уходить, — грустно сказала Валя. — Его никогда не было рядом. Не хочу вспоминать обо всем. Я дала себе слово больше никогда не обманывать саму себя.

— Как его зовут?

— Андрей.

— Сын-то с тобой или с ним?

— Конечно со мной. А где сейчас Белов, я не знаю. Он давно перестал ощущать себя семейным человеком. Он идет по жизни смеясь, даже если его смех вызывает у всех слезы. Все слишком далеко зашло, — Валя покачала головой и виновато улыбнулась. — А ведь мне до сих пор не нужен никто, кроме него. Как это объяснить?

— С Вадимом или с другим мужчиной я желаю тебе счастья, того светлого и бесконечного счастья, которого ты заслуживаешь, — взяв Валю за руки, скороговоркой произнесла Марина.

— Спасибо. Тебе тоже, — высвобождая руки, сказала Валя. — Увидимся.

— Может быть, — одними губами прошептала ей вслед Марина.

Она подошла к огромному окну и увидела, как из салона вышла пара. То, как мужчина смотрел на свою спутницу, не оставляло сомнений в том, что он влюблен, влюблен так, как бывает только раз в жизни. Казалось, он дорожит каждым мгновением. Марина наблюдала за ними, пока сзади не раздался обычный вопрос посетителя: «Вы свободны?» —

обернувшись, Марина улыбнулась и кивнула головой в знак согласия. Сегодня она была очень довольна собой. Ее последний день на работе отсчитывал время со сказочной быстротой. Удовлетворенные ее работой, женщины вставали с кресла, продолжая рассматривать свою новую стрижку в большом овальном зеркале. Они улыбались, излучая огромные порции положительной энергии, часть которых передавалась Марине. Она принимала это тепло, стараясь не думать, что уезжает от всего этого. Она только почувствовала в себе силы заниматься своим делом. Едва начала идти по жизни без постоянной поддержки, оглядывания назад. Марина автоматически поправила прическу — длинные светло-пепельные волосы снова сделали ее самой собой. Она вчера перекрасила их, понимая, что в ее положении этого делать нежелательно. Однако желание избавиться от ставших ненавистными ярких прядей было сильнее доводов рассудка. Марине хотелось приехать к Алисе такой, какой она была всегда. Необходимость иметь при себе иллюзию присутствия подруги отпадала — на долгие месяцы Алиса вынуждена будет находиться рядом. Прежде чем навсегда расстаться, она окружит ее заботой и вниманием. Скорее не ее, а того малыша, первое биение которого она услышала сегодня утром.

Проснувшись очень рано, она положила руку на практически плоский живот и мгновенно ощутила легкие толчки, словно зашевелился кто-то осторожно. Боясь пошевелиться, она лежала и прислушивалась к этому необыкновенному состоянию. В какой-то момент она чуть не заплакала. Волна нежности, трогательной заботы нахлынула и тут же разбилась о вернувшееся трезвое чувство реальности. У нее нет и быть не может никаких чувств к этому ребенку!

Марина поднялась с постели и, надев халат, быстро зашла на кухню. Оперлась о стол, почувствовав легкое головокружение: слишком резко поднялась. Она посмотрела на серое небо за окном и усмехнулась. Обреченная улыбка не сделала лица веселым, светлым. Взгляд упал на маленький горшочек с цветущей фиалкой. «Нужно будет отдать ее тете Соне. Не оставлять же ее здесь. Одна она погибнет», — подумала Марина и решила сегодня же вечером зайти к соседям.

Они очень удивились, узнав о ее отъезде. Глаза Софьи Львовны буравили Марину в надежде услышать причину такого отчаянного поступка, но та была непреклонна. Она обещала Ляльке, что не поддастся уговорам тети Сони и ни под каким видом не выложит ей настоящую причину ее отъезда. Марина сдержала слово, но как же тяжело ей было видеть сдвинутые брови и обиженное лицо той, которая всегда оказывалась рядом в трудную минуту. Чувствуя, что совершает предательство по отношению к ней и Захару Борисовичу, Марина старалась в последние дни перед отъездом реже попадаться на глаза Зингерам. Она уходила на работу пораньше, а приходила затемно, отстаивая практически по две смены на ногах. Она не ощущала изматывающей усталости, будто желая в эти считанные дни показать все, на что она была способна. А может быть, потому, что скорее хотела приблизить момент расставания с прошлым — это стало навязчивой идеей, и на работе время летело незаметно. Однако Марина не могла изменить законов развития. Только почти через пять месяцев она получит полную свободу и возможность начать все заново. Пять месяцев ожидания появления ребенка, который будет носить фамилию Молчанова, воспитываться в его семье и никогда не узнает цены предательства его настоящей матери. Молодая женщина пыталась разобраться в том, что она чувствует, но явно не находила в душе ничего похожего на раскаяние.

Марина встряхнула головой, оперлась о спинку высокого кресла: да, пора заканчивать с

работой, пока внимательные коллеги не докопались до истинной причины ее неожиданного отъезда. Хозяйка салона бросала на Марину расстроенные взгляды. Терять такого работника было обидно, но всегда такая мягкая, покладистая, Марина была непреклонна, когда сообщила о своем решении уйти с работы. Ничто не могло заставить ее передумать.

— Обстоятельства выше моего желания, — не скрывая своего разочарования, ответила Марина на очередное предложение хозяйки остаться на своем рабочем месте. Каждая новая просьба, разговоры девчонок, с которыми Марина успела подружиться, рвали ей сердце. Ну почему она поддалась уговорам Алисы и согласилась оставить этого ребенка? Она усложнила себе жизнь, спасая неродившегося малыша ради подруги, ради ее мифического желания вернуть утраченную любовь. Алиса, как всегда, смогла надавить на нее, обрисовав мучительную картину душевных страданий и блестящие перспективы в случае согласия родить этого ребенка.

В ожидании следующего посетителя Марина присела в кресло. Очередное едва ощутимое движение изнутри непроизвольно заставило прижать ее руки к животу. Она тут же отдернула их, с опаской оглядевшись по сторонам. Кажется, никто ничего не заметил. «Господи, когда же все это кончится?» — потирая покрывшийся испариной лоб, подумала Марина, но нашла в себе силы через мгновение улыбнуться женщине, обратившейся к ней с привычным вопросом:

— Вы свободны?

— Да, да, конечно, — ответила Марина, освобождая для нее место, а про себя добавила: «Скоро я буду действительно свободна».

Вадим проснулся и хотел подняться с кровати, но пульсирующая боль в висках заставила его со стоном опуститься на подушку. Тут же рядом он почувствовал движение. Повернуть голову в сторону оказалось делом трудным — черные глаза напротив смеялись, глядя на его страдания.

— Ну, что, герой, головка бо-бо? — глухой женский голос отзывался в голове тысячью бьющих в самое больное молотков. — Чем я могу тебе помочь?

Ангелина с любопытством смотрела на Вадима, пытаясь предугадать его ответные слова. Ей это редко удавалось. Он недавно неожиданно ворвался в ее жизнь и сразу занял в ней важное место. Хотелось угождать ему, баловать подарками, видеть блеск в глазах и знать, что сейчас он не нуждается больше ни в ком. Ангелина Севастьяновна переживала и счастливый, и трудный период. Счастливый потому, что рядом был такой красивый, умный, молодой мужчина, от одного взгляда которого ее дыхание сбивалось. Трудный — по этим же причинам, плюс то, что Ангелина сама была женщиной неглупой и понимала, что это не может продолжаться долго. Удержать без желания невозможно никого и ничем. Просто обстоятельства сложились так, что Белову некуда идти, все близкие отвернулись от него, а она с удовольствием приняла.

Их очередная встреча состоялась на одном из деловых совещаний чуть больше месяца назад. Вадим представлял интересы фирмы «Байт» и сети расширявшегося бизнеса, связанного с открытием новых магазинов бытовой техники. Это была ставшая обычной встреча деловых людей Горинска, которых собирала известная, опытная журналистка Яна Красина. Появиться на экране в качестве героев ее авторской программы считалось несомненной удачей и означало, что ты достиг некоего уровня, когда к тебе начинают проявлять повышенный интерес.

После съемок состоялось закадровое неформальное общение: легкий фуршет, непринужденная беседа. Тогда-то Ангелина Севастьяновна и решилась подойти к Белову поближе. Она не знала, о чем будет разговаривать с ним, но ее притягивал этот мужчина. Внутреннее чутье подсказывало, что с ним что-то не так, и она должна незамедлительно оказаться в зоне его внимания.

С той встречи в апреле на выставке работ его жены прошло достаточно много времени, и слишком часто Орлова вспоминала красивого голубоглазого брюнета, выделявшегося среди всех представителей сильного пола в той галерее. Она не могла забыть его внимательного взгляда, улыбки, которая существовала словно отдельно от всего лица. Только губы принимали участие в этой гримасе неискренного проявления радости, а глаза оставались потухшими, пустыми. Ангелина ощутила легкое волнение, когда этот взгляд остановился на ней. Она позволила себе подойти, царственно приблизиться к его семье. Вблизи еще явственнее чувствовалось внутреннее напряжение, исходившее от Белова. Он не смог избавиться от него и сейчас. Вадим выглядел прекрасно, но в его взгляде была пустота, безразличие, которое прорывалось наружу, как он ни старался это скрывать. Эта игра тяготила его, делая еще красивее, с печатью легкой, интригующей, осенней грусти на лице.

Ангелина взяла два бокала с апельсиновым соком и направилась в дальний угол большого просторного зала, где в обществе скучающей молодой дамы, владелицы сети магазинов женского белья, Вадим с лучезарной улыбкой расточал свое красноречие. Не в правилах Ангелины было идти туда, где ты можешь стать лишней, но ей повезло. Ее приближение совпало с окончанием их разговора. Ангелина Севастьяновна увидела в этом хороший знак.

— Ну, Вадим Петрович, здравствуйте поближе, — улыбаясь, сказала Орлова.

— Здравствуйте, Ангелина Севастьяновна, — Белов выпустил струю дыма в сторону, вопросительно глядя на источающую потоки нескрываемого желания женщину. Она как всегда была ухожена, дорого и со вкусом одета. На пальцах, держащих стаканы с соком, красовались кольца с крупными бриллиантами.

— Вы так на меня смотрите, словно хотите холодно спросить: «Чем обязан?» — сощутив глаза с густо накрашенными ресницами, чуть капризным тоном произнесла Орлова.

— Не угадали. Я рад снова вас видеть почти через полгода после нашей последней встречи.

— Как летит время, — Ангелина протянула ему один из стаканов с соком.

— Спасибо. Я действительно рад. Не каждый день приходится общаться с такими эффектными деловыми представительницами слабого пола. И вообще ваше появление — самое приятное, что произошло со мной за последнее время.

— Наверное, то же самое вы говорили этой прелестной молодой особе, составлявшей вам компанию минуту назад?

— Снова промах. Я умею находить слова, предназначенные только для одной женщины. Кстати, откуда вы знаете, что я люблю апельсиновый сок?

— Случайный выбор, — кокетливо улыбаясь, ответила Орлова.

— Ничего случайного не бывает. Но даже если так, мне приятно. Хочется продлить удовольствие. Давайте поедem и поужинаем вместе, не возражаете?

— Не возражаю, — томно улыбаясь, ответила Орлова, хотя не ожидала такого поворота в разговоре. Она разволновалась, казалось, звуки ее бьющегося сердца слышны на весь зал. — Какое прекрасное продолжение делового вечера.

Потом была еще более неожиданная ночь, которую Белов провел в ее квартире. Все получилось само собой: поднявшись, чтобы проводить ее до самих дверей, он не отказался зайти на чашку кофе. Ему некуда было идти: гнетущая пустота дома пугала, туда возвращаться не хотелось. А через полчаса Ангелина уже изнывала в его объятиях в своей спальне. Она ни на минуту не верила в то, что Вадим вдруг воспылал к ней любовью. Здесь было другое — желание просто почувствовать тепло, ощутить нежность прикосновений, слова страсти, даже ни к чему не обязывающие. Он боялся остаться в одиночестве. Она видела, как легко ему было принять ее предложение остаться. Вадим ухватился за него, как за брошенный спасательный круг, брошенный вовремя.

Она разрешила ему курить в постели, чего никогда не делала сама и не позволяла никому. Он благодарно поглаживал ее руку, незаметно для самого себя начав рассказывать о своей жизни. Она боялась пошевелиться, сделать неловкое движение и сбить его с мысли. Он так спешил, перескакивал с одного на другое, словно боясь, что ей надоест, и она остановит его, не дав возможности высказаться. Ангелина осторожно повернула голову, чтобы в полумраке видеть его точеный профиль и подрагивающую сигарету. С каждой минутой перед нею все более четко вырисовывался портрет мужчины, неожиданно ставшего ее очередным любовником: три его попытки жить в семье закончились неудачно. Последний, третий брак подошел к логичному завершению — жена не так давно подала на развод. Вспоминая, как она смотрела на Вадима во время выставки, Ангелина недоумевала: что послужило поводом для такого решительного шага? Наверняка ее жизнь с Беловым была далека от идеальной. Ангелина на собственном опыте знала, что такое мучения обманутой женщины. С ней это было очень давно, но запомнилось железно. Ангелина слушала Вадима и удивлялась тому, как он излагал факты. Кажется, его больше всего тревожил тот факт, что она, именно она бросила его, а не наоборот.

— Скажи, а тебе было бы легче, если бы ты ушел от нее первым? — спросила Ангелина, когда пауза в рассказе стала достаточно долгой.

— Не знаю.

— Раньше инициатива разрыва была в твоих руках?

— Да. Но меня бросают уже во второй раз. И всегда женщины, от которых я этого не ожидал, — прикуривая очередную сигарету, устало сказал Белов. — Наверное, я обречен на одиночество, но почему-то отчаянно пытаюсь соединить свою жизнь с кем-то.

Ангелина не знала, как реагировать на его слова. Вадиму нужно выговориться — хорошо, она была готова стать немногословной слушательницей. Ей даже очень интересно узнавать подробности жизни красивого, избалованного мужчины, который привык не оглядываться назад. Постепенно складывался портрет настоящего Белова, который всегда следовал своим желаниям, не задумываясь над тем, что они могут идти вразрез с чувствами близких ему людей. Теперь он оказался у разбитого корыта и не знает, что делать дальше.

Орлова понимала, что Белов не задержится у нее надолго. Она не сможет быть интересна ему настолько, чтобы он забыл о существовании других женщин. Она для него — скорая помощь и только. Да и ей он не нужен в качестве мужа. Она была готова провести с ним столько времени, сколько им отмерено до того, как они начнут испытывать равнодушие или отвращение друг к другу. Она хотела скрасить этот непростой период его существования, чтобы впоследствии он вспоминал об их отношениях с легкой ноткой грусти, тоски по утраченному. Со своей стороны она была рада просто тому, что сможет показываться в обществе с таким красивым мужчиной. Перешагнув в прошлом году

пятидесятилетний рубеж, Орлова нуждалась в таких допингах. Они помогали ей не замечать неумолимо приближающейся старости. Они позволяли оставаться постоянно в центре внимания, пусть даже ценой дешевых сенсаций. Это не мешало ее бизнесу, напротив, придавало сил, окружая ее легким облаком интриги.

Итак, Вадим поселился у Орловой и открыто появлялся с нею на людях. После короткого объяснения Валентина подала на развод и переехала к Веронике Сергеевне, оставив записку, что не хочет его больше видеть и слышать. Четкий, красивый почерк сливался в одну тонкую, черную линию. Смысл не укладывался у Вадима в голове: «Когда-то я была уверена, что смогу простить тебе все. Я даже маме призналась в том, что не смогу быть сильной без тебя. Она была возмущена. Тогда мне казалось, что меня никто не может понять. Никто не может прочувствовать силу моей любви к тебе. Я спрашиваю себя: нужно ли любить, чтобы обрести счастье? Ты изо дня в день убивал мою любовь, ты испытывал на прочность мои чувства. Я все понимала и молчала, боясь потерять тебя. Недавно я поняла, что терять нечего — ты лишь очень давно, в самом начале нашего знакомства был честным, искренним, пытался любить, быть рядом. Потом... Я не знаю, чего я не смогла тебе дать, чтобы ты не искал любви на стороне, обрел покой. Наверное, я — не та женщина, которая нужна тебе. В твоей жизни их было немало, но я — мать твоего сына. Это единственное, что изменить нельзя. Остальное — мой сон и твоя очередная прогулка по жизни. Я не уйду к другому мужчине, я уйду от тебя, от пустоты и лжи, опутавшей нас. Скоро уеду в Смирновку. Когда моя боль немного утихнет, я сама дам тебе знать о встречах с Димкой. Если ты, конечно, будешь в этом нуждаться...»

Белов не ожидал от нее такой решительности, хотя все шло к этому, особенно последнее время. Третий по счету брак трещал по швам, спасти его могло одно лишь чудо. Давно выйдя из детского возраста, Белов не надеялся, что все можно вернуть. Ему было неприятно раздумывать над тем, что усложняло его существование. Он не хотел признавать, что его отношение к Вале вышло из пределов, когда можно закрывать глаза на происходящее. А ей было невыносимо видеть, как любимый человек отдаляется, прячется за привычную иронию, от которой не смешно уже никому. Они сосуществовали, лишь на людях производя впечатление семьи, в которой все в порядке. Валя поняла, что особенно все пошло вкривь и вкось после успеха ее выставки. Это не поддавалось объяснению, но... Они практически нормально не разговаривали друг с другом, Димка все чаще оставался на выходные и по вечерам у родителей Вадима, потому что мальчику было нужно нормальное общение, а в пылу ссор Валя и Вадим порой забывали, что за стеной их громкие крики слышит сын. Разговоры на повышенных тонах становились все более частыми, слова, оброненные в пылу, — все более обидными. Валя поняла, что пришла пора перестать быть терпеливой и всепрощающей. Она чувствовала, что давно превратилась в некоторое подобие коврика для ног: о него можно вытереть грязную обувь или перешагнуть, не оставив следов. Вадиму, судя по всему, больше нравился первый вариант, но и второй был не намного лучше. В любом случае ее перестали замечать, дурное настроение Вадима все чаще выливалось в придирки или тревожное молчание. Он перестал сдерживаться, отпустил внутренние тормоза. Валя понимала, что их семья уверенно движется к распаду. Устав от происходящего, она воспринимала неминуемое уже без фатальной обреченности.

Валя не пыталась понять причин того, что им не удалось остаться вместе. Она придерживалась мнения, что никогда не бывает виноват кто-то один. Два человека создают семью, оба и несут ответственность. Идеальный, сказочный вариант — они поженились,

прожили долгую, счастливую жизнь и умерли в один день. Это не о них, к сожалению. Валя не чувствовала за собой вины, но от этого на душе не становилось легче. Особенно ее беспокоил Димка. Он чувствовал, что происходит что-то необычное, переживал, задавал вопросы и чаще не получал на них ответа. У Вали сердце сжималось, когда мальчик радостно бросался навстречу пришедшему с работы Вадиму. Но даже ради сына Валя больше не могла терпеть одиночества и отчуждения.

Кризис наступил внезапно. В один из вечеров, когда в разговоре снова было упомянуто имя Закревского, Вадима прорвало. Он уже не мог спокойно слышать о своем друге, ставшем образцом добродетели для Вали. Белов был точно уверен, что они давно стали любовниками. Подготовка Валиной выставки и активное участие Андрея в этом рассматривалось Беловым именно как благодарность за незабываемые минуты. Вадим бросал обвинения, не понимая, что впервые его съедает ревность, обычная, слепая ревность, которая никогда еще ничего не создавала. Ревность и разрушение — две лучшие, неразлучные подруги. Белов не мог объяснить, почему ему хочется быть таким резким. Он не мог принять того, что ему предпочли другого. Что на его глазах разыгрывался лицемерный спектакль, прикрываемый разговорами о Валиных успехах. Белова распирало от негодования. И ни он, ни Валя не увидели в этих криках отчаяния настоящего проявления чувства собственности, пришедшего на смену равнодушию. Оба уже были не в состоянии понять, что ссоры были не чем иным, как поиском нового пути к сближению, необходимостью начать все сначала. В жизни Вали никогда не было другого мужчины, а в судьбе Вадима — уже не было никого кроме Вали. Накопившиеся обиды, непонимание сделали их неспособными разобраться в происходящем.

Высказав все подозрения Вале в глаза, Вадим не услышал ни единого слова в свое оправдание. Она физически не могла оправдываться за несовершенное. Просто придя на следующий день домой после работы, он вошел в пустую квартиру. Никто не вышел в коридор, не было слышно радостного восклицания Димки: «Папа пришел!» Сбылось то, чего он боялся больше всего. Он понял, что перегнул палку, испытания на прочность подошли к логичному завершению.

Неприятности стали сыпаться на голову Белова со всех сторон. Так обычно и бывает. Беда не выносит одиночества, вплетаясь в четкую цепь таких же ранящих событий. Вадим почувствовал, что отношение к нему со стороны друзей и близких мгновенно изменилось, как будто раньше его воспринимали и терпели только потому, что он был супругом Вали. Белов был зол на весь мир: он отворачивался от него в тот момент, когда он так нуждался в нем! Что говорить о друзьях, если даже Галина Матвеевна в категорической форме заявила, что он и только он виноват в том, что произошло.

— Я ведь говорила тебе, что терпение человеческое имеет конец, понимаешь? Чего ты добился? Знаешь, Вадим, ты наш сын, и с этим ничего не поделаешь, но мы отказываемся понимать тебя, — Вадим выслушивал обвинения, выкуривая очередную сигарету, уставившись в потолок. — Вместо того, чтобы постараться вернуть жену и сына, ты показываешься всюду с этой старой стервой. Она тебе в матери годится.

— Может, она мне и пригодится, если родная отказывается, — язвительно заявил Вадим, жалея, что позвонил.

— Мне больно, сын, больно так, что слов не подберу. Как врач я понимаю, что от этого нет лекарства, и поможет мне только полная ампутация чувств. Поступай как знаешь. Ты ведь всегда так делал. Чем еще ты захочешь нас удивить?

— Пока ничем. Не надо меня добивать, ладно? Никто ведь не давал вам гарантий, что ваш единственный ребенок окажется самым счастливым.

Вадим замолчал, он вдруг вспомнил, как в детстве однажды крепко поспорил с отцом, в тот же день помирился, а вечером случайно подслушал разговор родителей на кухне:

— Он никогда не будет до конца откровенным с нами. Может быть, это к лучшему. Знать все ошибки детей — невыносимый груз, как думаешь, Галя?

— Не знаю, они совсем другие. Извечная тема — отцы и дети. Надеюсь, что нам удастся быть его друзьями по жизни, — тихо произнесла мама, а после паузы добавила: — Он считает, что ему позволено больше, чем другим.

— Почему ты так думаешь?

— Вижу, Петя, вижу. Это нехорошо, он совершит много ошибок, но мы сами виноваты. Мы слишком любим его.

— Нужно меньше любви? Меньше любви — меньше ошибок?

— Не знаю, я ни в чем не уверена. Боюсь однажды стать ему чужой, не сумев принять его неудачи...

Теперь Вадим понял, что наступило такое время. Мать отгораживалась от него дежурными фразами, объясняла принципы морали, снова и снова нахваливала Валу. Белов уже не слышал ее последних слов. Он не сразу понял, что разговор окончен — на противоположном конце заунывно звучали равнодушные гудки. Вадим сжал челюсти так, что зубам стало больно, положил трубку.

Они ведь не знают ничего о нем. Они никогда не хотели ничего знать. Им было приятно осознавать, что у них все в порядке: любимая работа, крепкая семья, красивый и умный сын. Он подыгрывал их сверхидеальным отношениям, пытаясь соответствовать атмосфере в семье, и впервые категорически пошел вопреки родительской воле, выбрав свою профессию. Он не пожелал продолжать их дело, начав все с нуля. Он не нуждался в их поддержке, связях, потому что был уверен в собственных силах. Он доказал, что оказался на своем месте. Ведь они признали, что он не ошибся. Но получалось это только в отношении работы. Его личная жизнь, волновавшая родителей не меньше его карьеры, состояла из взлетов и падений. Здесь у него фиаско... Вадим снова закурил, чувствуя, как растет раздражение. Его жизнь рушится, все к черту, а поддержать-то некому.

Оглядывая свое новое жилище, он испытывал благодарность к его хозяйке. Она ни о чем не спрашивает, принимает его ласки, отвечает взаимностью, пытается по-своему заботиться, ведет себя так, словно они знакомы сто лет. Со своей стороны, он сам обо всем рассказал, без единого слова обмана, без единого обещания. Это другой уровень отношений, когда не нужно ничего придумывать, а можно просто быть собой, ничего не загадывать, не планировать. Он чувствовал себя в безопасности рядом с этой женщиной, а она не спешила открываться ему, отвечая улыбками, взглядами, поцелуями.

Ангелине это и нравилось, и пугало. Вадим с нею откровенен — временная необходимость. Он нуждается в этом, а через время станет презирать себя за минуты слабости и ее, как свидетельницу этого. Сейчас у него нет дома, нет семьи, друзей, родители отказались общаться с ним. Это тяжело пережить даже самому сильному человеку. В Ангелине боролись два чувства: жалость и преклонение перед красотой. Вадим был таким уязвимым, непредсказуемым, капризным, но ей как никогда нравилось потакать его причудам. Раньше она требовала этого от других, а теперь с удовольствием делала это сама. Она знала, что в один миг все изменится, но не думала, что так скоро.

Белов, наверное, в знак благодарности, легко перенимал привычки своей новой пассии. Вот и вчера они почти до шести утра просидели в загородном ресторане, количество выпитого могло хватить на многочисленную компанию. Для Ангелины подобные дозы спиртного давно стали нормой, а вот Белову, кажется, было трудновато. Он пытался не отставать от нее, опрокидывал рюмку за рюмкой, едва притрагиваясь к закуске. Она бросала на него недовольные взгляды, но ничего не говорила. Самое ужасное, что потом он настоял на том, чтобы самому вести машину. Это было безумием, и порядком захмелевшая Ангелина пыталась отговорить его от этого — тщетно. В конце концов Вадим с презрением посмотрел на нее и сказал, что не любит трусость в людях вообще, а в женщинах в частности.

— Если ты боишься, закажи такси, а мне в самый раз прокатиться, — пробормотал Белов и, позвав официанта, рассчитался, оставив щедрые чаевые. Собравшись, он медленно двинулся к выходу. Ангелина, недолго думая, вышла за ним. Вадиму не с первой попытки удалось вставить ключ в замок зажигания — Ангелина практически протрезвела, представив, как он сможет вести машину. Нужно было придумать что-то, могущее отговорить его от этой безумной затеи.

— Белов, послушай меня, — садясь в автомобиль, четко произнесла Орлова. Вадим повернул к ней голову и вопросительно поднял брови. Его голубые глаза с поволокой хмеля насмешливо уставились на Ангелину. — Ты знаешь, мой первый муж разбился, когда вот в таком состоянии сел за руль. С этого дня все пошло кувырком. Вся моя жизнь превратилась в театр одной актрисы. Она разыгрывает благополучие и жажду жизни, а на самом деле... Так тошно бывает, хоть самой за руль и вперед до первого столба! Но, видно, не настал тот предел, когда нет больше сил. Не сегодня, хорошо? Когда-нибудь, если захочешь...

Ангелина почувствовала, что сейчас заплачет, и конечно все решат, что это слезы пьяной бабы, которая потеряла остатки разума. Она закусил губу, ощутив соленый привкус крови, и посмотрела на Вадима. Она застыла от неожиданности, увидев, что он спит, обняв руль. Орлова сначала улыбнулась, а потом все-таки заплакала. Ей стало так обидно, что первое ее откровение прозвучало так не вовремя. Она выбрала не тот момент для душевных излияний.

Двое молодых мужчин помогли ей пересадить Вадима на сиденье рядом с водительским. Потом Ангелина заплатила за то, чтобы их доставил домой один из водителей ресторана, которые дежурили как раз для таких случаев. Мужчина оказался разговорчивым, он явно пытался произвести на Орлову впечатление. Он то и дело обращался к ней с вопросами, намекал, что способен не только баранку крутить. Ангелина не чувствовала необходимости в общении. Потому, когда ей порядком надоела его болтовня, она приподнялась на заднем сиденье и, дыша крепким перегаром, сказала:

— Слушай, заткнись, пожалуйста. Мне просто нужно, чтобы ты доставил нас домой в целости и сохранности. Остальные услуги не требуются, понял? — водитель кивнул головой, и оставшуюся дорогу они провели в молчании, прерываемом громким похрапыванием Вадима.

Утреннее пробуждение показало, что Белов не помнил окончания вчерашнего веселья. Он спрашивал, Ангелина отвечала. И чем больше расспрашивал, тем больше удивлялся ответам. Он почувствовал к себе такое отвращение, что даже проглотил поднявшийся изнутри противный, тошнотворный комок. Вадим понял, что с этим образом жизни нужно заканчивать. Он не должен превратиться в вечно хмельное, заторможенное существо, получающее порции жалкой заботы от стареющей, одинокой женщины. Наконец он

осторожно поднялся и сел, опершись о высокий подголовник кровати. В голове стучали тысячи отбойных молотков, а глаза явно намеревались покинуть свое обычное место. Ангелина выглядела более активной. Она уже приняла душ, попивала кофе, а Вадиму принесла на подносе маленькую рюмку водки и бутерброд с красной икрой. Почувствовав запах спиртного, Белов замахал руками.

— Убери, убери, слышишь, не могу!

— Не будь ребенком. Промучаешься целый день. Пей, а потом жвачку пожуюшь. Ничего твой компаньон не заметит, — оставив на кровати поднос, назидательно сказала Орлова. — Гораздо хуже будет, если ты явишься вот в таком полуживом виде. Давай, герой, вдохни и вперед!

Вадиму показалось, что его вывернет наизнанку, едва он ощутил горьковатый вкус водки. Он быстро задышал, зажмурил глаза, а потом через пару минут почувствовал, как разлившееся по телу тепло становится приятным, и в голове молотки словно объявили перерыв. Стало легче, настроение поднялось. Съев бутерброд, Вадим снова устроился на удобной, просторной кровати. Закрыл глаза и почувствовал, что готов уснуть.

— Эй, бизнесмен, мы так не договаривались, — присев на краешек кровати, громко произнесла Орлова. Вадим открыл глаза и увидел, что она уже одета для работы. — Понедельник — день тяжелый. Иди в душ, переодевайся. Мой водитель будет у подъезда через пятнадцать минут. Мы тебя подбросим.

— Спасибо, — обреченно ответил Вадим, поднимаясь с кровати.

В машине Белов сел к Ангелине. Она медленно повернулась к нему и, улыбаясь, подняла брови. Вадим молча смотрел на нее, и этот взгляд не предвещал комплиментов.

— Ты что? — не выдержала Орлова.

— Смотрю и спрашиваю себя: почему она терпит меня? Неужели уважающая себя женщина может позволить такому безвольному, бессердечному созданию находиться рядом с собой, заниматься с ним сексом, выполнять бредовые желания? — в голосе Белова было столько злобы, что у Ангелины в первый момент перехватило дух. — Разве можно так, Ангелина Севастьяновна?

— Останови, — тронув водителя за плечо, негромко сказала она. Машина плавно остановилась на одной из центральных улиц города. Ангелина пристально посмотрела на Вадима и глухо спросила: — Что это значит?

— Ничего. Ты меня подобрала, зачем? Я хочу знать!

— Мне не нравится твой тон. Ты еще не протрезвел, мальчик мой.

— Нет, я хорошо соображаю, потому и задаю такие вопросы, — Вадим все больше выходил из себя. Его слух больно резануло обращение Ангелины — она всегда подчеркивает, что он еще слишком юный, чтобы разбираться в этой жизни. Это он уже когда-то проходил со своей первой женой. — И я тебе не мальчик!

— Почему сегодня, а не вчера, не месяц назад? — Ангелина чувствовала, как лицо ее становится красным, она знала, что сейчас выглядит ужасно, но бороться с эмоциями было невозможно. Она едва сдерживалась, чтобы не врезать этому нахалу пощечину.

— Всею свое время. Да ладно, можешь не отвечать. Те, кого подбирают, обязаны быть благодарными, так? А я веду себя как сволочь, но тебе и это нравится. На безрыбье и рак рыба, так? Я не хочу ждать, пока ты меня вышвырнешь. Я сам уйду, понимаешь, сам! У меня все будет, все! Но я никогда не стану одним из твоей свиты, никогда!

— Уходи, Вадим, — отворачиваясь от него, тихо произнесла Ангелина. Она

машинально провела рукой по безукоризненной прическе: короткая стрижка делала ее более моложавой, подчеркивала красивую форму головы и открывала выразительно сверкающие бриллиантовые капельки в ушах. — Ты сходишь с ума. Надеюсь, ты найдешь достойный выход. Прощай, мне было хорошо с тобой.

Глядя вслед удаляющейся машине, Белов запахнул полы куртки. Он чувствовал себя так, словно влез в солидную кучу дерьма, и нет никакой возможности смыть его незамедлительно. Оглядевшись, Вадим понял, что до офиса осталось рукой подать. Прикурив, он медленно шел, глядя себе под ноги. Уже не первый раз он не радовался предстоящему рабочему дню. Студенты раздражают, Проскурин постоянно читает морали. Остановившись перед дверью офиса, Белов поднял голову и посмотрел на окна своего кабинета: с недавних пор они с Костей работали в разных комнатах. Решительно отшвырнув недокуренную сигарету, Вадим нарочито нагло стал жевать жвачку. Ее мятный вкус был ему неприятен, но в данный момент это было такой мелочью.

Белов пытался предугадать, что скажет сейчас Костя, ведь в прошлую субботу они должны были на один день съездить в Москву. Все было договорено, когда Вадим позвонил и сказал, что плохо себя чувствует и чтобы Костя ехал один. Проскурин молча положил трубку. Наверняка предстоит нагоняй, ведь Костя любит показать, что он здесь главный. Вадим решил — один упрек, и он уйдет из этого чертового бизнеса, где человеку не разрешается иметь личных проблем. Воинственно настроившись, Белов взялся за ручку двери.

— Вадим, Вадим, подожди, — услышал он за спиной. Обернувшись, увидел Закревского. — Здравствуй, извини, я понимаю, что ты спешишь на работу, но я никак не могу тебя найти. Звоню домой — ты не берешь трубку. Галина Матвеевна невнятно отвечает, что не знает, где тебя искать.

— Короче, — Белов чуть наклонил голову и усмехнулся, демонстративно выплюнул жвачку. — Что это я тебе так понадобился?

— Я хочу, чтобы между нами не было недосказанного.

— У меня мало времени, — Белову не хотелось даже смотреть в сторону Андрея. Вадим был уверен, что смелости и решительности Валентине прибавил именно он.

— Да, да. Так вот. Я хочу, чтобы ты знал: между мной и Валею ничего не было.

— Сейчас это уже не имеет значения. Мы очень скоро перестанем называться мужем и женой. Она этого хотела — она это получит, — ответил Вадим, чувствуя, что в глубине души зарождается надежда все вернуть. Он не мог противостоять этому ощущению. Он нуждался в нем, ведь именно поэтому он сегодня порвал с Орловой.

— Нет, имеет. Я полюбил Валу с той самой первой встречи. Я понимал, что это безумие, но ничего не мог с собой поделать. Я и сейчас не могу говорить о ней спокойно. И я бы сделал все, чтобы она была счастлива, у меня бы получилось, только я ей не нужен в качестве мужа. Мы обсуждаем выставку, планируем дальнейшую работу, а потом... Она отказалась выйти за меня и собирается уехать на родину.

— Я знаю.

— Этого нельзя допустить. Она не должна закапывать свой талант. Работа медсестры — это прекрасно, но Валя — художник от Бога, — Закревский говорил взволнованно, с трудом подбирая слова. — Я в отчаянии.

— Чего ты от меня хочешь? — устало спросил Белов, складывая губы в презрительную гримасу. — Ты хочешь, чтобы я уговорил ее выйти за тебя замуж?

— Дурак. Я хочу, чтобы ты попытался все начать сначала. Она любит только тебя. За что только? Женщины во все времена предпочитали порочных мужчин, сходили по ним с ума.

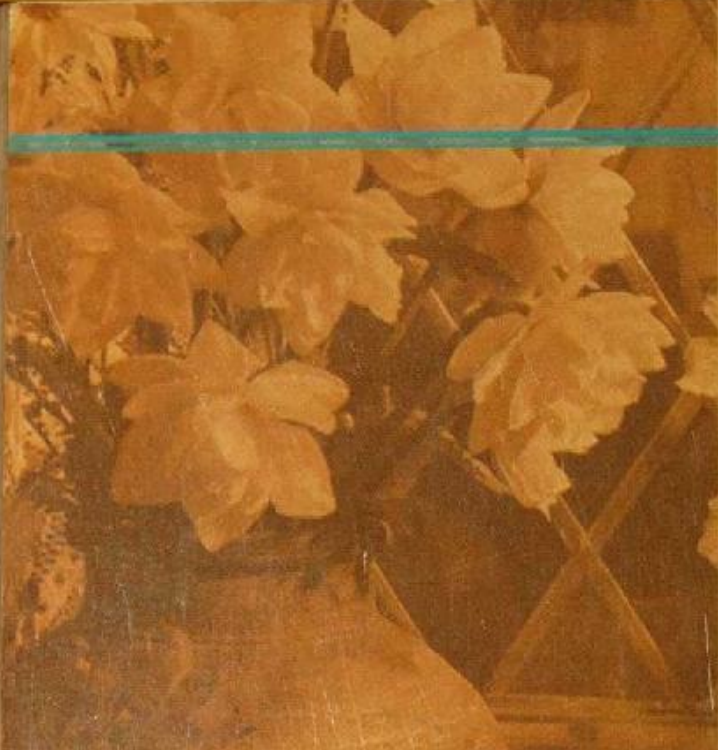
— Все, Андрей. Я понял. У вас ничего не было, тебя это тревожит, а у меня — ничего не будет. Закончим разговор.

— Вадим, — Закревский дотронулся до его плеча, словно стряхивая с него пыль. — Не старайся обмануть себя: она тебе тоже нужна. Только теряя, мы до конца понимаем ценность того, что имели. Жизнь так коротка, а мы усложняем ее, заполняем ненужными ошибками. Считай, что ты переболел и снова здоров. Помирись с ней.

— Странный ты человек, Закревский. Говоришь, что любишь ее, а уговариваешь меня искать примирения, — всплеснул руками Белов.

— Я нормальный человек, Вадим, нормальный, — ответил Андрей и, повернувшись, быстро зашагал от здания офиса.

Вадим закрыл глаза и шумно выдохнул. Поднимаясь по ступенькам, идя по длинному коридору, он продолжал прислушиваться к себе. Сидя в своем кабинете, он пытался настроиться на рабочий лад, но его волновало одно: «Чего ты действительно хочешь, Белов?» — четкого ответа снова не последовало. Оставалось ждать подсказок свыше. Единственное, в чем Вадим был уверен: спасения во лжи он больше искать не будет. Это болото не затянет его. С Валею или без нее он никогда не опустится до обмана. А Веронике Сергеевне он все-таки позвонит вечером. Нет, лучше заедет. Он сможет сделать так, чтобы его выслушали. Он намерен быть как никогда правдив.

Роман юной красавицы и преуспевающего, умного, мужественного «хозяина жизни»...

Сюжет для мелодрамы?

Увы, в жизни все МНОГО СЛОЖНЕЕ, чем в кино!

Избранник девушки... ЖЕНАТ и, что хуже всего, не намерен расставаться ни с женой, с которой ему привычно и удобно, ни с возлюбленной, которая дарит ему минуты ПОДЛИННОГО СЧАСТЬЯ...

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.